

СМЕНА

январь 2004

80
лет
ВМЕСТЕ
С ВАМИ

133-185 Молодой бульвар
87-132 А женщина сильнее!!!
36-86 Зачем убивать Деда Мороза?
148-153 Новобранец на пороге...

**“Смена” –
лауреат
премии
“Золотой
лотос”**

“Сохраним духовность
России!” – под таким
девизом проводится
ежегодный всероссийский
конкурс печатных СМИ
издательских домов
книжных издательств
Организаторы его – Союз
издателей
распространителей печатной
продукции и редакции
журнала “Витрина читающей
России”, а в состав жюри
входят руководители
крупнейших издательских
домов, известные писатели
публицисты
По итогам 2003 года
звание лауреата удостоена
редакция журнала “Смена”
за исключительный вклад
в пропаганду российской
истории и культуры

главный редактор

Михаил
Кизилев

редколлегия

Николай
Левичев

главный художник

Виталий
Федоров

зам. главного редактора

Тамара
Чичина

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

2004
январь (1671)

Сдано в набор 15.11.2003.
Подписано к печати 22.12.2003.
Печать офсетная.
Заказ № 6884
Тираж 50 000 экз.
Цена свободная

Адрес редакции:

Бумажный проезд, 14,
Москва, А-15, ГСП-4, 127994.

212-15-07 — для справок.

Факс (095) 250-59-28.

E-mail: jurnal@smena-id.ru

www.smena-id.ru

Отдел распространения:

257-31-37,

sales@smena-id.ru

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Per.№ 014832

Учредитель —

**ООО "Издательский дом
журнала "Смена".**

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Набор, верстка и цветоделение
ЗАО "НИИ НИТ"

Отпечатано в ФГУП "Смоленский
полиграфический комбинат"

по адресу: 214020, Смоленск,
ул. Смольянинова, д. 1.

**Журнал выходит
12 раз в год.**

© "Смена", 2004.

наследие веков

Ирина Опимах

4 Джорджия О'Киф

Игорь Опарин

**20 В поисках
потерянного рая**

издалека

Любовь Русева

**26 Сыщик
по призванию**

редакция
журнала
"СМЕНА"
поздравляет
преданных
и новых
читателей
с Новым
годом!

▼ стр. 154

▲ стр. 36

▼ стр. 4

стр. 174 ▶

детектив

Пьер Верн

**36 Убийство
Деда Мороза**

криминальная повесть

Иосиф Гольман

87 Пассажир сошел

◀ стр. 142

▼ стр. 160

молодой бульвар

Наталья Концевая

136 Удачливая девочка

Светлана Большакова

142 Влюбленный

в сцену

Екатерина Постникова

148 Чудеса

в военкомате

Ник Сигарищенко

154 Страшно, аж жуть!

Анна Шеркунова

**156 Как трудно просто
жить...**

Натя Петренко

**160 Герои Нового
Времени...**

Сергей Ченмаев

**164 Совсем немного
доверия**

Рассказ

Принцесса без сердца

**174 Просто такая
работа**

Бертран Вьедливый

**181 Путевые заметки
пижона и экстремала**

184 "Бульвар"-видео

Андрей Дышев

"ДИССЕРТАНТ"

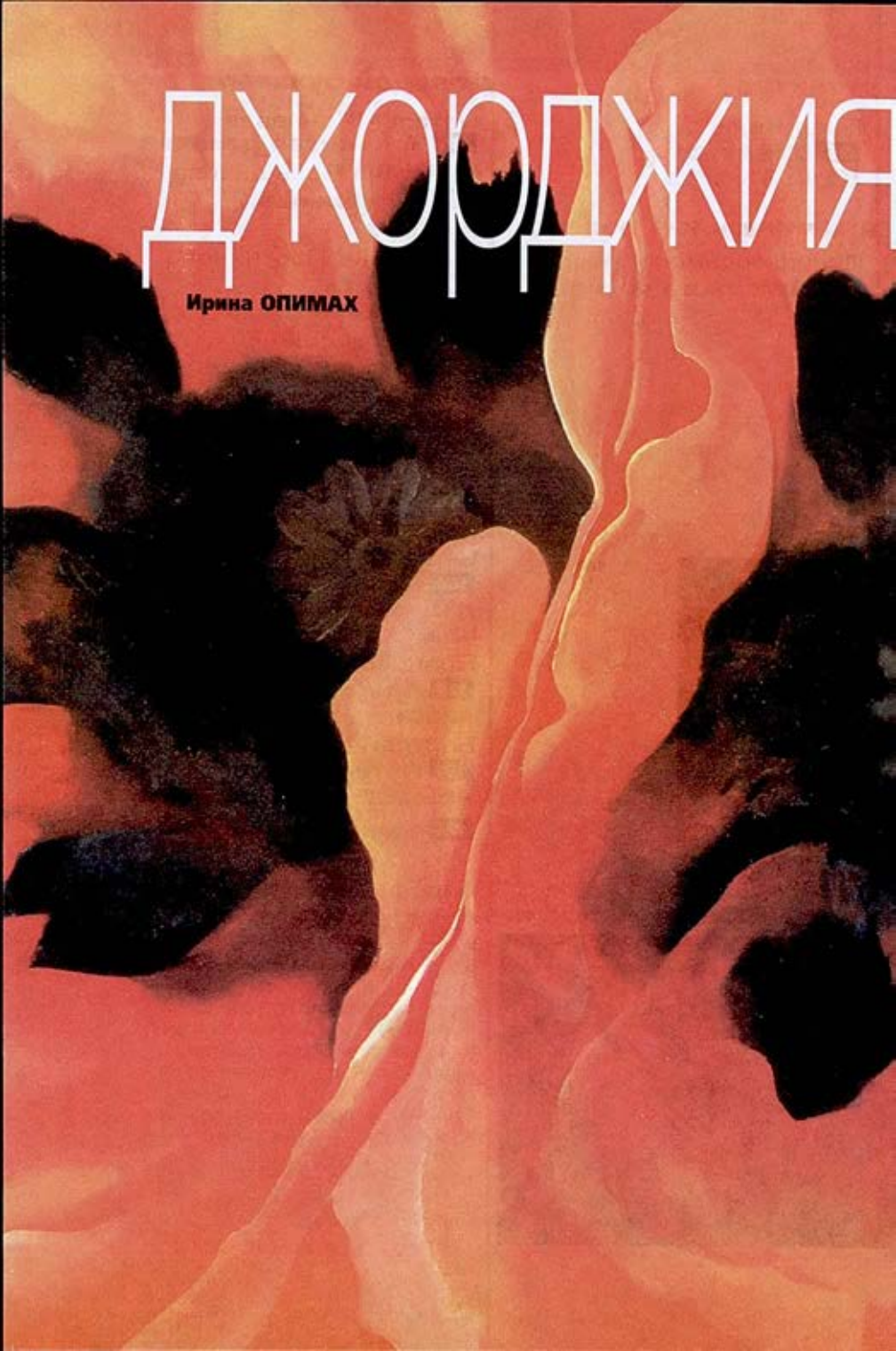
Как популярны стали разнообразные тесты! Ставишь крестики, нолики, цифирки и, пожалуй-ста, — можешь все о себе узнать. Главный же тест человек проходит в течение всей своей жизни — тест на честность, порядочность, цельность. Бывает и так, что не только жизнь подбрасывает свои вопросы и ответы, но иногда и близкие тебе люди захотят узнать — а что ты есть на самом деле? Через подобный тест и пришлось пройти Сергею Савельеву.

февраль '2004

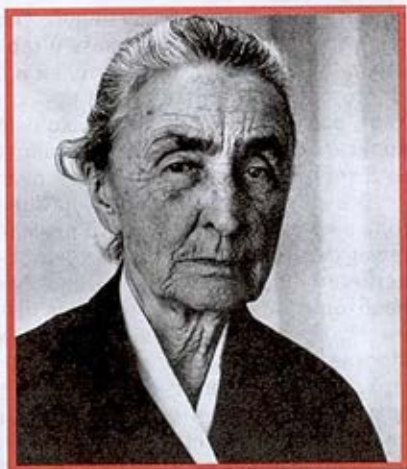
АНОНС: 2

ДЖОРДЖИЯ

Ирина ОПИМАХ

О'Киф

Творчество этой одной из самых известных американских художниц XX века мало известно в России, но на Западе оно пользуется огромной популярностью. Ее картины стоят десятки тысяч долларов, украшают самые престижные выставочные залы, интерьеры самых успешных банков и по праву занимают место в экспозициях лучших музеев мира. Она прожила долгую жизнь и оставила после себя богатое наследие, рассказав людям о красоте и величии своей родины.

Джорджия О'Киф родилась 15 ноября 1887 года в маленьком городке Сан Прери, штат Висконсин. Ее детство прошло на молочной ферме, владениях ее большого семейства. Позже Джорджия говорила, что родилась в "здоровой, нормальной части Америки". У Джорджии было четыре сестры, и их мать Ида, как когда-то и их бабушка, давала им уроки и учила рисовать. В XIX веке на Среднем Западе было принято, чтобы женщины сами раскрашивали свою мебель, стены домов, украшая их цветочными и другими орнаментами. У Джорджии как-то все получалось легко, и она рано поняла, что когда вырастет,

Восточные цветы. 1928.

обязательно станет художницей. Особенно нравилось ей рисовать портреты, она упрашивала попозировать и своих сестричек, и родителей, а когда тем это изрядно надоело, то приятелей и соседей. Она рисовала небольшие картины, которые легко держать в руках, и одна из преподавательниц школы Хоул Харт, располагавшейся недалеко от Мэдисона, где Джорджия брала уроки живописи, сказала, что та делает слишком миниатюрные изображения. После этого Джорджия уже никогда не рисовала маленькие полотна.

Все в Висконсине хорошо, да только вот зимы слишком холодные. И в 1903 году в поисках более мягкого климата О'Кифы переезжают в Виргинию. Джорджии уже 16 лет, и ее отдают учиться в Институт Чатхема. В то время шестнадцати-семнадцатилетние барышни одевались как старомодные дамы на балу — необходимой частью их туалетов были корсеты, пышные юбки, длинные локоны. Но все это совершенно немыслимо для юной Джорджии. Бунтарка носила строгие костюмы или простые белые платья, а волосы собирала назад в хвостик. Одна из преподавательниц, Элизабет Виллис, заметив незаурядный дар девушки, заявила, что Джорджия должна идти своим собственным путем. Она не заставляла ученицу делать то, что делают все остальные, а дала возможность проявиться ее индивидуальности. У Джорджии оказался нелегкий характер: бывало, несколько дней не способна нарисовать ни одной картины, а иногда работает как одержимая. Однажды, когда директор школы увидел, что девушка бездельничает, и высказал свое недовольство, миссис Виллис ответила ему: "Оставьте Джорджию в покое, когда к ней приходит вдохновение, она способна за день сделать больше, чем все за неделю".

Получив диплом, Джорджия переехала к своей тетке в Чикаго и поступила в Чикагскую школу искусств. Она посещала уроки Джона Вандерпоэла. Это "один из немногих настоящих учителей, встреченных мною в жизни", говорила художница спустя многие годы...

Но ей не довелось долго учиться у Вандерпоэла. Джорджия заболела тифом. Выходила ее тетка. Оправившись от тяжелой болезни, Джорджия решила уехать в Нью-Йорк, где стала членом Студенческого художественного союза. В то время жизнь в Нью-Йорке бурлила. Казалось, вот-вот произойдут какие-то очень значительные и глубокие изменения как в мире политики, так и в искусстве. Все подвергалось сомнению — весь уклад существования Нового Света. Эксперименты и подрыв самых важных, давно устоявшихся принципов — вот что владело умами молодых американцев. Революционные настроения распространялись все шире и шире. Из Парижа привозили картины тамошних художников, эти полотна, не походившие ни на что, принятое в respectableных американских кругах, выставлялись в нью-йоркских галереях, провоцируя скандалы и сенсации. И среди этих галерей — знаменитая галерея "29" Альфреда Стиглица, выдающегося фотографа и критика. Он первым показал нью-йоркцам картины Сезанна, Матисса, Пикассо, это в его галерее фотография стала искусством. И конечно, Джорджия часто бывала в "29" (здесь она в 1908 году увидела привезенные Стиглицем в Америку скульптуры Родена), но тогда она еще была никто, и Стиглиц не удостоивал молодую художницу своим вниманием.

В Нью-Йорке она познакомилась с Анитой Пулитцер, ставшей ее близкой подружкой и сыгравшей в ее жизни огромную роль.

Однажды один из тогдашних приятелей Джорджии, Юджин Спайкер, попросил ее попозировать, чтобы потренироваться в портрете. Ей же не очень хотелось тратить свое время, тогда Спайкер убедил ее весьма своеобразно. "Чтобы ты ни говорила, ты же знаешь, я обязательно стану великим художником, а ты, скорее

Две лилии на розовом фоне. 1928.

всего, закончишь свои дни учительницей рисования в какой-нибудь задрипанной женской школе". Однако судьба сложилась совсем иначе — великим художником стала как раз Джорджия, а Спайкер только благодаря тому ее портрету остался в истории американского искусства. Молодая, весьма привлекательная, с красивыми глубокими глазами, — умное, тонкое лицо, — она внимательно смотрит на нас из далекого 1907 года. У этой девушки еще все впереди — и свершения, и неудачи...

Джорджия много работала, но ее все не устраивало. Разочарованная в своих способностях, она уехала в Чикаго, устроилась дизайнером в одну из чикагских компаний и даже не брала в руки кисть. "Меня тошнит от запаха красок", — объясняла она друзьям.

В 1909 году она вернулась в Виргинию, в лоно семьи, в Вильямсбург, и работала в одном из колледжей города. А в 1912 году получила письмо от одного своего старого приятеля — он звал ее в Техас: в Амарильо освободилось место преподавателя рисования... Джорджии уже успел надоесть Вильямсбург, и она с радостью приняла предложение. В Техасе она жила до 1914 года. Амарильо — настоящее захолустье, город ковбоев, скотоводов и фермеров. В центре — большой рынок, а самые высокие дома вдоль центральной улицы не выше полутора этажей. И только одна дорога вела из города и уходила далеко за горизонт. Но для 25-летней Джорджии Техас с его дикостью и просторами стал миром свободы. И эта свобода появилась на ее картинах. Видеть красоту техасской земли учила она и своих студентов.

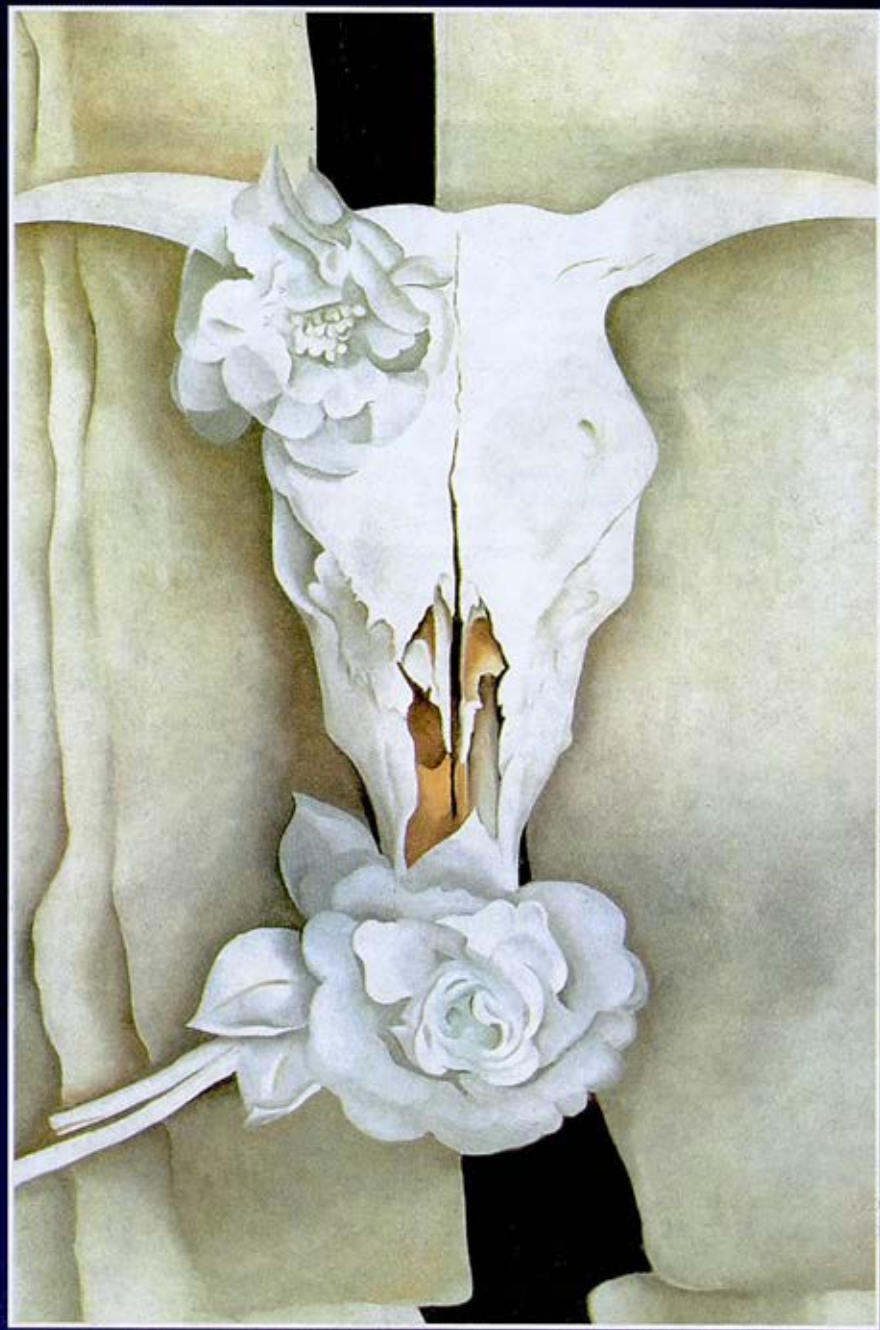
Однако провинциальная атмосфера Амарильо не могла удержать ее надолго, и в 1914 году Джорджия снова едет в Нью-Йорк, посещает педагогический колледж, а потом уезжает в Южную Каролину, где преподает в Колумбийском колледже. Работы было немного, и у нее оставались силы и время для живописи.

Ей 28 лет, она уже вполне зрелая личность, очень серьезно относится к искусству. И вот однажды, как вспоминала Анита Пулицер, Джорджия решила подвести итоги своих творческих свершений. Она развесила свои картины на стенах комнаты, которую тогда снимала, и внимательно их рассмотрела. К этому времени художница успела поучиться у самых лучших американских живописцев, и в каждом полотне увидела влияние их стилей. Нет, это не ее живопись! Все чужое, заимствованное у других! И молодая художница решает на поразительный поступок — она уничтожает все свои картины! Избавляется от всего подражательного и вырабатывает свой собственный, ни на кого не похожий стиль. "Я чувствовала, как во мне рождаются образы, которым меня никто не учил, формы и идеи, столь близкие, столь естественные для меня, для моей души, до сих пор почему-то не появлявшиеся на моих полотнах..."

Решительно покончив со старым, Джорджия снова принялась за работу и довольно быстро создала целую серию картин

Череп коровы и роза. 1931.

в совершенно новом для нее стиле. Ее подруга Анита Пулиццер по-прежнему жила в Нью-Йорке и часто бывала у Стиглица в его галерее. В своих письмах Анита рассказывала Джорджии о новостях художественной жизни Нью-Йорка и, конечно же, о том, что видит у Стиглица в его галерее. В 1915 году Джорджия послала часть своих новых работ Аните. Она еще не совсем уверена в себе и попросила подругу никому не показывать эти работы. Анита же была просто потрясена силой, чувством и обаянием полотен. Ей захотелось, чтобы картины Джорджии увидел кто-нибудь из понимающих в искусстве людей. Ничего нет удивительного в том, что именно Стиглицу, несмотря на данное Джорджии обещание, она принесла картины подруги. Для Стиглица работы никому не известной Джорджии О'Киф стали настоящим откровением. Он увидел в них "новую красоту, новое чувство... Наконец-то в живописи появилась женщина!.. Это самые чистые, самые прекрасные и искренние работы, когда-либо появлявшиеся в моей галерее!" — говорил он. Альфред так восхитился картинами, что захотел тут же выставить их в своей галерее, и сделал это, добившись — правда, с трудом — разрешения Джорджии. Она приехала в Нью-Йорк, пришла в галерею и, увидев свои работы, выставленные для всеобщего обозрения, очень разозлилась. Ее вынудили показать людям самые первые, самые сокровенные шаги по новому пути, то, что она делала только для себя! Когда Стиглиц спросил ее, понимает ли она сама, как восхитительны ее картины, Джорджия недовольно ответила: "Конечно же, я знаю, что я сделала. Я же не идиотка!" Стиглиц уговорил ее оставить полотна в постоянной экспозиции.

С тех пор судьбы этих двух выдающихся американцев, двух блестящих художников, неразрывно связаны вместе. Но тогда, после первой выставки в Нью-Йорке, Джорджия уехала в Техас, где ей предложили пост заведующего кафедрой искусств Каньонского колледжа. Здесь она работала до 1918 года, занималась живописью и изучала теоретические работы Василия Кандинского, который писал, что "глаза художника должны быть прежде всего устремлены в глубины собственной души". Эти идеи очень близки молодой художнице. А между тем, Стиглиц в Нью-Йорке продолжал выставлять и пропагандировать Джорджию. Ее уже признали ведущие американские критики, видя в работах художницы свежесть, красоту и глубину.

В 1918 году Стиглицу удалось уговорить Джорджию бросить Техас и переехать в Нью-Йорк. Альфреду Стиглицу было 54 года, когда он впервые встретил Джорджию, ей — 31. Он получил образование в Берлине, изучал технические науки, но всегда интересовался искусством. А когда Стиглиц узнал о существовании фотографии, его инженерные познания и стремление посвятить себя искусству сделали его одним из выдающихся фотографов XX столетия. Его галерея стала своеобразным клубом, где встречались самые свободомыслящие нью-йоркцы, там рождалось американское искусство XX века. Стиглиц был замечательным критиком, в его журнале "Кэмера уоркс", высоко котиравшемся в мире искусств, публиковались умные и тонкие статьи лучших американских и европейских писателей и искусствоведов. И вот этот яркий и темпераментный человек, уже совсем не молодой, увлекся не только работами Джорджии, но и ею самой! Так в жизнь Джорджии вошла любовь. До сих пор мужчины ее не слишком интересовали, она — удивительно цельная натура, ее страсть — искусство, а, кроме того, ей все время приходилось думать о заработке. Северная Джорджия не тратила время и свою душу на пустые интрижки. Но тут рядом с ней оказался необычный, умный, талантливый человек, и она не устояла. Однако все не просто — Стиглиц женат, и его жена не собиралась давать ему развод.

Он уже давно не был с ней близок, имел отдельное жилье, и такое положение, плюс деньги мужа, вполне ее устраивало. Да и в кругах художественной богемы к таким вещам относились вполне терпимо. Джорджия и Стиглиц стали жить в гражданском браке. Он поддерживал ее во всех отношениях — и как понимающий и направляющий критик, и материально. Альфред устраивал ее выставки в своей галерее, а когда "29" закрылась, организовывал ее экспозиции в других выставочных залах, в частности, в галерее "Интимейт". В 1930 году он открыл новую галерею — "Америкэн плейс", где каждый год выставлял работы Джорджии.

В 1924 году миссис Стиглиц наконец-то согласилась предоставить мужу свободу, и Альфред тут же сделал предложение Джорджии. Однако художница не сразу дала согласие — если они смогли жить вместе уже столько лет, и все обошлось без громких скандалов, зачем эти формальности сейчас, после шести лет совместной жизни? Но Стиглиц настоял, и она сдалась. Джорджия стала миссис Стиглиц в конце декабря 1924 года.

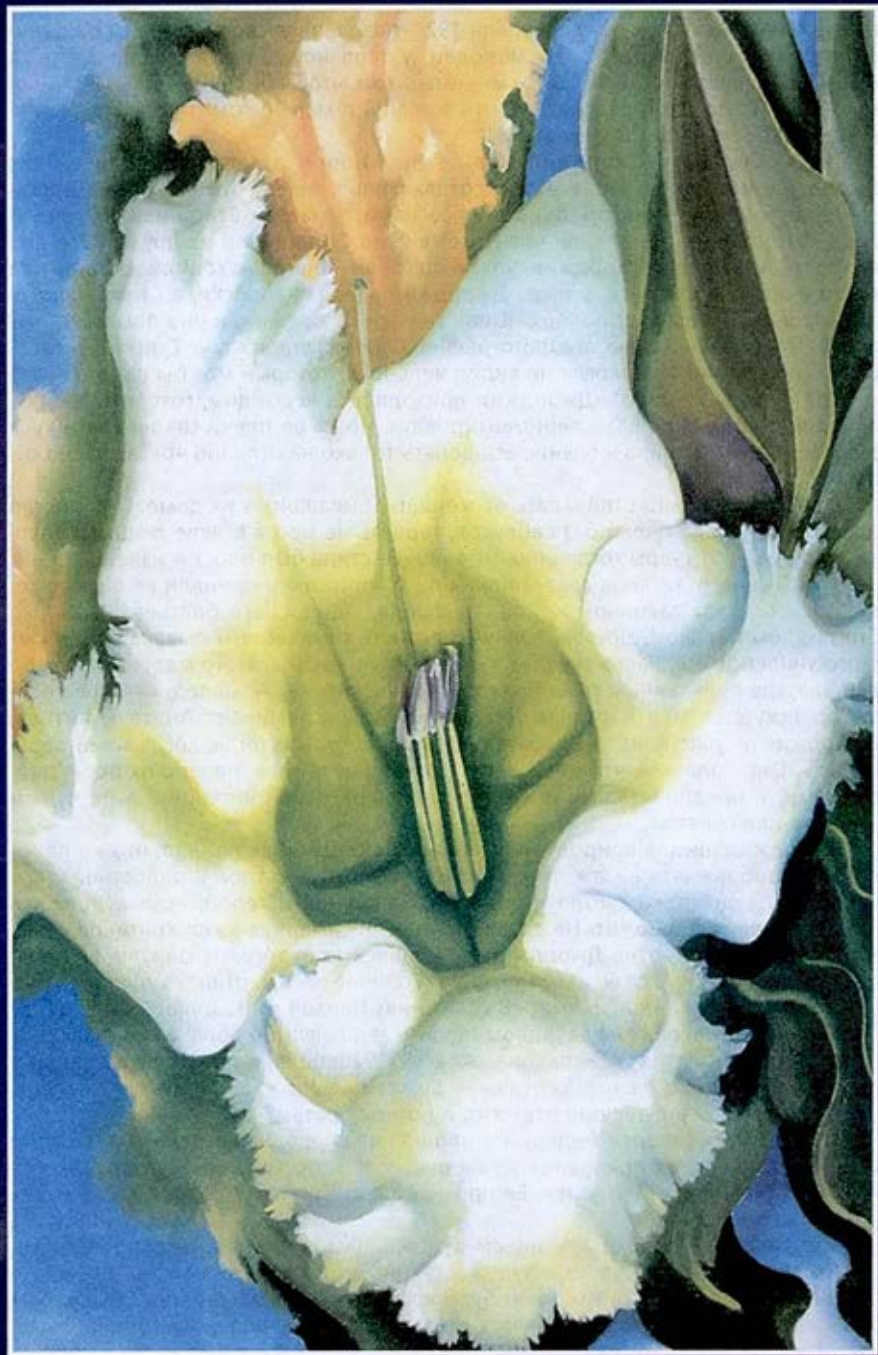
Теперь она, имея рядом такого замечательного друга, как Стиглиц, обожающего ее и ее искусство, могла не заботиться о хлебе насущном, а полностью отдаться живописи, особенно абстракционизму, рисуя тexasские пейзажи и нью-йоркские небоскребы, виды Лейк Джордж, где они жили летом, и конечно, огромные цветы, сделавшие ее знаменитой. В своих работах Джорджия пыталась запечатлеть музыку, стараясь заставить зрителя слышать живую мелодию.

И Стиглиц, в свою очередь, утверждал, что Джорджия вдохновляет его на новые свершения. Уже с 1917 года он непрерывно фотографировал Джорджию, и делал это до конца своих дней, находя в любимой женщине все новую красоту. Он сделал сотни ее портретов, фокусируясь то на руках, то на лице, то на теле; фотографировал ее обнаженной, и эти снимки несут сильнейший эротический заряд. В 1923 году Стиглиц показал публике сто работ, портретов Джорджии, а затем выставил серию изображений ее тела. Всего за всю свою жизнь он сделал около трехсот ее портретов!

Жизнь рядом с Альфредом отнюдь не была спокойной. Супруги — в центре художественной жизни Нью-Йорка. Вокруг Альфреда — всегда самые яркие, самые смелые художники Америки. В их дом на Манхэттене почти каждый вечер приходили друзья, новые художественные увлечения Стиглица, до поздней ночи обсуждая судьбы мира и пути развития искусства.

В конце 1925 года Джорджия и Стиглиц переехали на верхний этаж отеля "Шелтон". Настоящий небоскреб, из окон которого открывался вид на город с высоты птичьего полета. И на картинах Джорджии появляется Нью-Йорк небоскребов с его энергичными вертикальными линиями, с мощью и дерзостью, пронизывающей жизнь большого и быстро развивающегося промышленного города. Новые темы в творчестве Джорджии не всеми были восприняты с энтузиазмом. Небоскребы — символ могущества Америки, символ неограниченных возможностей человека, и, прежде всего, — мужчины. "Оставьте Нью-Йорк мужчинам", — говорили тогда многие Джорджии. Это ее раздражало, она никогда не была яркой феминисткой, но всегда выступала за равенство полов. В 1914 году она стала членом Национальной партии женщин, в 1926 поддерживала Элеонор Рузвельт в ее борьбе за равенство прав мужчин и женщин. Джорджия считала, что ничто и никто не должен препятствовать реализации творческих возможностей женщины.

Жизнь в Нью-Йорке была очень напряженной, здесь боролись честолюбия и амбиции, все рвалось к успеху, богатству. К концу 1920-х Джорджия стала ус-

"Серебряная чаша", 1939.

тавать от городской суеты. В феврале 1924, поздравляя свою сестру с рождением ребенка, она писала: " Ты молодец, у тебя нормальная жизнь. Здесь, в Нью-Йорке, никто не может даже мечтать о том, чтобы быть нормальным человеком. ... Ты можешь радоваться, что живешь в маленьком городе, где, оглянувшись вокруг, видишь деревья..."

Зимой Стиглиц и Джорджия жили в Нью-Йорке, а летом уезжали в Лейк Джордж, в местечко в горах, в двух сотнях миль к северу от Нью-Йорка. Здесь, на берегу озера, среди гор, поросших соснами, у матери Стиглица был дом. И сюда каждое лето приезжали члены семейства Стиглицев и их друзья. Все дни напролет Альфред и Джорджия гуляли по горам. Иногда находили живописное место и останавливались, и тогда Джорджия делала наброски, а Стиглиц фотографировал. Потом Стиглиц показывал снимки Джорджии, и она помогала ему проявлять пленки и печатать фотографии. Один из старых слуг Стиглицев говорил о Джорджии: " Я никогда не видел человека, который мог бы делать столь многое и столь хорошо". Джорджии приходилось вести дом, готовить — в кулинарии она любила поэкспериментировать. Но на ее плечи сваливалась куча забот и обязанностей, а желание все делать только на отлично чрезвычайно осложняло ей жизнь.

Джорджия сильно отличалась от женщин, бывавших в их доме. Она просто одевалась, носила туфли без каблуков, терпеть не могла всякие рюшки, шляпки и другие аксессуары тогдашних модниц. Ее стиль был прост и изящен.

Члены семьи Стиглица сразу полюбили Джорджию и приняли ее еще до того, как она стала законной женой Альфреда. Один из его братьев, Леопольд Стиглиц, был врачом, другой, Юлиус, деканом химического факультета Чикагского университета. Часто вечерами члены этого кружка, этого маленького государства, где признанным главой считался, конечно же, Альфред, вели разговоры об искусстве и о картинах Джорджии. Как вспоминает Анита Пулитцер, Джорджия не участвовала в дебатах и говорила только тогда, когда к ней обращались. Она полагала, что идеи — вещь очень интимная, нелепо их обсуждать со всеми, и предпочитала в искусстве следовать своей интуиции, а не чужим теориям или советам.

Джорджия писала природу, и именно в Лейк Джордж поняла, что когда художник изображает пейзаж, то картина может быть светлой и радостной, если на душе у художника светло и радостно, и хмурой и серой, если художника что-то мучает и тревожит. Не случайно один из американских критиков отметил, что каждое полотно Джорджии — независимо от того, пейзаж ли, абстракция, цветы — это всегда ее автопортрет. И конечно же в картинах художницы отражалось то, что волновало мир. В сражениях Первой мировой войны погиб ее брат Алекс — в окопах на западном фронте задохнулся в облаке отравляющих газов. И на ее полотне "Абстракция- Алекс" (1928) появляются облака страшного убивающего газа, а внизу картины — дрожащие розовые линии, словно горе, переполнявшее ее душу при известии о потере брата.

В 1923 году в галерее Андерсона прошла ее очередная выставка, и каждый день по 500 человек приходили в галерею, чтобы посмотреть картины Джорджии. Это был настоящий успех. Ее признали и критики, и простые зрители, ценители живописи.

В то время в Америке женщинам-художницам почти невозможно было добиться признания, хотя своими художественными достижениями они превосходили порой мужчин. Критик Алан Буррофс, признавая мастерство О'Киф, особенно в передаче цвета, добавлял: "Но в этом несправедливо устроенном ми-

ре мужчина может посвятить всю свою жизнь поиску ответа на вопрос, а женщина способна найти этот ответ в одну минуту с помощью своей интуиции”.

В Нью-Йорке Джорджия написала свои первые цветы. “Жители большого города все время куда-то спешат, и им некогда наклониться к цветку. Я сделаю так, чтобы они увидели цветы — хотя бы они этого или нет”, — писала художница.

Первые ее огромные цветочные композиции были выставлены в 1925 году. Одну из картин тут же продали за 25000 долларов. С тех пор Джорджия уже никогда не нуждалась ни в чьей финансовой поддержке.

Стиглиц, чтобы привлечь широкую публику к работам Джорджии, начал говорить о фрейдистских мотивах в ее творчестве. Фрейд побывал в Америке с лекциями в 1909 году. Его теории по психологии сексуальности повлияли на литературу и искусство, с его помощью тогда объясняли мотивацию почти всех поступков и стремлений человека. И вот критики один за другим принялись придумывать сексуальную подноготную творческих поисков Джорджии, и в этом им помогали фотографии Стиглица, снимки ее обнаженного тела. В ее цветочных композициях видели призыв и неутоленное желание, вожделение и готовность отдаться, порочность и чистоту... Сама же Джорджия считала, что все эти спекуляции имеют мало общего с ее творчеством, с чувствами, мыслями о жизни и красоте, красоте форм и цвета, которые она пыталась выразить в своих изображениях цветов.

Такие огромные изображения цветов еще никто в Америке, да и в Европе, не писал. Обычно живописцы рисовали цветы рядом с человеком, или на столе, в натюрморте. О’Киф пишет огромные картины, на которых нет человека, а есть только живая, брызжущая светом красота.

К концу 20-х годов ее картины продавались по весьма высокой цене, она стала богатой женщиной. Зимой в Нью-Йорке работала как одержимая, а летом в Лейк Джордж хотелось покоя. Однако здесь ее и Стиглица окружали все члены его большого семейства и их друзья. Джорджия мечтала построить недалеко от усадьбы свой собственный дом, где бы они могли с Альфредом отдыхать от людей. Но Стиглицу нравилось быть в центре своего мирка. Он — глава огромного клана, и его жене приходилось вести дом, все это беспокойное хозяйство: следить, чтоб все были накормлены и напоены, чтобы всем хватило постелей... Она же мечтала “убежать от всего этого и положить камешки и самые дорогие для меня вещи там, где я хочу”. Ей неутоно в огромном доме в Лейк Джордж. А кроме того, у нее начались проблемы со здоровьем. В 1927 году Джорджия перенесла операцию по удалению доброкачественной опухоли, потом ее преследовали то одни, то другие болячки. Врачи посоветовали переменить климат, и она уехала на Запад вместе с Ребеккой Штранд, женой одного из друзей Стиглица. Джорджия вместе с Ребеккой путешествовали по Нью-Мексико, любясь поразительной, завораживающей природой. А в Нью-Йорке Стиглиц страдал без своей жены. Когда-то он уговорил ее жить вместе с ним на Восточном побережье, но теперь она снова уходила от него, и он чувствовал: соперничать с притяжением Дикого Запада трудно.

В 1931 году Музей современного искусства объявил конкурс на оформление интерьеров Радио Сити Мюзик Холл. Среди 64 художников, приглашенных участвовать в конкурсе, и Джорджия О’Киф. Ее картина “Манхэттен” завоевала первый приз. Картины Джорджии уже давно продавались за цену от четырех до шести тысяч долларов, а тут оказалось, что за “Манхэттен”, большую работу, она получит только полторы тысячи. Отношения с Альфредом, который вел все ее финансовые дела, по разным причинам стали напряженными. Немалую роль сыграло и его увлечение молодой меценаткой Дороти Норман. Она финансировала галерею Стиглица и позволяла ему фотографировать себя обнаженной —

как совсем недавно он фотографировал Джорджию. Кроме того, возникли еще всякие мелкие проблемы с ее новым контрактом... Неудивительно, что у Джорджии случился нервный срыв, она вынуждена оставить работу, а в 1933 году художница попала в больницу с диагнозом — психоневроз.

Поправившись, она снова отправляется в свое любимое Нью-Мексико. Путешествуя, находит городок Хост Ранч и арендует однокомнатный "коттедж" — хижину, которую вечерами освещает маленькая керосиновая лампа. Жилище, конечно же, не назовешь комфортабельным, но зато вокруг такая красота! И Джорджия все дни проводит, гуляя по окрестностям. Она видит линии гор на фоне ослепительно синего неба, дрожание горячего воздуха, потоки света, пронизывающие все и вся... "Здесь можно найти оттенки всех красок палитры... самое прекрасное место на Земле..." — пишет она.

В 1940 году Джорджия уже окончательно поселилась здесь. Ее маленький дом в стиле адобе (похожий на жилища индейцев) — у подножия горы Педернал. "Это моя гора. Она принадлежит мне. Бог сказал мне, что если я напишу ее столько раз, сколько смогу, она станет моей", — писала Джорджия. И она действительно много раз — на протяжении десятилетий — писала гору, а также скалы, в зависимости от времени суток становившиеся то розовыми, то ярко красными или желтыми, за ее домом.

Каждый год Джорджия и Альфред проводили довольно долгое время порознь, и это не могло не сказаться на их отношениях. В тридцатые и сороковые годы он отказывается путешествовать с женой — причина всегда есть: он постоянно занят — или в галерее, или в журнале, и может себе позволить уехать только в свой любимый дом в Лейк Джордж. Джорджия много раз упрашивала Альфреда поехать в Нью-Мексико — хотя бы только посмотреть на эту красоту, но он всегда отказывался. Говорил, что его больное сердце не выдержит существования на высоте два метра выше уровня моря.

В 1946 году Музей современного искусства устроил персональную выставку Джорджии. В залах музея собрали ее работы за тридцать лет. Первый раз за двадцать два года Стиглиц не участвовал в организации ее выставки. И — огромный успех! Анита Пулитцер, сопровождавшая Стиглица на церемонии открытия, вспоминала: "Что-то в этом триумфе жены и признании ее работ его огорчало..." Наверное, потому что он видел, что теперь она несколько от него не зависит... После вернисажа устроили роскошный прием, и Джорджия благодарила критиков, людей, помогавших в организации выставки, и выдающихся нью-йоркцев, пришедших высказать художнице свое уважение.

31 июля Альфред Стиглиц умер. За день до смерти он писал Джорджии: "Я всегда первым делом читаю твои письма. Целую тебя, а потом еще раз. Завтра пойду в музей".

Несмотря на их частые разлуки, на его увлечения и измены, Джорджию и Альфреда связывала настоящая любовь. Когда они расставались, то тут же начинали друг другу писать письма — о том, что их волновало, что происходило в их жизни и творчестве. Джорджия тяжело переживала смерть человека, оказавшего такое влияние на ее становление как художника...

После его смерти на нее свалилось множество дел: она была наследницей, и ей пришлось три года распределять его художественные коллекции, фотоработы и архив по музеям, университетам Америки.

Разобравшись с наследством мужа, Джорджия решила окончательно переехать в Нью-Мексико. Зимой она жила в большом доме в городке Абику, а лето проводила в Хост Ранчо.

Красные каны. 1919.

Еще в 1929 году на картинах О'Киф появились местные церкви. Тогда она написала церковь Святого Франциска в Таосе, городке, куда в начале XX века стали приезжать американские художники, как и Джорджия, навсегда полюбившие удивительную красоту нью-мексиканских ландшафтов. Они ехали сюда в поисках тишины, естественности, первозданной, не испорченной цивилизацией, природы. (Сейчас Таос — известный во всем мире центр искусств, здесь огромное количество музеев и галерей и по-прежнему работают множество скульпторов и художников...) Джорджия писала эти скромные, построенные еще испанцами церкви, их точеные формы, розовые стены, и кресты, заполняющие внутреннее пространство...

Во время своей жизни Джорджия была удостоена множества наград: это и Медаль свободы, самая высокая награда, вручающаяся гражданским лицам в Америке, и Золотая медаль за живопись, присуждаемая Национальным институтом искусств. В 1949 году ее выбрали членом Американской академии искусств. Каждый год ее работы выставлялись в престижных галереях США. Ее называли самой выдающейся художницей Америки.

В 1973 году, в один из грустных осенних дней в ее доме появился молодой керамист Хуан Хамилтон. Ему была нужна работа, и Джорджия наняла его для всяких хозяйственных дел. "Он пришел как раз тогда, когда был мне очень нужен", — говорила она. Под его влиянием она тоже занималась керамикой, расписывала кувшины. Постепенно Хуан стал ее большим, преданным другом и помощником. Хамилтон оставался с художницей до самой ее смерти.

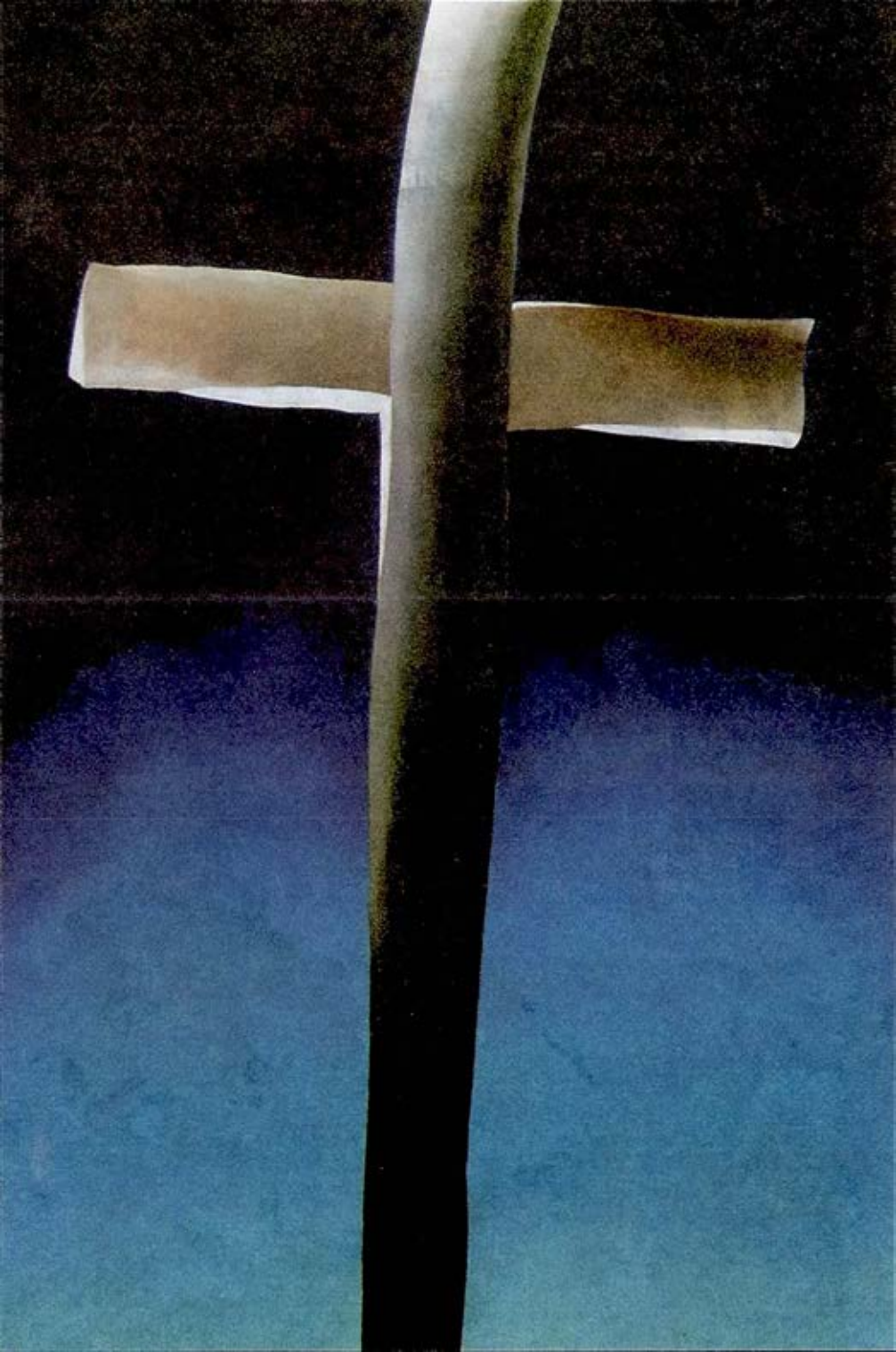
Джорджия работала до последних дней своей жизни. Когда ей исполнилось девяносто лет, американские документалисты решили сделать о художнице фильм. Они приехали к ней в Нью-Мексико и увидели перед собой не девяностолетнюю старуху, а полную азарта и энергии женщину. Потрясенные операторы снимали ее, карабкающуюся по отвесным скалам Нью-Мексико, работающую за мольбертом или лепящую сильными умелыми руками причудливые формы (у нее упало зрение и она обратила свое внимание на скульптуру).

С годами Джорджия слабеяла физически, но ее любовь к Хост Ранчо была такой же сильной, как и более сорока лет назад, когда впервые приехала в Нью-Мексико. Только перед самой смертью она позволила перевезти себя в Санта Фе, к цивилизации, врачам. "Когда я думаю о своей смерти, — писала она, — то сожалею лишь о том, что не смогу больше видеть красоту этой земли... Хотя, а вдруг индейцы правы, и моя душа будет и потом, после моего ухода, гулять здесь?"

Джорджия О'Киф умерла 6 марта 1986 года. Она завещала, чтобы ее прах развеяли на вершине горы Педернал. И преданный Хуан Хамилтон после печальной процедуры кремации, взял урну с прахом, поднялся на Педернал и выполнил последнюю просьбу художницы.

Джорджия О'Киф всегда протестовала, когда ее награждали пышными эпитетами, терпеть не могла славословий в свой адрес. "Пусть, когда я умру, обо мне будут говорить как о художнике, как о простом художнике", — говорила она. ■

Серый крест на голубом фоне. 1929.

В ПОИСКА

Игорь ОПАРИН

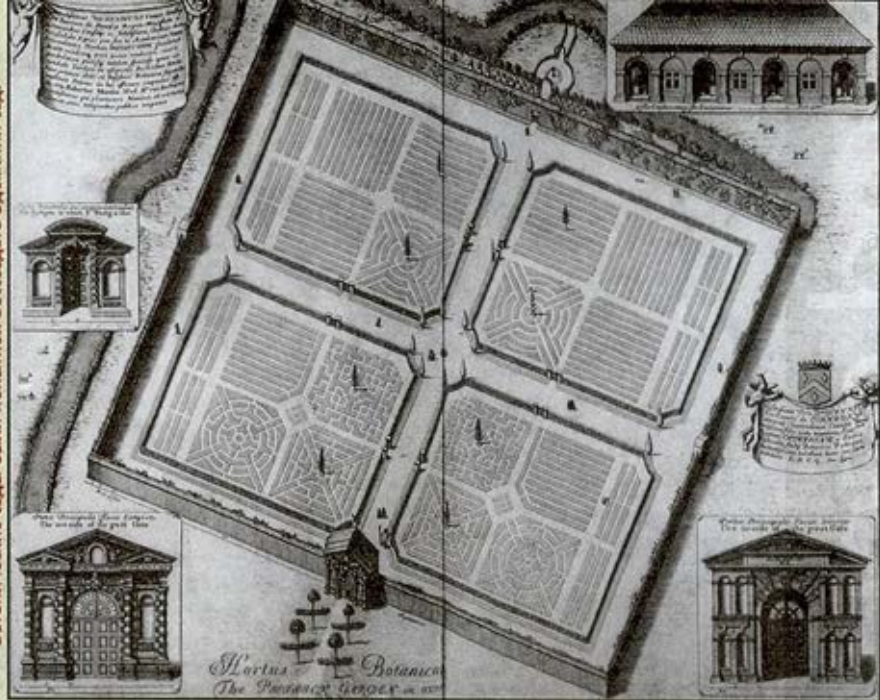

И. Босх "Эдем"

Микеланжи. «Адам и Ева в раю»

■ На протяжении многих веков люди верили, что где-то на Земле есть удивительное место: там царят добро и красота, нет несчастий и страданий, войн и болезней, а все живое пребывает в мире и гармонии. Ведь в Библии, этой великой и священной книге, рассказывалось, что Бог сотворил такой уголок для человека, и именно там жили Адам и Ева, первые люди, до своего грехопадения. Где же он, этот прекрасный сад, сад Эдема, потерянный рай?

“И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лицо его дыхание жизни; и стал человек душою живою. И насадил Господь Бог рай в Эдеме на востоке, и поместил там человека, которого создал” (Быт. 2, 7-8). В центре Эдема Бог поместил древо жизни и древо познания добра и зла. Орошает сад река, которая, вытекая из Эдема, делится на четыре части: Фисон, Гихон, Хиддекедь (так называли в древности Тигр) и Евфрат. Бог не остановился в своей созидательной деятельности и сотворил животных и птиц, а затем, погрузив Адама в глубокий сон, из его ребра создал ему жену, Еву (по-древнееврейски Хаву, — дающую жизнь). В счастливом райском саду произрастали в изобилии всевозможные деревья, “приятные на вид и хорошие для пищи”; здесь животные жили в мире с человеком и друг другом; здесь мужчина и женщина не знали стыда, ибо не знали дурного. То был век невинности. Но длился он недолго. Господь Бог позволил человеку есть плоды от всякого дерева в саду, запретив лишь вкушать плоды древа познания добра и зла. “В день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь”, — сказал Он. Однако коварный змей, наихитрейший из всех “зверей полевых”, которых произвел на свет Создатель, соблазнил слабую и легковерную Еву и уговорил ее попробовать запретные плоды: “В день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете как боги, знающие добро и зло”. Поддавшись искусительной речи, Ева нарушает заповедь, да еще склоняет к тому же и Адама. Лишь только оба отведали запретный плод, открылись их глаза, осознали они свою наготу и стыдливо прикрылись фиговыми листьями. Разгневанный Бог, прознав о том, что люди нарушили его запрет и решив не дожидаться того, что они, вкусив от древа познания, захотят еще вкусить и от древа жизни и обрести бессмертие, изгоняет их из рая, а в райских вратах ставит херувима с огненным мечом, дабы не допустить возвращения людей в Эдем. Теперь, говорит Бог, в наказание женщина обречена в болезни рожать детей и терпеть господство мужа над собой, а мужчина в поте лица добы-

вать хлеб насущный. Наказывает он и змея: змей, который был красив и имел ноги, теперь должен ходить на чреве своем и есть прах. (Хождение на чреве, то есть ползание на животе, в древности считалось выражением глубочайшего унижения, полного поражения.)

С незапамятных времен людей занимал вопрос — почему Бог сотворил Еву из ребра Адама, ведь сделал же он из подручного материала первого мужчину, почему же для создания женщины понадобился столь своеобразный способ? Клинописные таблички, найденные в развалинах Вавилона, дали поразительный ответ: оказывается, так получилось из-за забавного недоразумения. Дело в том, что в шумерском мифе у бога Энке болело ребро. На шумерском языке ребро — “ти”. К богу Энке позвали богиню, чтобы та вылечила его ребро, а звали ее Нинти, то есть “женщина от ребра”. Но “Нинти” означает также и “дающая жизнь”. Так в древнееврейских мифах возникла Хава, Ева, женщина от ребра Адама и праматерь рода человеческого, дающая жизнь.

Но все таки, где же то место, где мог быть Эдем, созданный Богом? Толкователи Библии пытались разгадать эту волнующую загадку. Итак, с Тигром и Евфратом все понятно. А где две другие реки, упомянутые в Священном писании? Гихон, как указано в тексте Бытия, протекает по земле Куш — так в древности называли Эфиопию. Таким образом, возможно, Гихон — это Нил. Фисон орошает страну Хавилу, которая, как утверждали теологи, располагалась недалеко от Индии, поэтому весьма возможно, что Фисон — Ганг. По этим приметам Эдем, полагали ученые, должен находиться на берегах Персидского залива (так думали Иосиф Флавий и отцы церкви). Другие же искали рай на Земле считали, что Гихон совсем не Нил, а Аракс, протекающий по земле Куш у Каспийского моря. И тогда Фисон — та река, что турки называли Фаш, а древним она была известна под именем Фасис. И текла эта река в стране золота Колхиде (Хавиле), на востоке от Черного моря. То есть, если следовать этим теориям, Эдем располагался на территории современной Армении.

Так или иначе, Кавказско-Евфратский район — колыбель человеческого рода и человеческой культуры. Именно здесь возникли и затем, как считают современные ученые, распространились по другим территориям многие виды животных и растений, здесь благодатные природные условия способствовали появлению и расцвету древних цивилизаций. Эта земля была и родиной евреев. Библия рассказывает, что отец Авраама жил в Вавилоне. И конечно же, вынужденные из-за религиозных конфликтов покинуть Месопотамию и поселиться в бесплодной пустыне, евреи сохранили память не только о шумерских мифах, но и о земле своих предков, о том времени, когда они жили в Междуречье, в этом чудесном крае, где урожай созревал по несколько раз в году, где росла пышная растительность, где ласковые лучи солнца согревали тело и душу. Прогневали они Бога, и изгнал он людей из Эдема (Ган-Эден, по-еврейски — приятность). Вот почему библейский рай (по-еврейски “пардес”, то есть парк или сад, от персидского “пайридеца” — огороженное, защищенное место) авторы библейских текстов помещают на востоке, там, где текут реки Тигр и Евфрат.

Конечно же, сейчас невозможно установить, где же на самом деле был легендарный Эдем — слишком изменилась с тех пор география Земли, многие реки пересохла, многие изменили свои русла, но в памяти поколений навсегда останется образ прекрасного райского сада, в котором царит гармония и мир.

Люди, отчаявшись найти рай на Земле, постепенно стали помещать его на небе. В поздней христианской традиции рай — место, куда попадают души праведников после окончания своей земной жизни. И в исламе рай, который мусльмане называют Джанна, — тенистый сад, где растут пальмовые и гранато-

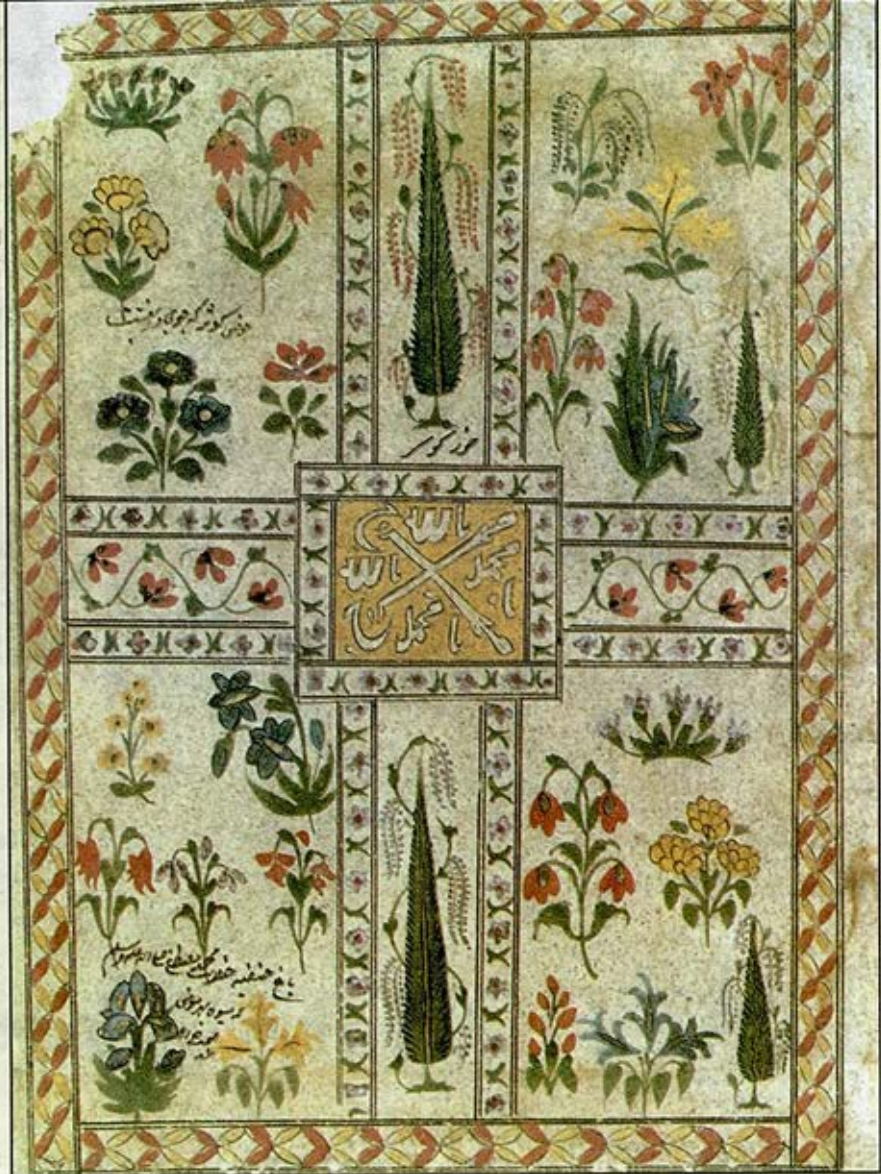
вые деревья, где бьют фонтаны и текут ручьи, где можно отдохнуть после тягот земной жизни, наслаждаясь покоем у чистых озер и прудов. Мусульманских правителей так прельщал образ этого прекрасного сада, что они, решив не дожидаться смерти, приказывали своим подданным соорудить для них дворцы и сажать сады в соответствии с описаниями рая в Коране.

И в Европе стали появляться сады и парки, напоминающие о библейском рае. В XVI-XVII веках в крупных университетских городах Италии, Франции, Англии и других стран возникают прекрасные ботанические сады, в которых ученые-садоводы бережно стараются собрать растительность со всей Земли. В 1621 году такой сад разбили в Оксфорде. Его разделили на четыре части, которые символизировали четыре библейские реки и четыре известных в то время континента — Европу, Африку, Азию и Америку.

Образ рая, этого уголка, где человек еще был счастлив и невинен, где пребывал в покое и гармонии со всем окружающим его миром, не мог не вдохновлять художников и поэтов. Гениальный голландец Иероним Босх (1450-1516) в своих грандиозных композициях создал не только безумные картины адских мучений в преисподней, но и светлые, красочные панорамы райской обители. Здесь яркое солнце, причудливые растения и животные — реальные, те, которые были в то время известны, и созданные фантазией мастера, — голубое небо, чистые озера, фонтаны. И Адам и Ева — они еще наги и невинны, они еще не познали добро и зло, и жизнь с ее тяготами и лишениями, человеческая жизнь, полная потерь и несчастий, у них еще впереди. Пишет Адама и Еву в раю и другой мастер Северного Возрождения — Лукас Кранах (1472-1553). На картине Кранаха Ева и Адам уже попробовали запретный плод и стыдливо прикрывают свою наготу фиговой ветвью. И счастье уходит из их мира: в глазах Адама появляется скорбь, а во зоре льва — угроза. Библейский миф о рае, грехопадении и изгнании вдохновлял Мазаччо и Микеланджело, Дюрера и Брейгеля, и многих других замечательных художников. Но для великих мастеров Возрождения главным становится не просто иллюстрация известной библейской истории, а создание нового образа человека. Да, Адам и Ева изгнаны из рая, но зато они обрели знание, а знание делает человека сильнее, умнее. Знание делает его хозяином своей судьбы, и теперь он сам, а не Бог, должен определять, как и где ему жить; он, навсегда потерявший рай, сам должен строить дом для жены и детей и добывать им пропитание. Обретя знание о добре и зле, человек становится человеком и сам творит свою жизнь.

В 1667 году в Англии вышла замечательная книга, ставшая важной вехой в истории английской литературы. Джон Мильтон (1608-1674), блестящий памфлетист, известный политический деятель, неутомимый защитник религиозной, гражданской и личной свободы, автор "Ареопагитика", речи в защиту свободной печати и сочинения "Иконоборец", издал свою большую эпическую поэму "Потерянный рай". Глубокого мыслителя, философа Мильтона не могли не волновать вопросы: "Что может позволить себе человек? До каких пределов простирается свобода личности? Что ее ограничивает?" Ответственность — так отвечал себе Мильтон. В своей поэме Мильтон воссоздает прекрасный райский сад. Он помещает Эдем на плато, расположенное на вершине обрывистой горы, поросшей лесом. И в этом саду живут Адам и Ева. Почему Бог запретил человеку вкусить плоды древа знаний? Ведь зло и добро — две стороны единого, чтобы познать добро, надо познать и зло. Бог оберегал человека от зла, поэтому не разрешал ему познать и добро, говорит поэт. Но само по себе знание не есть зло, наоборот, оно дает силы, дает возможность действовать, творить.

Мильтоновские Адам и Ева, уходя из райских кущ, уносили образ рая в своей душе. И мы все тоже следуем их примеру, в душе каждого человека живет

По исламской традиции небесный рай разделен на четыре части. План этого рая показан на индийском манускрипте XVIII века.

представление о прекрасном мире, где царит счастье. А иногда судьба подбрасывает нам подарки — то встречу с потрясающей все существо красотой земли, на которой мы живем, то пронзающую душу радость любви, близость единственного, самого дорогого человека, а то соприкосновение с великим искусством, делающим нас сильнее и чище... И тогда, боясь спугнуть это, ощущение, мы говорим себе: "Да, наверное, это и есть счастье, да, это, наверное, и есть райское блаженство". Рай, где бы он ни был — на Земле или на небе, рядом; он потерял не навсегда...

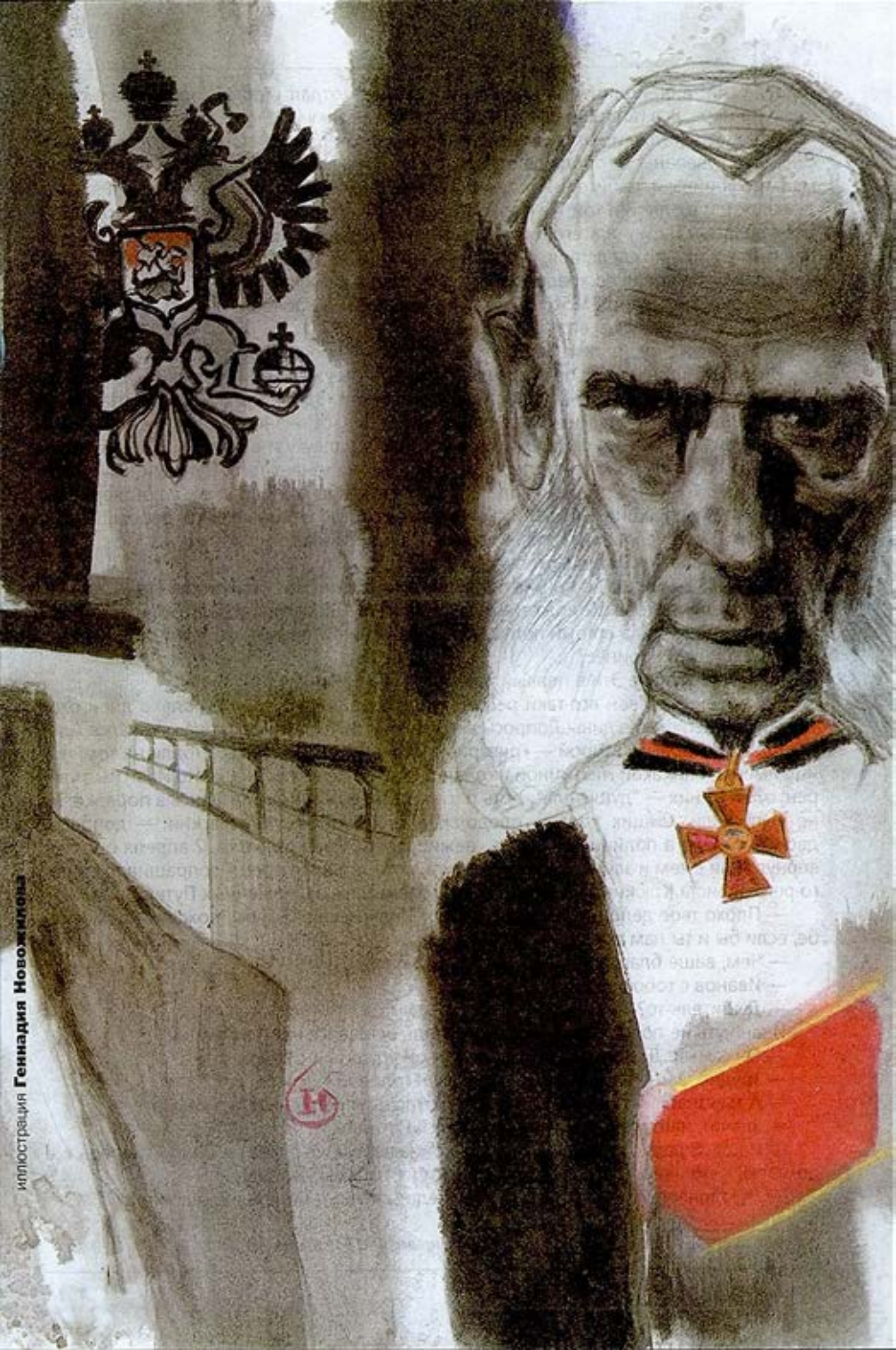

ЖИТЬ

по призыванию

Любовь РУСЕВА

Эта страшная история началась год назад: на Волховской дороге обнаружили труп мужчины, задушенного веревочной петлей. Убийство не привлекло к себе особого внимания, но вскоре на той же дороге нашли еще одного. И тут началось! Два трупа в Кронштадте, два — на погорелых местах Измайловского полка, один близ скотопригонного двора — и все та же петля на шее. Почти все жертвы — извозчики. Но, как оказалось, это были цветочки. Еженощные убийства в конце 1856-го и начале следующего года парализовали Петербург. Извозчики почти перевелись. Пе-

тербургский обер-полицеймейстер граф Шувалов отдал строгий приказ разыскать преступников. Вся полиция была на ногах, но без толку.

Из-за этих неуловимых душегубцев Путилин потерял сон. Он и его друг Келчевский были уверены: в городе действует группа, а не маньяк. Правда, Келчевский думал, что убийцы и грабители — одна шайка, а Путилин был противного мнения. Друзья служили в одной и той же Нарвской части: Келчевский — стряпчим по полицейским делам, а Путилин всего лишь помощником надзирателя. Первый особенно силен был в ведении следствия, второй — в сыске. Выйти на след убийц Иван Путилин решил через скупщиков краденого, но дни шли, а результатов не было.

Сегодня, 29 декабря 1856 года, Иван намеревался провести вечер в Малиннике. У Обуховской больницы его обогнали двое.

— Наши уже бурили ей. Баба покладистая... — проронил один.

Ивана Путилина точно по голове шарахнули — неужели они?! Неизвестные исчезли за темными воротами огромного дома Роберти. Здесь жила хорошо известная Ивану солдатская вдова Никитина. Через четверть часа те вновь появились, и сыщик "незначай" столкнулся с одним из них. Получив оплеуху и в придачу град крепких слов, Иван остался доволен: теперь он среди тысячи узнает того. Путилин наведился к скупщице. С Никитиной он находил общий язык, ибо не обирал ее, а договаривался, чтобы потерпевшие выкупали свои вещи за малую цену. Все были довольны.

— Чего, мил человек, надо? — равнодушно бросила солдатка.

— Не узнала? — Путилин рассмеялся.

— А вот те Христос не признала, ваше благородие! Вот обрядились-то!

— За делом к тебе. У тебя сейчас двое были, вещи продали. Покажи их.

Никитина достала старый полушубок и извозчий кафтан с бляхой.

— Кто тебе их принес?

— А пес их знает. Эти в первый раз.

Расстроенный Иван все-таки решил продавцов выследить. Несколько дней охоты — и он настиг свою дичь. Допросы вел Келчевский. Рыжий здоровяк назвался Александром Петровым, второй — Григорием Ивановым. Они твердо стояли на том, что ищут места и никакой Никитиной не знают. Та их тоже не признала. Но Иван был уверен: один из них — "душитель". Хоть паспорта задержанных оказались в порядке, их не выпускали. Сыщик упорно продолжал свои поиски, Келчевский — допросы, двое — сидеть, а полиция находить свежие трупы. Иван отчаялся. 2 апреля он тоже вернулся ни с чем и зашел в кабинет друга, который в это время допрашивал старого рецидивиста Крюкина — члена банды грабителей, задержанных Путилиным.

— Плохо твое дело, — закончил допрос Келчевский. — Я бы, пожалуй, помог тебе, если бы и ты нам помог...

— Чем, ваше благородие? — оживился Крюкин.

— Иванов с тобою сидит?

— Душитель-то?

Иван чуть не подпрыгнул, но следователь оставался невозмутимым.

— Он самый. Дознай от него, скольких он удушил и с кем...

— Трудно, ваше благородие, — покачал головой Крюкин.

— А ты узнай, — сказал Келчевский и отправил рецидивиста в камеру.

— Значит, наша правда! — обрадовался Путилин.

— Наша. Я давно это чувствовал, да конца веревки в руках не было. А теперь все знаем. — Келчевский приказал привезти из тюрьмы Иванова.

— Ну, здравствуй, — ласково начал следователь. — Сидеть не надоело?

* Очерк написан на основании записок И.Д. Путилина и М.В. Шевлякова.

— Не мед. Ну да господу начальники смилостивятся когда-нибудь.
— Вряд ли! Суди сам, Петров говорит, что ты душил извозчиков, а я тебя вдруг отпущу!

— Петров?! Ах, он...

— Что Петров? И ты сам камере говорил. Хочешь, позову их?

— Зовите! Я им в глаза наплюю...

— А что от этого? Все равно сидеть будешь. Петров-то все рассказал.

— Что он сказал? Что? — перешел на крик Иванов.

— Сказал вот, что вещи продавали...

— Ну, продавали, а что еще?..

— Что ты душил...

— А он? — закричал неистово Иванов.

— Про себя он ничего не говорил. Ты душил и грабил, а продавали оба.

— Так он так говорит! Ну, так я ж тогда! Пиши, ваше благородие!..

— Давно бы так, — кивнул головой Келчевский. — Ну, говори...

От Иванова стало известно, что лошадей и сани продали в Царском Тасину и братьям Дубовицким, часть вещей солдатке, а остальное сторожу караульного дома № 11. Сразу же после допроса Путилин обрядился бродягой и отправился на окраину города, на Лиговский канал...

Иван был мастером перевоплощения. Его стремительная карьера сыщика началась с должности помощника квартального надзирателя на Толкучем рынке. После хлопотного трудового дня он по собственной инициативе "внедрялся" в какую-нибудь криминальную среду, неузнаваемо преобразаясь при помощи маскарада и грима. "Вживание" иногда кончалось плачевно. Но сыщик не унывал: отлежится, раны залечит и снова за свое. Упорство дало плоды: вскоре он усвоил повадки и жаргоны различных типов и мог сойти "за своего" и у воров, и у мошенников...

Караулка № 11 стояла в пяти саженях от шоссе. Иван заглянул в окно. За столом — коренастый блондин, с белокурыми большими усами и изумительно голубыми глазами ребенка, и необыкновенной, видимо, силы. На скамье — рослый мужчина в форменном кафтане с бляхой, с трубкой в зубах. Была не была! Иван стукнул, те вздрогнули.

— Пустите, Бога ради, обогреться! Прозяб, как кошка!

Вид "бродяги" вызвал всеобщий смех.

— Походили бы в этом, посмеялись бы! Водочки бы, хозяин, иззяб...

— А деньги есть?

Путилин высыпал мелочь на стол. Пока "бродяга" пил да закусывал, голубоглазый Михаил расспрашивал его. Утомленному "бродяге" предложили переночевать в углу за печкой. Не успел он лечь, как дверь содрогнулась от мощных ударов:

— Водки, черт вас дерит! Шесть часов на шоссе простоял — и ничего!

— А чего стоял?

— Чего? Известно чего: проезжего ждал!

— Дурак! Ведь было сказано, пока наших не выпустят, остановиться.

— Дураки вы, если так решили. Остановитесь, все скажут: они и душители! А их выручать надо.

— Лучше двое, чем все!

— Небось, лучше ни одного...

— Жди, дурак! У них там завелся черт Путилин. Всех вынохивает.

— А я ему леща в бок!

...Еще не рассвело, когда Мишка разбудил "бродягу" и позвал в город. Этот чунонец с детскими невинными глазами производил на Путилина впечатление мате-

го разбойника. Впоследствии сыщик не раз убеждался, насколько ошибочно мнение, что глаза есть "зеркало души".

В части Келчевский Ивану сообщил о решении графа Шувалова отправить их в Царское село. Захватив с собой Ицку Погилевича, Путилин прибыл в Царское. Здесь в течение двух часов он арестовал всех, кого выдал Иванов. Когда появились министерский чиновник Прудников и Келчевский, сыщик передал им преступников и вещественные улики. Чиновника поразила оперативность. Келчевский же рассмеялся:

— Вы еще не знаете нашего Ивана Дмитриевича!

— Прошу вас отличить вот его. — Сыщик указал на Погилевича.

"Между прочим, это был очень интересный еврей, — писал Путилин. — Как он попал в стражники, я не знаю. Труслив он был, как заяц. Но как сыщик — незаменим... Маленький, рыжий, с острым, как шило, носом, с крошечными глазками под распухшими воспаленными веками, он производил самое жалкое впечатление безобидной ничтожности и с этим видом полной приниженности проникал всюду. В отношении же обыска или розыска вещей — феноменальный нюх. Он, когда все теряли надежду найти что-нибудь, вдруг вытаскивал вещи из трубы, из-за печки, а один раз нашел украденные деньги у грудного младенца в пеленках!.."

Келчевский начал допрос. Вскоре преступники во всем сознались.

... Путилин вызвал к себе на квартиру Погилевича, рассказал ему про ночевку в сторожке и охарактеризовал всех действующих лиц.

— Так вот, надо теперь выследить всех, кто там бывает, и узнать их имена. Раз! Потом узнать, когда они там соберутся. Два! И три — переловить их. Но это уже не наше дело. Наше дело накрыть! Понял?

— Ну и чего же тут не понять? — шмыгнул носом Ицка.

— А тогда — шагай!

Погилевич ушел и точно в воду канул. Путилин занервничал, но ночью 8 апреля тот явился бледный и уставший.

— Уф! Завтра ночью они все там будут.

— Откуда узнал?

— Ну и не все равно! Завтра они будут уговариваться о делах, а Мишка будет убивать на шоссе, и с Мишкой Калина. Этот Калина такой разбойник! Уф! Он уже четверых убил...

— Где же соберутся?

— И тут, и там...

Облава удалась, а вскоре схватили и остальных членов банды (всего их было 20 человек), кроме двух самых жестоких — Мишки и Сашки. Началось длительное следствие. "Картины одна страшней другой проходили перед нами на этом следствии, — писал Путилин, — и на фоне всех ужасов рисовались на первом плане люди-звери, настоящие разбойники: Федор Иванов, Калина Еремеев, Михаил Поянен и Александр Перфильев."

Последние двое гуляли на свободе, и Иван не успокоился, пока не поймал их. "Привод Перфильева был моим триумфом. С этого времени сам граф обратил на меня внимание и стал давать мне труднейшие поручения."

Так закончилась эта страшная история, и началась стремительная карьера Ивана Дмитриевича Путилина. Через 9 лет помощник надзирателя стал первым начальником сыска, который возглавлял 23 года. Ему тогда едва исполнилось 36 лет...

Он родился в мае 1830 года в городе Новом Осколе Курской губернии. Мальчишкой учиться не любил — все больше резвился по улочкам. Кое-как четыре года протянул в уездном училище. В 14 лет он уже зарабатывал себе на жизнь, а через не-

сколько лет отправляется в Петербург, где в МВД служил его старший брат, благодаря которому получает место в Хозяйственном департаменте того же министерства.

Старательностью и трудолюбием Иван обратил на себя внимание начальства, но без полного гимназического курса о служебном росте мечтать не приходилось. И Путилин после работы садится за книги. Сдав успешно экзамены, перевелся в полицейский отдел...

“Случай тяжелого испытания, — писал Путилин, — как для новоучрежденной прокурорской и следственной власти, так и для сыска новой организации, представился в 1871 году, когда ввиду личности убитого и могущих отсюда произойти политических недоразумений было категорически потребовано свыше, чтобы преступники были обнаружены немедленно и во что бы то ни стало...”

Рано утром 25 апреля 1871 года в управление сыска полиции сообщили: австрийский дипломат, князь Людвиг фон Аренсберг, найден мертвым в своей постели. Иван Дмитриевич тут же отправился на место происшествия. Вскоре туда же явились прокурор окружного суда, а вслед за ним масса высокопоставленных лиц: “Его Императорское Высочество принц Петр Георгиевич Ольденбургский, герцог Мекленбург-Стрелецкий, министр юстиции граф Константин Иванович Пален, шеф жандармов Петр Андреевич Шувалов, тогдашний австрийский посол при нашем дворе граф Хотек, градоначальник Санкт-Петербурга генерал-адъютант Трепов...”

Путилин с тоской следил, как высокопоставленные лица затоптали все, что можно затоптать, и хватались руками за все, что только можно. При таком количестве людей не то что работать невозможно, но даже думать. Ивану Дмитриевичу казалось, что их глаза ему говорили: “Отыщи или погибни!” К тому же император приказал ежечасно докладывать ему о результатах следствия. Несмотря на такие условия, Путилину удалось-таки в кратчайший срок найти и арестовать преступников, а также добиться их признания в совершенном преступлении. Кстати, ему часто приходилось заниматься не своим делом. В задачу его ведомства входило раскрытие преступлений и содержание преступников, остальное — дело следователей и суда. Так, арестованных им фальшивомонетчиков чуть было не оправдали в суде. Петербургские адвокаты блестяще развалили дело. Но Путилин всегда внимательно следил за процессами и вовремя помог правосудию: доставил на последнее заседание суда свидетеля простецкой внешности.

— Свидетель, что вам известно по делу братьев Пуговкиных?

— Ничего не известно, — пожал плечами уездный житель.

— Ну, а чем они занимались, известно вам? — недоумевает судья.

— Чем? Да уж известно! Деньги делали! Это каждый мальчонка знал!

Эти слова и убедили присяжных, и фальшивомонетчиков осудили.

Преступников, которые упорно отрицали свою вину, Путилин допрашивал с глазу на глаз и всегда добивался признания. “У меня никогда не было готовой формулы для допроса. Я никогда не старался запутать преступника, поймать его в противоречиях и тем озлобить. Наоборот, я беседовал с ним как с хорошим знакомым даже. И старался ему внушить, что он не изверг, не злодей, а несчастный человек, достойный всякого сострадания...”

По одному убийству, когда преступник убрал всех свидетелей, сыщик заподозрил одного типа, но арестовать его не мог, поскольку имел только косвенные доказательства. После очередного допроса Путилин проводил его домой. По дороге долго молчала, наконец, начальник сыска обронил:

— А ведь выжил мальчонка-то!

— Неужели выжил? — выдал себя убийца и тут же сделал признание.

Много страшных преступлений раскрыл за свою жизнь Иван Дмитриевич, от многих оборотней и убийц спас он людей. Но в его практике встречались и другие типы: от мелких хулиганов и жуликов до мошенников уровня Остапа Бендера. Одному из таких пришлось в голову продать рабочие леса отремонтировавшегося Исаакиевского собора, а они были как на подбор, да и казне влетели в копейку. И продать не какому-нибудь лоху, а ловкому столичному подрядчику. Вот Путилину и пришлось искать продавца.

Да что там рабочие леса, когда Семеновский плац был продан! Деловые и богатые люди встречаются не только в наши дни и не только в столицах. Как-то один разбогатевший провинциал приехал в столицу, где собирался построить фабрику так называемой "гнутой венской мебели" и обширные к ней склады. Тогда тоже в моде было все импортное домашнего производства. Желание есть, дело за малым: купить землю, на которой воздвигнется чудо-фабрика. Ну, а, как известно, без рекламы — никуда. Вот и публикует он в газете объявление о своем намерении и желании приобрести большой участок земли. Деловые люди, как известно, время терять не любят. Появляется у капиталиста в день выхода публикации приличный господин и предлагает большое пустопорожнее место не где-нибудь, а в самом центре Петербурга.

— Отлично! Когда я могу его осмотреть?

— Да хоть сейчас, — и повез приезжего на Семеновский плац.

— Который же угол вы можете мне продать?

— Любой.

— Я бы предпочел этот! — Будущий фабрикант указал на пространство между казармами Семеновского полка и Николаевской улицей.

— Он дороже других.

— Это ничего не значит.

Поторговались и сошлись на 60 тысячах за полдесятины. Что ж, деньги есть — ума не надо! На следующий день аферист повез незадачливого провинциала к нотариусу для заключения купчей. Увидев на дверях подъезда фамилию нотариуса, гость обрадовался — она была на слуху. В квартире третьего этажа за столом сидел серьезный господин. Он без проволочек (вот что значит столица!) оформил купчую, и продавец тут же получил наличными 15 тысяч, на остальные был выписан чек. После чего приличный господин направился в банк за деньгами, а новоиспеченный землевладелец — в гостиницу, где его ждали подрядчики.

Рано утром на Семеновский плац торжественно въехало несколько подвод с бревнами и досками, за ними — рабочие. Хорошие рабочие, споро у них дело ладилось. Фабрикант наш верно рассудил: прежде чем получить разрешение на постройку в городской управе, надо отгородить участок. До чего ж приятно чувствовать себя собственником!

— Что это вы тут затеяли? — удивился городской.

— Огораживаю, голубчик, свою землю.

— Какую такую свою землю?

— Вот этот угол я купил под фабрику.

Городской только плечами пожал. Начальству, мол, виднее. Не успел он отойти, как на голову свалился околоточный надзиратель. Ну и делал бы свой служебный обход, так нет — уставился, точно никогда забора не видел.

— Что это?

— Забор пока, а потом сооружу фабрику.

— Кто вам позволил?

— Средства-с, — фабрикант-то остроумный оказался, — да-с, именно они позволяют приступить к устройству весьма полезного предприятия.

— Да ведь земля-то казенная!

— Собственная!

— Как?

— Да так: купил — вот и все!

— Как и где вы могли ее купить? — Вот настырный!

— Что вы все удивляетесь?! Если не верите, взгляните на купчую.

Околоточный взглянул: действительно — продан кусок Семеновского плаца. Пожал плечами и в участок, докладывать приставу. Тот, может, и заподозрил, что околоточный вчера перебрал, но к семеновцам полетел.

— По какому праву огораживаете вы плац? — кричит на лету.

Вот неймется столичной полиции. Нет, чтобы за порядком следить да воров ловить, так только деловым людям мешать.

— По праву собственности. — Фабрикант понемногу зверел.

— Откуда вы взяли эти права собственности?

— Купил. Не угодно ли взглянуть на купчую...

Ей-Богу, с этими стражами порядка каши не сваришь!

— Кто такой потомственный дворянин Икс?

— Владелец этого пространства.

— Вздор! Это плац Гвардии Семеновского полка! Вас обманули.

Приезжают к знаменитому нотариусу, но почему-то он на этот раз этажом ниже, и физиономия у него не совсем та, вернее совсем не та.

— Вами заключена эта сделка? — подал купчую провинциал.

— Нет.

— Подпись-то ваша?

— Фамилия и печати мои, но поддельные.

— Стало быть, третьего дня вы не жили наверху?

Нотариус решил, что перед ним сумасшедший и отодвинулся.

— Нет-с, не жил!

— Грабеж! Среди бела дня ограбили!..

Немалых хлопот Ивану Дмитриевичу доставляли и дамы. Ох, уж эти дамы! Как-то Путилину глубокой ночью сообщили, что его знакомый купец, который недавно женился, собирается убить из ревности супругу. Путилин нашел на Невском женщину легкого поведения, которая за плату согласилась ему помочь. Ей пришлось через окно влезть в кабинет ресторана, поменяться одеждой с неверной и выйти. Ревнивец к ней с оскорблениями:

— Вот она! Полюбуйтесь на мой позор!

— Нахал!

— Что?! А ты кто?! Как тебя назвать?! — купец сорвал вуаль и ахнул.

— Вот видите, вы ошиблись! — укорил знакомого Путилин.

— А где же моя жена?

— По всей вероятности, дома, — пожал плечами сыщик.

На следующий день купец сообщил Ивану Дмитриевичу, что уверен в своем ангеле и больше никогда не поверит никаким телеграммам. Он попросил Путилина разыскать ту особу, которой нанес оскорбление и подарить ей на булавки 300 рублей. Через неделю на обеде:

— Милостивые государи, здесь между нами присутствует дорогая для меня личность, которой я обязан своим семейным спокойствием, а вы — сегодняшним обедом. Я собрал вас нарочно для того, чтобы вы со мной пожелали долгих дней и доброго здоровья Ивану Дмитриевичу Путилину. Он уберег меня от преступления. Ура!

После обеда сыщику удалось наедине поговорить с женой купца.

— Однако, сударыня, как вы неосторожны! Ведь вы действительно чуть-чуть не натолкнули вашего супруга на крупный скандал...

— Я?! Да с чего вы взяли?! — удивилась дама.

— Помилуйте. Можно ли в публичном месте назначать свидания, вести откровенные беседы, ездить в ресторан ужинать?!

— Вы, кажется, склонны подозревать меня в вероломстве? Это забавно! Конечно, я знаю, о чем вы говорите, но позвольте уверить вас, что в тот вечер я была в гостях у своей тетушки и нигде более.

Поступок Путилина спас не только супругов. Особа, которую он нанял, бросила свое занятие, открыла на деньги купца мастерскую и вскоре стала модной петербургской портнихой.

Как-то начальника сыска посетила молодая красивая дама и попросила прислать агента в качестве телохранителя, поскольку кавалер, которого она бросила, ночью ее убьет. Путилин приказал дежурному офицеру следовать за дамой, а другим подчиненным в штатском дежурить у ее дома.

— В котором часу может явиться поручик? — поинтересовался офицер.

— Какой поручик?

— Который собирается вас убить.

— Я совершенно не знаю никакого поручика.

— Как не знаете? Сами же говорили, что нынче ночью...

— Это я пошутила. Сидела одна вечером дома, стало скучно...

— Зачем же было сочинять? Вы могли взбудоражить всю полицию...

— Охота вам разбираться в шутке взбалмошной женщины!.. Ведь не поверю же я, что вам быть у меня в гостях не интересно?

Попробуйте, господа офицеры, возразить против такого аргумента, тем более, что взбалмошная женщина была красавицей! Вот и агент не стал. На следующий день Путилин получил пакет и записку. "Покорнейше прошу передать при сем прилагаемые сто рублей агенту Иксу за беспокойство и усердие".

Однако не все были так благодарны Ивану Дмитриевичу.

— Садитесь. Чем могу быть полезен, и в чем дело?

— Видите ли, сударь, — заговорила густым баритоном плотная высокая дама свирепого вида, — я вдова полковника Сидоренко. И вот однажды я с Марьей Павловной, это одна бедная дворянка, что живет у меня, сидим это, значит, пьем чай. Вдруг мне сделалось на сердце так грустно, точно перед несчастьем каким. И говорю я Марье Павловне, раскинь-ка, мать моя, карточки и погадай, отчего мне тяжело на сердце. Марья Павловна раскинула карты, посмотрела и ахнула! Большая, мол, вам предстоит радость неожиданная. Какая, думаю, мне может радость предстоять, когда я вот уже 14 лет вдовею, а о дочке, признаться, забыла. Вдруг распахнулись двери, и дочка моя — бух мне в ноги. "Маменька, — говорит, — не губите!" Я посмотрела и говорю: "Уж не за рыжим ли?" — "За ним, маменька". Ну, уж тут, признаться, сударь мой, не стерпело мое огорченное сердце! Я как развернулась да бац Марью Павловну в личико, сама замерла...

— Кто же этот рыжий? — поинтересовался Путилин.

— А если вам, сударь мой, не говорят его имени, то, значит, не следует и спрашивать.

— Но скажите хоть его звание.

— Да что вы ко мне пристали, прости Господи, точно допрос с меня снимаете...

Нехорошо, сударь, нехорошо!.. — рассердилась полковница.

— Извините, продолжайте, пожалуйста.

— И вот, очнувшись я, а тишина кругом, в комнате ни души, только друг мой Амишка ходит около моей головы и облизывает меня.

Вспомнила я, что случилось, мигом оделась да явилась к самому Федору Федоровичу Трепову. Так и так, мол, ваше превосходительство, войдите в положение бедной вдовы... А он меня прислал к вам. Путилин, говорит, все сдает.

— Так что же вам угодно, чтобы я сделал?

— А это уж не мое дело, на то вы и начальник сысской полиции.

— Но что же вы желаете?

— Я желаю, чтобы брак был расторгнут.

— Тогда обратитесь к митрополиту, а я же в этом случае бессилён.

— Уж не учить ли меня хотите, так молодцы, сударь! — взорвалась полковница. — Если б нужно было, Федор Федорович послал бы меня к нему, а не к вам, и выходит, что не митрополит должен мне помочь, а вы...

— Но позвольте, ваша дочь совершеннолетняя, и, значит, по закону этот брак действителен, его расторгнуть нельзя.

— Да что вы мне говорите, по закону, по закону! Раз Федор Федорович приказал, значит, здесь и закон ни при чем!

— Это невозможно! Если хотите, вышлем вашего рыжего зятя в 24 часа.

— Вот-вот, на этом я и настаиваю. Да нельзя ли его послать в Сибирь?

— Ну, в Сибирь не в Сибирь, а куда-нибудь на окраину возможно, но только не забудьте, что ваша дочь имеет полное право следовать за ним, и это мы запретить не можем.

— Ну, уж нет, этого не будет! Умру, а не позволю! — Полковница сжала крючковые пальцы в огромные кулаки, и вместо того, чтобы уйти, вытащила из кармана сложенный лист бумаги и протянула со словами:

— А это еще что?

— Вас вызывает участковый мировой судья, по уголовному делу за оскорбление действующим дворянки Хвостиковой, — пояснил Путилин.

— Что! Меня обвинять! Да разве полковницу могут оскорблять действием?! Эх, сказал, сударь!

— Но вы же сами рассказали, как ударили по лицу дворянку!

— Ну, времена! При покойном Николае Павловиче, царство ему небесное, таких порядков не было, и как хотите, а уж в суд не пойду!

— Ну, тогда приведут с полицейским, а наказать все-таки накажут.

— Как? Хотя и в суде не была?

— Да, по заочному решению.

— И сильно накажут?

— Как вам сказать, месяцев на пять посадят в тюрьму.

— Ну нет-с, чтобы я из-за этой мерзавки в тюрьме сидела?! Уж лучше не пожалейте тысячу рублей. А на вас, сударь, буду жаловаться Федору Федоровичу. Так и скажу: ваше превосходительство, вот вам мой добрый совет, прогоните Путилина, потому что какой он начальник сысской полиции, когда не может защитить бедную вдову и приказаний не слушает!

Полковница плюнула, резко развернулась и, не прощаясь, покинула кабинет. Путилин же, наконец, дал волю душившему его смеху.

Всю жизнь Иван Дмитриевич ради дела не щадил себя, чем подорвал свое здоровье, и в 1889 году он вышел в отставку. 18 ноября 1893 года первый начальник сыска скончался от гриппа.

Пьер ВЕРИ

УБИЙСТВО

Деда Мороза

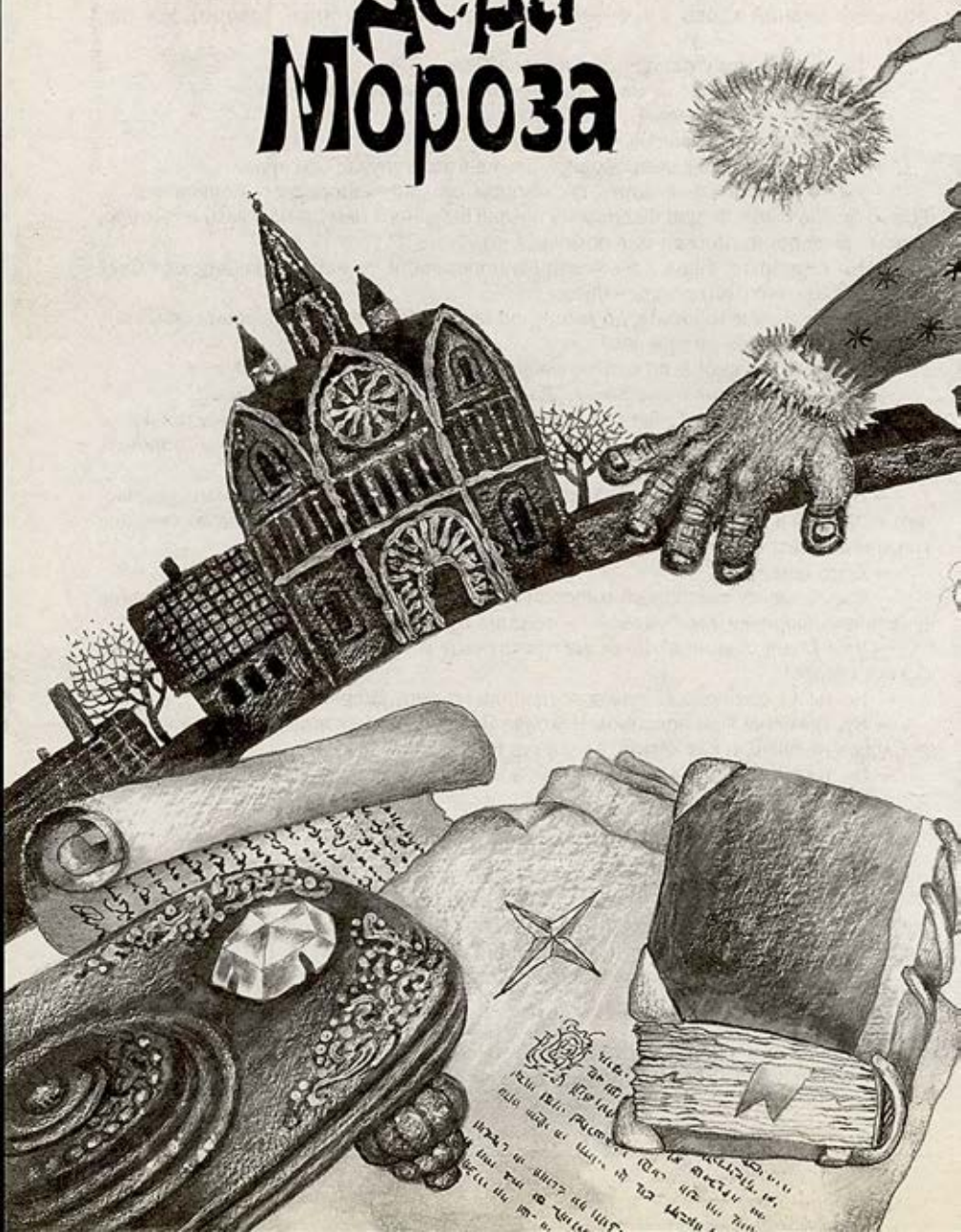

иллюстрация **Алексея Остроменцкого**

Глава I. Маркиз де Санта-Клаус

Аббат Жером Фюш, кюре Мортфона, местечка в департаменте Мёрт и Мозель, со вздохом облегчения поставил раку с мощами Святого Николая на стол в ризнице.

На небольшой площади толпились веселые взрослые и краснощекие дети. Карнавал заканчивался.

Святой Николай, небесный покровитель Лотарингии, снял разукрашенную тунику, митру, отклеил усы и бороду. Водрузив на нос очки, он окончательно превратился в знакомого всем и каждому ризничего по имени Блез Каппель и не спеша вошел в церковь.

Аббат Фюш, все еще находившийся в ризнице, неожиданно вздрогнул. В стенном шкафу, где хранились праздничные украшения священнослужителя, что-то зашуршало. Он поднес руку к груди. Сердце его и без того отчаянно билось: он страдал стенокардией, и любой малости хватало, чтобы страшно разволноваться. Но скоро аббат успокоился и сказал себе с улыбкой:

— Должно быть, это кошка.

Минутой позже, когда ризничий, наспех преклонив колени перед алтарем, вошел в ризницу, его охватило изумление: аббат Фюш растянулся на каменных плитах лицом вниз, с раскинутыми крестом руками. Блез Каппель, забыв обо всем на свете, бросился к нему.

Но тот, как выяснилось, не потерял сознания. Он ткнул дрожащим пальцем в распахнутый стенной шкаф, потом — в сторону узкой лестницы, которая вела наверх, и пролепетал:

— Незнакомец в маске... Он прятался в шкафу... А теперь побежал по лестнице...

Блез Каппель был человеком довольно хлипким с виду, но весьма отважным. Он сразу же вооружился каминными щипцами и бросился, перескакивая через ступеньки, наверх.

— Куда вы, куда вы, Каппель? — слабым голосом позвал аббат. — Не поднимайтесь! Сходите лучше за подкреплением!

Но ризничий уже исчез из виду. Сверху донесся его голос:

— Он не прыгал в окно!

Священник медленно поднялся и старался отдышаться.

— Поосторожнее там, Каппель! — крикнул он, как только смог говорить, и услышал, как затопали быстрые шаги, потом захлопали дверцы шкафа, и, наконец, донеслись обрывки фраз:

— Никого! Ой! Ой! Ну... Каким образом, черт...

Заинтригованный аббат решил подняться наверх сам и посмотреть, в чем там дело.

В просторном зале прямо над ризницей были три глубоких стенных шкафа. Блез Каппель открыл их и выбросил на пол содержимое. Теперь тут беспорядочной кучей валялись костюмы и реквизиты детских праздников: шуба, шапка и мешок Деда Мороза и зеленый костюм Деда с Розгами, персонажа, которым издавна пугают непослушных детишек.

Все три шкафа пусты. Под скамьями — никого. И за фисгармонией тоже.

Священник и ризничий высунулись из окна, но не увидели никаких следов.

Этот человек не мог выпрыгнуть в окно. Может, он вылез на крышу церкви, вскарабкавшись по стене? Нет, невозможно: стена гладкая, не за что зацепиться, наверху нет ни одного окошка, откуда можно было бы сбросить веревку...

Измученные и растерянные служители церкви устали друг на друга.

Аббат Фюш вернулся в ризницу и открыл сейф. Рака из гравированного серебра была прямоугольной формы, высотой двадцать сантиметров, шириной — пятьдесят, глубиной — десять. Исключительная ценность этой серебряной шкатулки объяснялась тем, что ее украшали два необычайных бриллианта: каждый весил около пятнадцати карат. Камни были прикреплены на противоположных сторонах раки золотыми лапками.

— Вы же видите, господин кюре! Оба бриллианта на местах! Ну, можно ли доводить себя до такого состояния? Подумайте, как это неразумно!

Вот уже десять лет Каппель работал в Мортфоне одновременно звонарем, церковным сторожем и певчим. Кроме того, он готовил пищу и вел хозяйство кюре. Все эти многочисленные обязанности, вынуждавшие его все время находиться рядом со священником, привели к тому, что он стал разговаривать с ним хотя и почтительным, но довольно фамильярным тоном, каким обычно говорят старые слуги.

— Пойду-ка приготовлю вам травяного чайку и накапаю туда спартеинчику...

— Хорошо, Каппель.

— А потом — сразу за доктором Рикоме!

Аббат Фюш вслед за Каппелем вошел в дом. Пока тот готовил на кухне свой чудодейственный напиток, он подошел к письменному столу, порылся в ящике и достал сложенный четверо листок бумаги.

— Послушайте, Каппель, я хочу сказать вам нечто очень важное. До сих пор я считал необходимым хранить тайну, потому что мой сан не позволяет повергать в смятение человеческий дух. Но теперь... Дело в том, что еще в прошлом месяце я получил анонимное письмо, которое чрезвычайно меня взволновало...

Каппель снял очки, хорошенько протер стекла, снова водрузил их на нос и принялся читать:

"Господин кюре!

Вы, конечно, знаете, что несколько лет назад был ограблен храм Святого Николая, находящийся в сорока километрах от вашего прихода. Хотя я и не имею права выдать вам источники информации, но все же хочу предупредить: теперь банда воров собирается грабить церкви нашего региона. Подписаться тоже не могу: моя жизнь в опасности".

— Я не знаю, кто это написал, но по почерку — явно мужская рука, — заметил ризничий.

На конверте стояла печать почтового отделения в Нанси.

— Сначала я подумал, что это всего лишь неудачная шутка, — немножко успокоившись, продолжал священник. — Но сегодняшнее событие доказывает: опасность вполне реальна. Больше всего меня беспокоит дьявольский способ, которым незнакомец в маске воспользовался, чтобы скрыться от нас.

— Может быть, стоит поставить в известность мэра?

— Ну да, конечно, чтобы он, в свою очередь, поставил в известность муниципальный совет! Даже если он не станет собирать совет, все равно скажет своей жене, а та — подружке, и, в конце концов, всю округу взбаламутят! Нет, нет, пожалуйста, никаких скандалов!..

— Хорошо, — согласился Каппель. — Тогда я посторожу.

— Вы храбрец, Каппель, но ни вы, ни я сам не способны выступить в роли часовых.

Зелье было готово.

— Выпейте, пока горячее, господин кюре, а я тем временем положу грелочку вам в постель...

Наконец священник улегся.

— Ограбление не удалось. Наверное, вор не посмеет явиться сегодня еще раз, — задумчиво проговорил Каппель.

— Каппель, я хорошенько поразмыслил над последними событиями и решил вот что, — перебил его аббат. — Я не имею права молчать после того, что произошло. Слишком уж велика ответственность. И подумайте: ведь приближается Рождество... Завтра же утром, после мессы, я поеду в Нанси: надо рассказать обо всем его преосвященству...

— Смотри-ка, не так уж глупо! — фамильярно ответил Каппель. — И уж во всяком случае, никому от этого не станет хуже!

Поздно вечером ризничий вышел из своего дома, задняя дверь которого открывалась в садик. Становилось все холоднее и холоднее, задул резкий ветер, земля застыла. Сначала крадучись, а потом все быстрее Каппель зашагал по полю. В одной руке у него был фонарь, в другой — кирка с короткой рукояткой. Он шел не меньше часа, пока не приблизился, наконец, к развалинам аббатства. По выщербленной лестнице спустился в сырой подвал. Здесь он зажег свой фонарь и принялся внимательно изучать стены, причем не только разглядывал покрытые плесенью камни, но ощупывал их пальцами и простукивал время от времени острием кирки. Каппель тяжело дышал, глаза его за толстыми стеклами очков сверкали. Этот человек с высоким белым пристегивающимся воротничком, в смешной круглой шляпе, сдвинутой назад, человек, выражение худого лица которого было отмечено странной смесью добродушия и лукавства, этот маленький человечек, пришедший в столь странное место в столь странное время, являл собою незаурядное зрелище. Продолжая обшаривать стены, он бормотал какие-то неразборчивые слова.

Внезапно Каппель отбросил кирку и топнул ногой. Потом поставил на землю фонарь, тяжело опустился на большой камень и застонал. Очевидно, на смену его экзальтации пришло полное отчаяние. Он помотал головой, сперва слева направо, потом справа налево, и замер.

Но такое состояние длилось недолго. Вскоре Каппель вскочил, вытащил из кармана куртки раздвоенную палочку, с какими ищут место для колодца, взял ее двумя руками, повернулся лицом к стене и принялся очень медленно обходить подвал по кругу.

Неделю спустя кто-то постучал в дверь скромной, окнами во двор, квартирки, что располагалась на первом этаже дома по улице Валуа, в Париже. На прикрепленной к двери медной дощечке были выгравированы слова:

ПРОСПЕР ЛЕПИК

защитник в судах города Парижа

Дверь открыл молодой человек. Он впустил гостя, провел его по темному коридору и предложил зайти в комнату, весьма прилично мебелированную. Посреди стояли три кресла и большой письменный стол, заваленный толстенными папками. Вдоль стены помещалась внушительных размеров картотека с ящичками, обозначенными буквами от А до Z. В книжном шкафу выстроились надежно переплетенные солидные тома.

— Прощу вас, подождите секундочку, — попросил молодой человек, знаком предлагая гостю присесть. — Я секретарь мэтра Лепика. Сейчас извещу его о вашем приходе.

Он тихонько постучал в дверь, на которой была прикреплена весьма неожиданная для адвокатской конторы табличка: "Частное владение. Вход воспрещен".

Комната, в которую вошел секретарь, ничуть не походила на первую.

Из мебели — только две разложенных раскладушки с небранной постелью, пара табуреток с наваленной на них одеждой и чемодан, заменяющий платяной шкаф. Обои, из-за сырости отклеившиеся от стен, свисали лохмотьями. Ботинки вперемешку со шлепанцами толпились вокруг разломанного патефона. В уголке на полочке стояла портативная газовая плитка, видимо, взятая напрокат. Одна из горелок была зажжена. Закипевшая вода бурлила в кастрюльке. Под полочкой — гора немойтой посуды.

Мэтр Проспер Лепик, парижский адвокат, растянулся на спине поверх одеяла.

— Там священник! — прошептал секретарь.

— Ах, черт! Уже явился? — Лепик спрыгнул с койки, посмотрел на будильник, потом поднес часы к уху. — Ну конечно, стоят!.. Ладно, пусть подождет. Скажи ему, малыш Жюгонд, скажи ему, что я... Ага! Я совещаюсь с двумя коллегами!

Жюгонд вернулся в приемную.

— Мэтр Лепик просил меня передать вам его извинения, господин аббат. В данный момент он заканчивает в своем кабинете совещание с двумя коллегами, которые пришли к нему за советом: они изучают досье весьма деликатного свойства, дело, приводящее к бесконечным кассациям... Через четверть часа он сможет вас принять. Поверьте, мэтр Лепик очень, очень огорчен... К нему так неожиданно обратились...

— Пусть это его не беспокоит, — любезно откликнулся священнослужитель. — Я подожду.

Он вынул из кармана требник. Жюгонд уселся за стол и положил перед собой одну из многочисленных папок. А Лепик в своей комнате раздумывал о том, что его больше всего волновало в данный момент: "Чего ему надо, этому симпатяге священнику? Какое дело он намеревается мне поручить? — Накануне Просперу Лепику звонили от самого архиепископа. Святой отец попросил адвоката принять некоего аббата Жиро. — Черт!.. Что бы это ни было за дело, боюсь, придется заняться им, хотя я предпочел бы иметь возможность выбора... Но, что поделаешь: я на мели. Домовладелец вчера прямо намекнул на два неоплаченных счета..."

Побрившись и тщательно одевшись, адвокат, наконец, вышел в приемную.

— Тысяча извинений, господин аббат! Мне невольно пришлось подвергнуть тяжкому испытанию ваше терпение...

— Пустяки, мэтр... Не имеет значения...

— Вы слишком любезны! К сожалению, дорогой аббат, мой кабинет занят сейчас одним коллегой, который пришел посоветоваться по крайне запутанному делу. Может быть, вы согласитесь побеседовать со мной здесь, в приемной?

— Разумеется.

Жюгонд исчез, а Лепик потер руки.

— Слушаю вас, господин аббат...

Еще через день епископ Нанси Жибель, недоумевая, вертел в руках визитную карточку, которую ему только что передали.

На карточке было написано:

"МАРКИЗ ДЕ САНТА-КЛАУС".

— Маркиз де Санта-Клаус! Вот это имечко! Все равно что сказать: господин Синяя Борода или господин Мальчик-с-пальчик! И каков же он из себя, этот маркиз?

— Высокий и худой, но тем не менее — крепкий. Темноволосый, смуглый, я бы даже сказал, кожа у него оливкового оттенка. На вид лет тридцать-тридцать пять. Элегантен, благовоспитан, только взгляд чересчур пылливый, если не инквизиторский... В общем, красивый мужчина. Больше всего похож на португальца благородного происхождения. Прекрасно говорит на нашем языке, но какой-то намек на акцент чувствуется. Одет, скорее, просто и в строгом стиле, но, тем не менее, и тут присутствует некая экзотика, хотя непонятно, в чем именно.

Его преосвященство улыбнулся.

— Вы мастер подмечать детали. Давайте-ка попробуем теперь определить этого иностранца одним словом: дворянин или авантюрист?

Секретарь прелата всегда отличался осторожностью в суждениях.

— Нисколько не сомневаюсь, — дипломатично ответил он, — что вы лучше меня сможете ответить на этот вопрос, если согласитесь на аудиенцию.

Епископ был в явном замешательстве.

— Досадно, — прошептал он, — очень досадно... Не вижу никаких причин отказывать в приеме благородному иностранцу, но он появился именно в тот момент, когда я ожидал... другого человека, и этот другой опаздывает...

Узнав от аббата Фюша о попытке ограбления мортфонской церкви, его преосвященство решил установить тщательное наблюдение за ракой с мощами Святого Николая. Он сразу же отбросил мысль о том, чтобы обратиться в полицию Нанси — отчасти потому, что опасался неуместной болтовни: город, где располагалась его резиденция, находился слишком близко от Мортфона. Но главная причина была более серьезной: очень уж ему не хотелось вмешивать полицию в церковные дела. Еще меньше хотелось связываться с частными детективами, которых епископ презирал как класс. Пришлось поделиться своими трудностями с архиепископом парижским, монсеньёром Флораном.

Его высокопреосвященство тут же откликнулось, сообщив епископу в ответном письме, что посылает к нему из столицы надежного человека — адвоката Проспера Лепика. "О его проницательности, его ловкости и его тактичности рассказывают чудеса, — уверял Флоран. — Кроме того, мэтр Лепик — просто умный человек. Что можно к этому прибавить?"

Лепик прибыл в Нанси утром и обещал к трем пополудни явиться к епископу. А сейчас часы показывали десять минут четвертого... И никакого тебе Лепика!

Зато каким-то ветром принесло нежданного гостя, благородного португальца с невероятным именем: маркиз де Санта-Клаус просит его принять...

Что ж, тем хуже. Лепик подождет.

— Извольте пригласить ко мне господина Санта-Клауса!

Описание, сделанное секретарем, оказалось абсолютно точным. Да, у маркиза какой-то особенно живой взгляд...

— Вероятно, вы проездом в нашем славном городе?

Уголки губ и одна бровь благородного португальца приподнялись почти неувидимым движением.

— Действительно — проездом. Я рассчитываю сегодня же вечером оказаться в Мортфоне.

Прелат вздрогнул.

— Разрешите спросить, что привлекает вас в этом местечке? Для туриста Мортфон, на мой взгляд, не представляет никакого интереса...

Губы маркиза Санта-Клауса раздвинулись чуть шире.

— Напротив. Меня, в частности, очень интересует местная церковь. Если верить путеводителю Жоанна, хранящаяся там рака с мощами Святого Николая — настоящее сокровище.

Епископ подозрительно уставился на гостя, но решил продолжить светскую беседу:

— Меня радуют ваши намерения, маркиз. Да, действительно...

Он прервался, заметив, что гость так и подскочил на месте.

— Маркиз? Простите меня, пожалуйста, ваше преосвященство, должно быть, я перепутал визитки! Подобная рассеянность непростительна! — Он достал из кармана бумажник и вытащил оттуда визитную карточку.

Жибель всем своим видом выразил глубочайшее изумление.

— Не может быть! Вы...

Маркиз живо поднес палец к губам и громко произнес:

— Да, я действительно маркиз де Санта-Клаус.

Глава 2. Золотая рука

Семь или восемь ребятшек растянулись на травке, еще зеленевшей вдоль берега Везузы, и смотрели на воду. Изредка над ее поверхностью показывалась рыба голова.

— Ночью пойдет дождь, — сказала одна из девочек.

— Да нет, какой там дождь! — ласково усмехнулась Катрин Арно, красивая молодая девушка, которую все дети и подростки Мортфона называли Золушкой. — Прислушайся получше!

Все прислушались: и правда, в ближнем леске что-то легонько потрескивало — это ломались самые тонкие веточки.

— Верная примета, — объяснила Катрин. — К ночи подморозит. Сейчас-то вы не мерзнете?

Спускались сумерки. Арка моста ясно отражалась в прозрачной воде, и на него поднялся какой-то человек.

— Эй! Привет! Привет! — помахал он рукой.

— Привет! — дружно ответили дети.

— Это Блез Каппель, — сказала маленькая Мадлен Нейбах. — И я знаю, куда он идет! К аббатству Гондранж!

— Зачем?

— А вот этого-то я и не скажу!

— Не знаешь! Не знаешь! Не знаешь, потому и не скажешь!

— Еще как знаю. Блез Каппель ищет Золотую Руку!

— Золушка! Золушка! Расскажи нам историю Золотой Руки!

— Да вы ее наизусть давно выучили!

— Ну, расскажи, Золушка!

— Ну, ладно, — согласилась Катрин Арно, — слушайте. Это было больше тысячи лет назад... — Ребята переглянулись. Тысяча лет? Слишком много, никакого воображения не хватит, чтобы себе такое представить... — В те далекие времена некий господин из Варанжевилля...

— Ой! Я знаю, знаю! — воскликнула Мадлен Нейбах. — Я однажды была с мамой в Варанжевилле. Это чуть в сторонке от Сен-Николя-дю-Пор, поблизости от Нанси.

— Да, правильно. Но если ты не замолчишь, я никогда не смогу рассказать вам историю до конца. Значит, вот как было дело. Этот господин, о котором я вам гово-

рила, привез из Италии священную реликвию, кусочек мощей Святого Николая: самый кончик его пальца, совсем крошечный. Чтобы сохранить эту реликвию, король Рене Анжуйский много лет спустя заказал изумительную раку в форме человеческой руки.

— И что — она была даже красивее, чем рака в Мортфоне, Золушка?

— Намного красивее.

— Во сколько раз?

— Ну, такого вам никто не скажет. Это была рука из чистого золота, украшенная жемчугом, бриллиантами и другими драгоценными камнями, сверкающими, как солнце, представляете?

— Такими камнями, как в витрине у ювелира Тюрнера?

— Да ты что! В тысячу раз лучше! Ну, ладно... Рассказываю дальше... Полюбоваться Золотой Рукой и помолиться Святому Николаю постоянно стекалось множество людей. Говорят, что однажды на Пятидесятницу прибыло сразу больше двухсот тысяч человек.

— Двести тысяч? Господи, да как же их всех разместили и чем накормили?

— Очень просто! — ответила Катрин. — Они принесли с собой в котомках хлеб и колбасу, а спали на берегу реки.

— А какой она была величины, Золушка?

— Такая большая... Ну, как моя — от кончиков пальцев до локтя. К несчастью, она пропала сто пятьдесят лет назад.

— Пропала, Золушка? Совсем исчезла?

— Говорят, что плохие люди в то время, его называют эпохой Революции, украли ее, чтобы наделать золотых монет. Но некоторые утверждают, что это не так, и знаете, почему? Некоторые утверждают, что Золотая Рука короля Рене никуда не пропала: ее спас ризничий церкви Сен-Николя-дю-Пор и спрятал сначала в Аврикуре, а потом у нас, в Мортфоне...

— И Блез Каппель в это верит! — задыхнулась от волнения Мадлен Нейбах.

— Да, конечно. Он думает, что Золотая Рука спрятана где-то в развалинах старинного аббатства Гондранж или в замке барона де Фая, что позади мэрии. Но другие считают, что она находится в одном подвале на Рыночной улице, знаете, где москательная лавка?

— Знаю, знаю, я рядом с ней живу! — воскликнула одна из девочек с нескрываемой гордостью: еще бы, жить совсем рядом с местом, где уже больше полутора веков покоится знаменитая историческая реликвия!

— Но есть и другие мнения, — продолжала Катрин. — Некоторые вспоминают таинственную фразу, которую когда-то прочли в одной колдовской книге.

— Знаю! Знаю! — закричала Мадлен Нейбах и тут же затараторила: — "Спроси Пастушью Звезду, и ты найдешь, где спрятана Золотая Рука..."

— А ты, Золушка, веришь, что эта Золотая Рука где-то спрятана?

— Ой, не знаю, крошка моя, — вздохнула Катрин, призадумалась и добавила. — Да и кто может знать...

— Знаешь, Золушка, мой брат Кристоф один раз спускался в подземелье, вместе с Жюлем Пудриолле и племянником Деда с Розгами, ну, ты знаешь — деревенский полицейский Вирекур, — таинственно заговорил толстощекий мальчик. — Говорят, там тьма кромешная и то и дело на голову падают капли ледяной воды... Еще там полно всяких зверюшек, которые с писком бросаются тебе под ноги... И хотя он страшно испугался, мой брат Кристоф, он все-таки... он... знаешь...

— Трус! Трус! — закричали девочки.

Мальчик вскочил, сильно разозлившись.

— Ничего мой брат не трус! — возмущенно выкрикнул он. — Ничего не трус! Вот я ему скажу — и увидите...

— Чего это мы такое увидим?

Паренек пробормотал какую-то нечленораздельную фразу — ясно слышалось только дважды повторенное слово "трепка", потом повернулся спиной к компании, подобрал с земли плоский камешек и с силой запустил его по воде, надеясь, что он запрыгает. Вот только ничего у него не получилось, и он еще сильнее надулся, однако, вернувшись к компании и встретившись взглядом с Золушкой, смотрешей на мальчика дружелюбно и сочувственно, тут же заулыбался.

Небо заволокли длинные темные тучи.

— Ну, все! — сказала Катрин. — Пора по домам, если мы не хотим встретиться с букой...

В тот же самый час из Нанси в Страсбург шел пассажирский поезд. Элегантный мужчина, единственный пассажир в купе второго класса, нервно курил одну сигарету за другой и каждые пять минут смотрел на часы. Иногда он бросал рассеянный взгляд за окно — на мирные сельские пейзажи Лотарингии. Вскоре поезд подошел к Сире, и путешественник выпрыгнул на платформу. В руке у него был чемодан из свиной кожи, весь заклеенный рекламой известных отелей. Он быстро миновал здание вокзала, вышел на площадь и направился к двум машинам, стоявшим бок о бок у тротуара.

— Можете подвезти меня в Мортфон?

— Я-то нет, — ответил один из таксистов. — Мой маршрут — в Арракур и Виксюр-Сей. Это в другую сторону. Но второй парень вас возьмет: ему по пути. — И зарорал дремавшему водителю: — Эй, Марселен! Тут пассажир до Мортфона!

Путешественник сел в машину, и спустя полчаса они уже стояли перед отелем "У Святого Николая".

— Здесь лучше всего готовят в этих краях, — пояснил шофер.

Появление незнакомца произвело сильнейшее впечатление. Летом в Мортфоне еще бывали редкие туристы, но зимой — никогда. Ни одного. Этот господин с роскошным чемоданом оказался первым.

Мальчишки, гулявшие поблизости, ужасно разволновались, собрались стайкой и прилипли к стеклам, надеясь разглядеть через щелочки в неплотно задернутых шторах, что делается в вестибюле отеля.

— Мсье нужен номер?

— Да, и самый комфортабельный. Я рассчитываю пробыть здесь не меньше месяца.

Потрясенная мадам Кюф, хозяйка отеля, раскрыла перед гостем регистрационную книгу, где тот четким, аккуратным почерком написал свое имя и место жительства, после чего вслед за горничной, благоговейно несшей в руке чемодан свиной кожи с многочисленными наклейками, отправился в свой номер.

Мясник Ажен, один из завсегдатаев пивного бара при отеле, задал вопрос, который вертелся у всех на языке:

— Что это еще за явление? Откуда он взялся?

— Тихо! Тихо! — Хозяйка приложила палец к губам, взяла в руки книгу и прочла: "Маркиз де Санта-Клаус. Прибыл из Лиссабона. Португалия".

— Ну и ну! Черт возьми! Маркиз! — восхитился булочник Пудриолле.

— Что, приятель, обалдел, да? — усмехнулся хозяин отеля. — Вот именно, что маркиз! Самый что ни на есть маркиз! И приехал не откуда-нибудь — издалека приехал! Знаешь географию? Лиссабон тебе — не соседняя деревня!

— Вот я и думаю, чего его занесло в такую дыру...

— Ничего себе! Он думает! Да тут и вопроса никакого нет: отель Копфа известен по всему миру, и маркиз приехал сюда исключительно для того, чтобы отведать наших фирменных блюд. Сразу видно, что ты ничего не смыслишь в кулинарии, деревенщина! Давай, давай, матушка: где мой передник, где колпак, и пусть все остальное катится куда подальше! Маркиз в моем отеле! Настоящий маркиз!

— Плевать я хотел на таких маркизов! — проворчал среди всеобщего веселья Матиас Ажен. — И на тебя вместе с ними!

— Тихо! Тихо! — снова приложила палец к губам хозяйка.

В воцарившейся мертвой тишине маркиз де Санта-Клаус, безупречно одетый и выглядевший истинным аристократом, прошел через вестибюль.

— В котором часу ужин?

— В то время, когда господину маркизу будет угодно его отведать!

— Скажем, в половине восьмого?

— К половине восьмого стол будет накрыт, господин маркиз. А могу ли я спросить, нравится ли господину маркизу эльзасская кухня? Мы с женой — эльзасцы. Моя жена родом из Рибовилле, а я из Фальцбурга. Четыре года проработал в "Мезон-Руж", большом отеле на площади Клебер в Страсбурге. Господину маркизу, разумеется, известен этот отель?

— Нет, — ответил маркиз. — Но это не имеет значения. Постарайтесь уж приготовить все получше!

— Надеюсь, что господин маркиз останется доволен...

На следующее утро маркиз первым делом отправился нанести визит аббату Жерому Фюшу. Священник гулял в садике, окружавшем его дом. Он бросил взгляд на протянутую ему визитную карточку и радостно воскликнул:

— Ах, мой дорогой, вот и вы! Вы же...

— Маркиз де Санта-Клаус! — поторопился закончить фразу гость.

Надо было видеть, каким лукавством засветилось при этих словах лицо священника!

— Да, да, конечно. Путешествие оказалось не слишком тяжелым? Ведь от Мортфона так далеко до... до...

— Лиссабона, — немедленно уточнил маркиз. — Действительно, путь оказался долгим.

Священник так и расплылся в улыбке: гость ему явно нравился.

— Сначала о деле, господин юре, — серьезно сказал тот. — Насколько мне известно, нам предстоит решить какую-то загадку?

— Загадку? Разве это загадка? Это настоящая тайна! Как напавший грабитель мог выйти из зала на втором этаже, не оставив следов на влажной земле и не воспользовавшись лестницей? Я ломаю над этим голову вот уже целую неделю! Ну, сами посудите...

Маркиз внимательно осмотрел сад, ризницу, помещение на втором этаже.

— Так, ясно... — пробормотал он, заканчивая осмотр.

— Вы уже догадались?

— О чем? Нет, я просто хотел сказать: ясно, что ни на лестнице, ни в этой комнате не существует никаких потайных ходов, никаких механизмов, которые позволили бы человеку исчезнуть. Действительно, это исчезновение можно назвать настоящей тайной! Все признаки налицо.

— Вот! Вот видите, и вы так думаете!

— Да нет... Просто так говорю... Мы же не имеем дело ни с ангелом, ни с дьяволом... А то, что придумал один человек, другой вполне может... Давайте поразмыслим... Грабитель скрылся через окно — это представляется ясным. Хорошо. Но тогда он непременно должен был коснуться земли — как иначе поставить ногу? Значит, он окунулся в грязь... Но при этом не оставил отпечатков... Даже если бы ему взбрело в голову идти на руках или катиться, как бочонок, остались бы следы, которые привлекли бы ваше внимание... Уехал на велосипеде? Вы заметили бы следы шин! — Маркиз задумался. — Ну, ладно... — снова заговорил он после долгой паузы.

— Ладно — что? — разволновался священник.

— Ладно и ладно... Давайте-ка спустимся вниз...

Маркиз пристально всматривался в стену под окном. Никаких повреждений. Впрочем, этого следовало ожидать. Заложив руки за спину, маркиз принялся ходить взад-вперед по саду. Аббат Фюш, усевшись на тачку, стоявшую у стены сарайчика, примыкавшего к ризнице, растерянным взглядом следил за передвижениями гостя, покачивая головой и шептал одними губами:

— Может быть, это и не настоящее чудо, но все-таки тайна, и удивительная!..

— Простите, что я настаиваю и повторяюсь, господин кюре, но вы абсолютно уверены, что на грязной земле не было отпечатков?

— Абсолютно! Мой ризничий Блез Каппель может это подтвердить. Мы же с ним все тут облазили и осмотрели, почву разглядывали с самого что ни на есть близкого расстояния, и — ничего! Гарантирую.

— Но это же немислимо! Обязательно должны быть следы!

Священник развел руками.

— Ну, что я вам могу на это сказать? Не было следов, не было... Я...

Он замолчал, заметив, что маркиз больше его не слушает. Гость смотрел в пустоту, напряженно размышляя. Наконец он заговорил:

— Теперь я могу помочь вам, господин кюре, разгадать эту тайну. Какая там тайна! Детская загадка! Но сначала — один вопрос. Ваш грабитель был довольно высоким мужчиной, да? Как минимум, метр семьдесят пять?

— Именно так.

— Я был в этом уверен!

— Но каким образом... — залепетал священник. — Как вы догадались?

— Если бы рост грабителя был меньше метра семидесяти пяти, он непременно оставил бы на влажной почве отпечатки, весьма отличные от тех, какие оставил на самом деле, и в первом случае вы обязательно их заметили бы.

— Нет, извините, я по-прежнему ничего не понимаю... Вы ничуть не разъяснили загадки!

— Сейчас поймете. На какой высоте от земли расположено окно зала?

— Два метра шестьдесят пять сантиметров...

— Отлично! Теперь представим себе человека ростом в один метр семьдесят пять сантиметров, который висит, уцепившись руками за окно. Ноги его болтаются в пустоте. На какой высоте от земли?

— Погодите-погодите... Значит, его рост — метр семьдесят пять, да плюс пятьдесят сантиметров на вытянутые руки, получается два метра двадцать пять сантиметров. Теперь вычтем эту сумму из высоты окна над землей... Вот! Не хватало сорока сантиметров для того, чтобы этот тип коснулся ногами земли!

— Вот вам эти сорок сантиметров, господин кюре! — сказал маркиз, выбрав в углу сарая одну из примерно двадцати пар ходулей, какие можно найти в любой школе и в любом детском учреждении Франции. — Вот вам эти недостающие сорок сантиметров! Вы просто не обратили внимание на дырочки от ходулей.

— Черт побери! — воскликнул простодушный аббат. — Это же очевидно! Там должны были быть дырки от ходулей! Но таких дырок у меня в саду пруд пруди круглый год! Действительно, детская загадка!

Решив вопрос о следах, гость попросил познакомить его с анонимным письмом, которое священник получил в начале месяца. Письмо не вдохновило его ни на какие открытия. Тогда он бросил взгляд на раку с мощами Святого Николая, и это стало ему поводом заговорить о Золотой Руке.

— Господи помилуй, — сказал священник, — эту Золотую Руку короля Рене санюлоты еще когда расплавили! А все рассказы о спрятанной реликвии — просто вздорная болтовня! Обидно, что мой славный Каппель вбил себе в голову дурацкие бредни. Можно даже сказать, что он чуть-чуть помешался на этом. Только представьте: считает поиски Золотой Руки делом своей жизни! Говорит: "Ризничий спас Золотую Руку и ризничий найдет ее и вернет Церкви..."

Маркиз откланялся.

"Вот и первый результат, — думал он, возвращаясь в гостиницу. — Теперь следует определить, у кого из жителей Мортфона рост равен или превосходит сто семьдесят пять сантиметров".

В тот день благородный португалец, запершись в своем номере, совершил целый ряд поступков, слабо отвечавших его природному достоинству. Он снял с руки часы и резким ударом разбил стекло. Посмотрел, остался доволен и достал из кармана перочинный нож. Схватившись за пуговицу пиджака, отрезал нитки, на которых она держалась, и это, как ни странно, вызвало у него еще большее удовлетворение. Затем он оторвал от пенсне шелковую тесемку и аккуратно перерезал ее, а заодно с ней — и шнурки туфель. Но и этим он не удовольствовался. Словно одержимый духом разрушения, маркиз стащил с головы шляпу и сорвал с нее ленточку, потом резким жестом вырвал перо из авторучки... И только после этого, наконец, успокоился.

Выйдя из отеля, маркиз направился напрямик к ювелиру Тюрнеру, исполнявшему в городе также и обязанности часовщика, и попросил вставить стекло взамен разбитого. Пока тот рылся в коробочках в поисках стеклышка подходящего размера, посетитель внимательно рассматривал его. Не обошел пристальным вниманием и его сестру — Софи Тюрнер по прозвищу Матушка Мишель. Чуть позже аристократа уже можно было заметить у портного, где ему пришли пуговицу к пиджаку. От портного португалец зашел к галантерейщику и придирчиво изучил штук двадцать тесемок для пенсне, прежде чем выбрать подходящую. В обувной лавке он лениво покопался в связке шнурков для туфель, примеряя одни, другие, третьи... В шляпном магазине велел подобрать ленточку, в точности подходящую по оттенку к его головному убору, и потребовалось довольно много времени, чтобы найти такую. В писчебумажном — изучил добрую сотню перьев, пока, наконец, сделал выбор.

Благодаря всему этому маркиз смог хорошенько рассмотреть многих городских коммерсантов. А заходя по пути из одного магазина в другой, в близлежащие кафе промочить горло — и к их владельцам, да и к посетителям тоже. Все это позволило ему прийти к неутешительному выводу: в Мортфоне полным-полно мужчин, чей рост равен одному метру семидесяти пяти сантиметрам или превышает указанную величину.

Первый послеобеденный визит португалец нанес учителю начальных классов местной школы. Поскольку дело происходило в четверг, занятий не было. Господин Виллар, сидя за столом в пустой классной комнате, проверял сочинения и тихонь-

ко напевал "Карманьолу". Едва завидев маркиза, он вскочил, воздел руку и ни с того ни с сего произнес следующую краткую речь:

— У меня не в обычае таить свои чувства, господин маркиз, что есть, то есть, я говорю без обиняков. Меня называют ярым республиканцем. И не зря. Свобода, Равенство, Братство! Я верю в эти три понятия и, не отрицая, что дворянство в свое время немало сделало для развития литературы и искусства, тем не менее, приговариваю его. Послушайте меня хорошенько: я не ставлю вопроса о личностях, я приговариваю класс, сам принцип. Я отрицаю все и всяческие привилегии. Не сердитесь на меня за это: я говорю от души. Но несмотря на это, господин маркиз, а может быть и исходя из этого, я очень счастлив, что Мортфон удостоился чести принять у себя человека ваших достоинств, представителя элиты. Я всего лишь скромный школьный учитель, и ваш визит для меня в высшей степени почетен.

После обмена любезностями маркиз приступил к делу:

— Скажите, мсье Виллар, а нет ли в муниципальной библиотеке интересных исторических документов, связанных с этими краями? Я имею в виду историю не дальше Великой Революции...

Учитель тут же начал сыпать названиями, не представлявшими для гостя никакого интереса, и тому пришлось сделать намек на Золотую Руку. Мсье Виллар живо откликнулся.

— Взор! Пустые сказки! — воскликнул он убежденно. — Ковчежец переплавили еще во время Революции, и добавлю, что лично меня это радует. Да, господин маркиз, радует! Все в этой местности знают: я вольнодумец. Я высоко не су знамя светского образования. Зная это, вы поймете, почему я охотно предоставляю себя в ваше распоряжение на предмет знакомства с библиотекой, расположенной в левом крыле здания мэрии. К несчастью, вряд ли вам удастся найти там что-либо стоящее из местных документов. С этой точки зрения, вам лучше обратиться к барону де ла Фаю, человеку редкостной благовоспитанности, человеку, которого я очень уважаю, несмотря на благородство его происхождения, а он — настоящий дворянин! На мой взгляд, вам стоит порыться в архивах его замка.

Средневековый замок барона стоял на краю городка, на поросшем лесом холме. Из окон замка открывался прекрасный вид на окрестности: был виден весь Мортфон, равно как и обширные луга, по которым змейкой вилась Везуза. Совсем далеко можно было различить синеватые гребни гор: это были отроги Вогезов с их голубыми елями.

Просторные помещения внутри замка казались громадными, потому что были погружены в полутьму: освещались они лишь керосиновыми лампами. У барона де ла Фая было вытянутое суровое лицо. Хотя маркизу оказали любезный прием, и хозяин внимательно выслушал его, лишь изредка прерывая, чтобы вставить свидетельства о неослабном интересе замечания, португалец все время чувствовал, что на самом деле барон ничуть не заинтересовался разговором, может быть, из-за того, что был слишком погружен в собственные тайные мысли.

Барон, мужчина лет сорока или около того, был холостяком. В Нанси поговаривали о его многочисленных интрижках, но все это были давние дела, а "любви он не знал никогда", как говорилось в песенке.

— Архивы моего замка в вашем распоряжении, маркиз. Если вам угодно сегодня же бросить взгляд на...

Но маркиз извинился: сейчас → никак, слишком много дел в городе. На самом деле, он не хотел задерживаться в замке, потому что его тяготила царившая в ста-

ринном поместье, можно сказать, совершенно фантастическая атмосфера, воздействие которой усиливалось поведением хозяина.

Служанка без возраста, без лица, без голоса и похожая на бесплотную тень, неслышно пролетающую над паркетами замка, вывела маркиза наружу. Он вышел из парадного подъезда и вздохнул с громадным облегчением. Спустился с холма, остановился и прислушался: по другую сторону густого кустарника раздавались приглушенные голоса.

— Ну, что — понял? В десять часов вечера встречаемся позади мэрии... Не забудь оружие. Я принесу веревки и кляп.

— Все ясно!

— Проникнем к старой Тюрнерше через подвал. Помни: стрелять из револьвера строго запрещается, разве что нам отрежут пути к отступлению. Строго запрещается брать драгоценности. Что касается бомбы...

Маркиз де Санта-Клаус усмехнулся про себя. Этот зловещий диалог пробудил в нем трогательные воспоминания. Он обогнул кустарник.

— Скажите, дети, где находится спуск в подземелье? — спросил он.

При виде португальца четверо мальчишек, старшему из которых вряд ли было больше пятнадцати, встрепенулись и замолчали, всем своим видом выражая испуг и растерянность. Один из них побледнел, другой густо покраснел, еще двое сосредоточились на разглядывании носков своих ботинок.

Первым отозвался самый младший. Он ткнул пальцем в неопределенном направлении.

— Подземный ход — вон там, сразу налево, за хижинкой дровосека, мсье!

— И он действительно ведет к развалинам аббатства Гондранж?

— Когда-то вел, мсье, так говорили... А сейчас — нет, из-за осыпей. Он проходит под Везузой, и там есть дыра, из которой можно выйти в поле. Но нужно быть очень осторожным: некоторые проулки этого подземного хода вообще ведут неизвестно куда!

— Спасибо, малыш.

Маркиз удалился.

— Дурак! — обрушился на младшего в компании один из старших. — С ума сошел — рассказываешь обо всех тайнах города какому-то иностранцу! А может, он шпион — этот тип?

— Сам с ума сошел! Это португальский маркиз, который ищет Золотую Руку. Вроде бы, у него даже есть какой-то специальный аппаратик, чтобы отыскивать закопанные сокровища. Детектор.

— В любом случае тебя надо судить!

— Ага! Сейчас! Ты, что ли, здесь командуешь? А по башке получить не хочешь?

— Тихо! — прикрикнул подросток, который явно был главарем. — Тихо! Мы теряем время. Так вот, я говорил насчет бомбы...

Мальчишки-фантазеры вытянулись на холодной траве и принялись жарким шепотом обсуждать подробности заговора: они собирались при помощи взрывчатки разрушить ювелирную лавку Тюрнера.

Подземный ход оказался довольно широким, но очень низким. Маркизу пришлось пригнуться. Он шел, обшаривая дорогу впереди лучом электрического фонарика. Сначала галерея представляла собой пологий спуск, потом начался подъем. Пол был неровным, маркиз то и дело спотыкался. Он считал шаги, стараясь делать их одинаковой величины, чтобы в любой момент иметь возможность измерить пройденное расстояние. Ему было очень и очень не по себе. Нет, дело не

в опасениях, не в страхе. И ничего общего с глухим беспокойством, которое он ощутил в гостях у барона де ла Фая. На этот раз он нервничал только из-за того, что боялся заблудиться. Ему уже казалось, что стало труднее дышать этим застоющимся воздухом. Иногда его пробирал озноб. И вдруг он очутился на развилке: перед ним открылись три ответвления подземного хода. По какому из них идти? Маркиза охватило жгучее желание вернуться назад, но он преодолел его, бросил на землю носовой платок в качестве опознавательного знака и наугад углубился в правый проулок.

Теперь его шаги стали крадущимися, осторожными. А через десять минут пришлось и вовсе остановиться. Дальше идти было некуда — осыпь. Побежал назад, горестно повторяя: "Ничего, маркиз! Держись!", заставил себя двигаться медленнее, добрался до перекрестка, но к великому своему удивлению не обнаружил там никакого платка. Подумав, что ошибся дорогой, сунулся во вторую галерею, в третью. Никаких следов платка! Португалец забеспокоился. Что значит исчезновение опознавательного знака? За ним кто-то следит?

Тем не менее, он продолжал искать выход. Безуспешно. Мало того, все проулки были так похожи между собой, что, в конце концов, маркиз перестал различать их. Где тот ход, по которому он явился сюда? Где тот, у которого в конце земляная насыпь? Это они или два других, неизвестно куда ведущих? Маркиз какое-то время колебался, потом все-таки выбрал одну из галерей, пошел по ней, и вскоре ему показалось, что становится все более и более свежо. "Должно быть, я на правильном пути, — подумал он. — Везуза явно недалеко отсюда. Может быть, я сейчас как раз иду под ней..."

Он остановился и погасил фонарь, ясно услышав чьи-то шаги. В пятнадцати метрах отсюда галерея изгибалась. Маркиз ждал в кромешной тьме.

Вскоре сумрак чуть-чуть рассеялся, потом земляные стены позолотил слабый свет. Из-за угла появился мужчина с фонарем в руке. Другой рукой он ощупывал воздух перед собой.

По мере того, как этот тип приближался, маркиз терял уверенность. Уж больно странно новоприбывший выглядел... То ли лунатик, то ли вообще сумасшедший...

Остановившийся трагический взгляд и эта странная, как у слепого, манера ощупывать воздух придавали видению весьма неприятный характер. Маркиза охватил ужас. Он сунул руку в карман, коснулся холодной стали браунинга, немного успокоился и чуть отодвинулся от стенки, в которую вжимался всем телом.

Незнакомец, видимо, заметил его и, ускорив ход, подошел. Маркиз, не понимая, что делать дальше, застыл в нерешительности.

— Простите, мсье, — сказал лунатик, — не наткнулись ли вы здесь, случайно, на мои очки?

Глава 3. Человек в красной шубе

Приближалось Рождество. А с ним — и рождественские морозы. Чтобы постное масло не застывало, приходилось постоянно держать его поблизости от огня. Ребятишки, натаскав ведрами воду, оборудовали роскошные ледяные горки и ледянки на дорогах, падали там почем зря и возвращались домой все, как один, в разорванных на коленках штанах. Долгими ночами ветер с завыванием и скрежетом вращал флюгера. Хотя сезон охоты был закрыт, из лесу то и дело доносились приглушенные "выстрелы": на самом деле это от холода трескались вековые ели...

После встречи в подземелье, когда Блез Каппель, зашедший туда в поисках Золотой Руки, не нашел ничего, кроме носового платка португальца, зато потерял оч-

ки, охотники за исчезнувшей реликвией встречались не один раз. И Золотая Рука короля Рене неизменно становилась главной темой их бесед. Маркиз показал ризничему свой детектор: нечто вроде компаса, а тот не стал скрывать, что куда больше доверяет своей раздвоенной на одном из концов палочке, срезанной с куста орешника.

Господин де Санта-Клаус встречался также с бароном и со школьным учителем. Он нанес визит мэру — мсье Нуаргутту, добрейшей души человеку хорошей крестьянской закваски, хотя, к сожалению, сильно подпорченному большими прибылями. Побывал и у доктора Рикоме, толстенького лысого мужичка, мечтавшего открыть свой кабинет в Нанси. В ресторане отеля "У Святого Николая", где папаша Копф продолжал угощать его изысканными блюдами, маркиз постепенно свел знакомство с Аженом, Корнюссом, Тюрнером, сельским полицейским Вирекуром, а однажды даже повстречался с Золушкой. Девушка, надо сказать, произвела на него сильнейшее впечатление.

Гаспар Корнюсс был настоящим фотографом-художником, создателем оригинальных почтовых открыток и ангелом-хранителем всех влюбленных голубков Мортфона, этих застенчивых юношей и девушек, которые без него никак не смогли бы объяснить, какой огонь пылает в их душах. Но он исполнял и еще одну роль, удававшуюся ему как нельзя лучше: этот толстяк-сангвиник с глазами осьминога — громадными, синеватыми, блестящими и всегда немного влажными — каждое Рождество становился Дедом Морозом. Ежегодно в канун Рождества здоровенный дядька, старый как мир, если верить его морщинам, дядька в белом парике и с белой бороდიцей, одетый в красную шубу, отороченную горностаем, и в пестрый колпак, переходил из дома в дом и справлялся о поведении мальчиков и девочек. Родители охотно рассказывали:

— Знаете, Дедушка Мороз, Кристина так ленилась весь прошлый месяц...

— Ох-ох! — ворчал старик.

На лице его появлялось выражение суровости, и он что-то записывал в свою книжечку.

— Знаете, Дедушка Мороз, а Сюзель очень хорошо вела себя, когда болела коклюшем...

— Ах! Ах! — радовался старик.

Лицо его становилось нежным и ласковым, и он опять что-то записывал в свою книжечку. Правда, в другую колонку.

После этого чудесный гость обычно скрывался в столовой, родители оставались с ним, а детей туда не пускали. Из-за двери слышался таинственный перезвон бутылок, судя по звукам, в потолок летели пробки, потом что-то булькало, потом сдвигались бокалы...

Вечером во время генеральной репетиции предстоящего торжества все снова видели легендарного старика. Человек с Мешком передавал ему письма с просьбами об игрушках, и он уходил. Нет, какое там уходил! Он становился невидимым и бежал всю ночь с корзиной за плечами, по кровлям, перепрыгивал с крыши на крышу, да так легко, что даже вороны, и те не пугались, а он... Он спускался в дома через каминные трубы и укладывал в выставленные перед очагом маленькие сабо самые желанные игрушки...

Дети постарше утверждали, что никакой это не Дед Мороз, а просто переодетый и загримированный Гаспар Корнюсс. Хотя бы даже потому, что после обхода таинственным стариком столовых и "чоканья" с родителями все всегда видели сильно навеселе именно фотографа.

А малыши на это уверенно возражали, что такой толстяк, как Гаспар Корнюсс, никогда бы не смог пролезть в каминную трубу, и потому Человек в Красной Шубе не кто иной, как самый настоящий Дед Мороз.

Церковь еще не была освещена. Слабое свечение исходило только из одного источника, и на его фоне мелькали иногда силуэты ризничего или мадемуазель Софи Тюрнер: это были ясли, где родился Иисус Христос. Из-за электрических лампочек, подложенных под солому, на которой лежал Божественный Младенец, казалось, что солома горит.

В ризнице аббат Фюш заканчивал последние приготовления к праздничной мессе. Настроение у него, судя по всему, было прекрасным. Каппель, напротив, вроде бы сильно нервничал. Он поднялся в зал, где обычно проходили занятия с детьми, и перегнулся через подоконник. Снег, без устали падавший огромными хлопьями до восьми часов вечера, выбелил землю, она тоже будто светилась в сумраке. Ризничий распрямился и попытался заняться уборкой, но душа у него явно к этому не лежала. Он то и дело бросал взгляд на сейф, временами подходил на цыпочках к двери и жадно прислушивался к шорохам и шумам, доносящимся снаружи. На площади перед церковью мальчишки бомбардировали снежками вылепленного ими незадолго до того снеговика и всякий раз, как удавалось попасть в цель, взрывались радостными криками.

— Что ж, Каппель, — сказал священник, — у нас будет отличный праздник, и я надеюсь, что все пройдет как нельзя лучше.

— Как бы мне этого хотелось, господин кюре! — вздохнул ризничий.

— Да! Да! Я уверен, что все пройдет как нельзя лучше! — воскликнул аббат еще более уверенно и погладил себя пальцами по чисто выбритой щеке.

Внезапно Каппель выскользнул наружу...

Маркиз де Санта-Клаус всю вторую половину дня не покидал окрестностей церкви. Время от времени он заходил внутрь и ненадолго присаживался, о чем-то размышляя. Потом вышагивал взад и вперед перед домом священника, то и дело бросая на дверь цепкий взгляд. А то и просто бродил по саду, заложив руки за спину.

Примерно в четверть одиннадцатого маркиз открыл калитку. Он не позвонил в дверь дома священника, а обогнул строение и принял шагами аллею позади него. Налетел обжигающе холодный ветер. Благородный португалец укрывшись под навесом, сел на принадлежащую священнику тачку и вытянул из портсигара сигарету. Сунув ее в рот, он, тем не менее, не стал прикуривать. Облокотился на колени, уложив подбородок в сдвинутые ладони и пристально взгляделся в кромешную тьму. Наступил момент, когда по телу его пробежала дрожь: он услышал легкие шаги... Слишком легкие...

— Ага, это ты, приятель! — тихо пробормотал он, засовывая руку в карман, где лежал верный браунинг.

Шаги, между тем, приближались. Маркиз мог даже сосчитать их.

"Так, — думал он. — Никакой спешки! Никакой нервозности! Подпущу его еще на четыре шага... Четыре шага — и я включаю фонарик, наставляю на него пушку и прошу этого любителя ночных прогулок показать свидетельство о рождении..."

В ту же секунду он резко отскочил в сторону. Инстинкт самосохранения, более сильный, чем рассудок, подсказал ему, что он ошибся в своих расчетах, опасность была куда ближе, чем он предполагал.

Повинуясь этому инстинкту, маркиз вскочил на ноги.

Оказалось — слишком поздно. Он почувствовал невыносимое жжение в районе правого виска, в мозгу его сверкнула молния, и он рухнул на землю.

Несколько минут спустя у бравого маркиза во рту уже находился кляп, сам он был засунут в какие-то мешки, связан по рукам и по ногам, от чего приобрел вид туго набитой колбасы, которую, в свою очередь, привязали к одному из столбов, на которых держалась крыша...

Блез Каппель вошел в ризницу, весело насвистывая мотив рождественской песенки:

— Три ангела пришли сегодня в ночь...

— Что такое? Что с вами? — слегка удивился аббат Фюш.

— Ах, простите, господин кюре! Задумался... Понимаете, я вспомнил, что вы говорили недавно о...

— О чем же, друг мой?

— О том, что все пройдет как нельзя лучше.

— Я на это надеюсь!

— А я в этом уверен, господин кюре! Я подумал и присоединился к вашему мнению. Зря я переводил кровь на воду. Все будет отлично, голову могу дать на отсечение!

Кюре бросил на ризничего озадаченный взгляд, потом с улыбкой заключил:

— Да услышит вас Бог, мой славный Каппель!

В верхнем зале все уже было готово для праздника — об этом позаботилась мадемуазель Софи Тюрнер. На увешанных игрушками ветках елки сияли огнями полсотни крошечных свечек. Вокруг фисгармонии, за которой сидела сестра ювелира, собралась целая дюжина ребятшек в праздничных нарядах. На скамейках в зале тихонько переговаривались между собой старшие члены их семей. Вдруг в саду громко скрипнула калитка, и сразу же послышались оживленные голоса: это горожане целыми толпами стекались на торжество.

— Добрый вечер, господин кюре!

— Добрый вечер, друзья мои! Живенько поднимайтесь вверх...

Зал наполнился. Здесь были мэр города господин Нуаргутт, доктор Рикоме, папаша Копф, парикмахер, аптекарь, естественно, Каппель, а сколько других!.. Почтальон и полицейский Вирекур пришли вместе, и Вирекур сразу же устроился поблизости от стенового шкафа, откуда ему вот-вот придется доставать костюм Деда с Розгами.

— Смотри-ка, — прошептала одна из девушек на ухо соседке, — а Золушка-то запаздывает!

Господин кюре, улыбаясь, произнес краткую речь и удалился в ризницу. По сигналу мадемуазель Софи Тюрнер дети затянули провансальскую рождественскую песню.

Гаспар Корнюсс в своей красной шубе-тем временем направлялся к церкви. Он сильно раскачивался, глаза его горели, физиономия светилась. По пути он постучал в оставшиеся четыре или пять дверей и задал басом традиционный вопрос:

— Все ли тут в этом году хорошо себя вели?

— Да, да, Дедушка Мороз, все были паиньками!

Заглянув в ризницу, фотограф с тревогой спросил, намного ли опоздал.

— Нет-нет, Корнюсс, не волнуйтесь, дети еще поют... Вы пришли как раз вовремя.

Кюре вынул из шкафа раку с мощами Святого Николая.

— Ну, как? Хороша, а, Корнюсс?

Фотограф молитвенно сложил руки.

— Ах, до чего хороша, господин кюре!

Он подошел поближе, чуть отступил, снова приблизился, обошел вокруг ковчежца, искося глядя на него, потом протер глаза и с глубоким вздохом усталился на аббата.

— О, господин кюре! — прошептал Корнюсс. — О, господин кюре, какое же я ничтожество!

— Что вы такое говорите?

— Я полное ничтожество!

— Не понимаю, какая муха вас укусила, Корнюсс!

— Просто я слишком много выпил, господин кюре. Я недостойный грешник, вот я кто!

— Послушайте, Корнюсс, хватит! Не собираюсь говорить вам комплименты на этот счет, но... Не такой уж это смертный грех, в конце концов! В подобный день... Не стоит так убиваться! Тем более, что, насколько я помню, примерно то же самое происходит каждый год... Главное, чтобы у вас хватило сил правильно все сделать там, наверху... Войти, выйти, как надо... Было бы очень досадно угостить детишек зрелищем пьяного Деда Мороза!

— Дело не в том, господин кюре. Дело в раке.

— Что-что? В каком раке?

— Не каком, а какой! Она не сверкает!

— Что не сверкает?

— Бриллианты больше не сверкают, господин кюре. Вернее, я больше не вижу, как они сверкают. Это дурной знак. Я слишком надрался, говорю вам!

Аббат Фюш вздрогнул. Он внимательно всмотрелся в один камень, повернул раку и всмотрелся в другой, потом снова в первый.

— Я жалкий грешник!

— Да замолчите же вы, несчастный! — почти грубо прикрикнул священник. — Вы действительно выпили сверх меры! Бриллианты...

Он наклонился над ковчежцем и снова с подозрением вгляделся в камни. А когда разогнулся, на лбу у него выступили капельки пота, лицо стало смертельно бледным. Он зажег свечу и поднес ее к раке. Корнюсс тупо смотрел, что делает кюре, и ничего не мог понять. А священник, тем временем, вдруг отставил свечу, обхватил голову руками и застонал:

— О, Господи!.. Мне кажется... Мне кажется, что... О, Господи!.. О-о! О-о!..

Чтобы не упасть, аббату пришлось прислониться к шкафу. На лице священника ясно читалось выражение тоски и полного недоумения. Потом он схватил фотографа за плечи.

— Корнюсс, ради Бога, не покидайте ни на минуту этого помещения! Пусть никто не дотрагивается до раки... И никому ничего не говорите насчет бриллиантов... Я сейчас вернусь. Главное: никому ни слова! Вы поняли меня?

— Да, да, господин кюре, — бормотал фотограф, почти протрезвевший от удивления и переживаний. — А что случилось?

Кюре, ничего не ответив, выскочил за дверь и помчался по саду, путаясь в полах сутаны. Он выбежал за калитку, молнией пронесся по площади, по улице и, задыхаясь, подлетел к дому ювелира. Постучал в ставню и позвал глухим голосом:

— Макс Тюрнер! Макс Тюрнер!

Ювелир вооружился лупой, хотя мог бы вполне обойтись и без нее. Ему достаточно было бросить на раку один-единственный взгляд, и он, с мукой в голосе, произнес:

— Поддельные! Камни фальшивые! Какие там бриллианты — простые стекляшки! Полсотни франков за пару! Вот посмотрите на золотые лапки, которыми “камни” держатся: как грубо, неумело они отогнуты, а потом возвращены на место!

Аббат Фюш с трудом подавил рыдания.

Перво-наперво он потребовал от ювелира и фотографа хранить во что бы то ни стало молчание о случившемся. Ну, хотя бы раньше времени не проболтаться о краже бриллиантов.

Как обычно, появление Деда Мороза произвело громадное впечатление на собравшихся в зале. Он вошел, принял от Человека с Мешком ребячьи письма, простил мелкие грешки, о которых поведал ему Вирекур, переодетый Дедом с Розгами, и удалился.

В момент, когда аббат Фюш водружал оскверненную раку с мощами Святого Николая на престол, Каппель шепнул ему:

— Для большей безопасности, господин кюре, я потребовал, чтобы сегодня ковчежец охраняли восемь “стражников Святого Николая”, а не четыре, как обычно...

Традиция требовала оставлять раку на ночь в церкви. Каждый год четверо добровольцев-мортфонцев из числа самых благонадежных караулили ее, дежуря парами. В этот раз ночной дозор должен был состоять из четырех человек.

— Хорошо, Каппель... Очень хорошо...

Священник произнес эти слова с таким выражением лица, что ризничий не смог сдерживать удивления и тревоги:

— Господин кюре, да что с вами такое? Вы плохо себя чувствуете? Хотите, сбегаю за доктором Рикоме?

— Нет. Это бесполезно.

Аббат Фюш, пошатываясь, прошелся по ризнице, остановился, тяжело вздохнул. Внезапно груз молчания показался ему слишком тяжелым, и он обернул к ризничему искаженное болью лицо:

— Нам больше не понадобится охрана, мой бедный друг...

— Как? Почему? Что вы такое говорите?

— Бриллианты украдены. Те, что сейчас “украшают” раку, — фальшивые. Простые стекляшки! Пятьдесят франков за пару, сказал Тюрнер...

— Но как же так, господин кюре? Нет, это невозможно! Как и когда...

— Одному Богу известно... Начиная с 6 декабря, я ни на минуту не расставался с ключами. И только нам с его преосвященством известен код от замка сейфа... — Вдруг почтенный священник разгневался. — Этот Санта-Клаус! Я даже не смог отыскать его, когда на самом деле он должен был все время быть здесь, стоять на страже! А я-то поверил ему, я-то положился на него! Не понимаю, зачем монсьёру понадобилось вызывать его издалека, если все равно толку никакого! Никакой он не сыщик, никакой не детектив, просто шарлатан!

— Сыщик? Детектив? Он детектив? — Каппель чуть не упал в обморок. — Ах ты, Господи! Почему же вы не предупредили меня заранее, господин кюре? Видя, как он повсюду шныряет, я вообразил, что у него дурные намерения... Примерно час назад я заметил, как он бродит по саду, и... В общем, я... я нанес ему удар ходулей по черепу, связал хорошенько, заткнул рот и уложил в сарае... Мне казалось, что я поступаю правильно, что вы будете довольны...

Из уст кюре не вырвалось ни единого слова упрека. Слишком очевидно было раскаяние ризничего, слишком велико его отчаяние.

— Скорее, Каппель! Нужно поскорее освободить этого человека и оказать ему первую помощь! Господи, Боже мой! Хоть бы вы не сильно его ранили!

Маркиз де Санта-Клаус с огромной шишкой на лбу все еще испытывал стреляющую, дергающую боль в голове.

— Можете гордиться своей работой, Каппель, — сказал он, поморщившись. — В мою задачу входило предупредить кражу. Что ж, теперь придется ловить вора и, главное, возвращать бриллианты. Конечно, это непросто, но мне приходилось решать и более трудные задачи. Господин кюре, прошу вас до моего сигнала хранить молчание. Абсолютное — никому ни слова. Необходимо также потребовать от ювелира и Корнюсса, чтобы и они держали язык за зубами. Вам бы, конечно, не хотелось посеять тревогу среди горожан? Это — с одной стороны. А с другой — посвятить в это дело вашего деревенского полицейского было бы попросту глупо. Есть определенное преимущество в том, чтобы вор как можно позже узнал, что подмена обнаружена. Следовательно, вам нужно спокойно отслужить мессу. Пусть "стражники Святого Николая" всю ночь охраняют эти стекляшки. Доверьтесь мне. Но... Пожалуйста, теперь уж без фокусов, папаша Каппель! Вы, надеюсь, не станете больше драться ходулями? Я бы сказал, мало подходящее занятие для священнослужителя!

Вдали, над самым горизонтом, стали зажигаться звездочки. Они будто возникали из-под земли, словно выплывали из чащи леса и, объединяясь в большие группы, медленно двигались по направлению к Мортфону. Ритм их движения удивительным образом совпадал с перезвоном колоколов. А объяснялось все просто: каждая звезда — это был фонарик в руке крестьянина, окруженного всем своим семейством, а все местные крестьяне направлялись в церковь на полуночную мессу.

Каппель из окна зала второго этажа искал на небе совсем другую звезду: его преследовала фраза из колдовской книги.

— Спроси Пастушью Звезду, — повторял он про себя, — и ты найдешь Золотую Рыку...

Полуночная месса была великолепна. Многие из детишек впервые видели раку. Матери, наклонившись, шептали им на ушко:

— Посмотри, как сверкает этот камень, Жако! Нигде больше не увидишь ничего столь же прекрасного!.. И никто даже и не знает, сколько стоит такой бриллиант, говорят, они бесценны... Может, только господину Тюрнеру и известна их цена...

Аббат Фюш произносил положенные молитвы, делая над собой громадное усилие, чтобы вникнуть в текст. Но в его ушах жужжала роковая фраза, сказанная ювелиром:

— Какие там крупные бриллианты — простые стекляшки! Полсотни франков за пару!

Священник страдал. Сердце его бешено колотилось, каждый удар сопровождался болью, он опасался приступа. До крайности встревоженный, плохо соображая, что делает, несчастный аббат открывал и закрывал вход в алтарь, заходил справа и слева от дарохранительницы, всякий раз порываясь поднять глаза на "крупные бриллианты" и боясь это сделать... А фальшивые камни робко светились в полутьме храма.

"Только бы продержаться до конца!" — твердил себе аббат Фюш.

Перед тем, как пробило полночь, он принял несколько капель спартеина в травяном настое.

В отеле "У Святого Николая" маркиз де Санта-Клаус, запершись в номере, прикладывал к пылающему лбу ледяные компрессы. Боль потихоньку успокаивалась.

Вдруг раздался страшный грохот. Маркиз вздрогнул: что это? А это заремел городской оркестр.

— Слушайте! Слушайте! Оркестр! Месса закончилась! — воскликнула мадам Копф. — Подружки, быстрее, быстрее! Готовьтесь...

Действительно, торжественная служба подошла к концу. Толпа верующих медленно отходила от церкви. На скамьях внутри остались сидеть лишь несколько самых набожных женщин да "стражники Святого Николая". Все они следили глазами за аббатом Фюшем, который, сняв праздничные одежды, принялся гасить горевшие перед алтарем свечи.

Прихожане начали расходиться по своим хорошо натопленным домам, где в каждой печи трещало рождественское полено, где потрескивали жарящиеся каштаны и зерна кукурузы, где пленительные запахи распространялись от накрытых столов... Город ликовал. Смеющиеся люди заполняли улицы и переулки, мальчишки взрывали петарды, юноши в дурацких бумажных шляпах вели под руку девушек, а добравшись до входа в дом, прижимали подружек к дверям, привлекали к себе, сжимали в объятиях. Из глубин длинных коридоров бесшумно возникали бурлескные, по-дикарски раскрашенные фигуры в шутовских нарядах. Казалось, все вокруг призывает к кутежам, пирушкам, веселому пьянству.

Катрин Арно прибежала в замок переодеться знатной дамой прежних времен. Переодевание продолжалось довольно долго, никак не могла найтись одна туфелька, куда-то затерявшаяся. Но какое произошло чудо, какая метаморфоза! Можно было подумать, что добрая фея коснулась своей волшебной палочкой скромного платьица маленькой швей, превратив его в сверкающий наряд. А этот пожилой владелец замка, который сейчас смотрел на Золушку таким ласковым взглядом, — может, он тоже вышел из старинной сказки?

Когда розовая от смущения и удовольствия Катрин об руку с господином бароном вошла в зал ресторана "У Святого Николая", толпа гостей замерла и с раскрытыми ртами уставилась на потрясающую пару. Она кожей чувствовала обращенные на нее взгляды, и собственный успех почти испугал девушку. Предназначенный для барона и его спутницы столик мадам Копф украсила вазой с цветами: вереском, подснежниками и несколькими запоздалыми розами, она постелила скатерть в крупную клетку, поставила тарелки тонкого фарфора, хрустальные бокалы. Папаша Копф торжественно внес бутылку лучшего рейнского в ведерке со льдом, наполнил до половины бокалы. Барон поднял свой, весело поглядел на бедную смущенную Золушку, и ей пришлось сделать то же самое...

Бал был в полном разгаре, когда, часа в четыре утра, в зал ворвались двое мальчишек лет по пятнадцати: Жюль Пудриолле и его приятель. Они были смертельно бледны, на лицах написан ужас. В эту минуту танцующие пары как раз остановились: оркестр сделал передышку перед новым туром, — и в зале стояла относительная тишина. Поэтому все ясно услышали, как каким-то совершенно бесцветным голосом один из подростков произнес:

— Деда Мороза убили!

Глава 4. Немец

Труп Деда Мороза обнаружили у входа в подземелье, у подножия лесистого холма, на котором стоял замок барона де ла Фай. Он лежал на спине. Красная шуба ярким пятном выделялась на снегу. Никаких следов крови заметно не было.

— Так я и думал, — проворчал Вирекур. — Кондрашка хватила. Удар. Еще бы, так и должно было кончиться: слишком уж любил закладывать! — И накинуся на мальчишек: — Чего это вы там наболтали про убийство?

— Да вы посмотрите на его шею, — тихо проговорил Жюль Пудриолле.

Ажен наклонился.

— Слушай, а ведь парень-то прав! Беднягу задушили!

На шее явственно отпечатались следы пальцев. Мало того, на ней были видны синеватые углубления: видимо, кто-то сдавил шею несчастного с дикой силой.

Сбежались люди. В свете фонарей снег, на котором покоилось тело, казался желтым.

— Пусть кто-нибудь сбегает за доктором Рикоме, — приказал господин Нуаргутт. — Корнюсс мертв, это очевидно. Но тем не менее...

— Копф только что побегал, господин мэр!

— Отлично. Значит, подождем... Поскольку речь идет о преступлении...

Да, поскольку установлено, что речь идет о преступлении, делом должно заняться правосудие. Одна только мысль об этом парализовала окружающих. Они так и стояли в ступоре до тех пор, пока какой-то человек не подбежал к ним с криком:

— Отпечатки!.. Осторожнее, там могут быть следы!

Толпа расступилась, круг стал шире, но было уже слишком поздно. По меньшей мере, человек двадцать вытоптали снег вокруг тела.

Все узнали в подбежавшем маркиза де Санта-Клауса. Он сокрушенно покачал головой.

— Какая жалость! Здесь наверняка можно было все прочесть, как в книге! Поди теперь поищи следы! Бессмысленно...

— Прошу прощения, мсье! — сухо и властно произнес Нуаргутт, которому его тройное достоинство — мэра, всемогущего землевладельца и хозяина игрушечной фабрики — позволяло говорить именно так. — Прошу прощения, мсье, но по какому праву? Вы из суда? Из полиции?

— Нет, конечно же, нет, — растерянно пробормотал маркиз.

— Тогда почему вы вмешиваетесь не в свое дело?

— О, извините, извините, господин мэр! Если вы так на это смотрите... — Маркиз развернулся и двинулся в сторону городка.

Прибыв в Мортфон, португалец прежде всего отправился к Каппелю, но не застал его на месте. В конце концов он обнаружил ризничего у калитки дома священника вместе с Копфом и доктором Рикоме, которого попросили прибыть как можно скорее к постели аббата Фюша. Сердце последнего, сопротивлявшееся целый вечер, устало, и теперь биение его было едва различимым. Состояние священника вызывало такую тревогу, что немедленно вызвали из Нанси "Скорую помощь". А в ожидании ее приезда доктор, как мог, успокаивал рыдающего Каппеля. Но, едва узнав о том, что у входа в подземелье обнаружен труп, сразу же кинулся туда вслед за Копфом.

Прибыв туда, он внимательно осмотрел тело и, разогнувшись, произнес:

— Да, несомненно, совершено преступление. Налицо все характерные признаки. Нужно вызвать полицию. И, уж во всяком случае, нельзя оставлять здесь труп. Пожалуйста, выделите нескольких добровольцев...

Ажен и Вирекур подняли покойника за ноги и за плечи. Женщины, подобрав юбки и придерживая руками шляпы, заковыляли впереди.

Ветер завывал все сильнее, с каждой секундой мощь его возрастала. Стало ясно: со стороны гор с бешеной скоростью и невероятным гулом несет ураган, сметая все на своем пути. Небо было совсем черным — без единой звезды. Фонари, один за другим, гасли. Ветер выл. Женщины вторили ему пронзительными голосами.

— Куда мы его денем? — спросил доктор.

— Что-что? — не понял мэр.

— Я спрашиваю, куда мы его положим? — еще громче повторил доктор.

— Кого положим?

— Покойника-а-а-а!!! — Доктор уже вопил, стараясь перекрыть бурю.

— В мэ-э-рию-у-у! — завопил в ответ господин Нуаргутт.

В мэрии, куда сбежался, казалось, весь городок, с убитого сняли костюм Деда Мороза, его шапку, парик, отклеили бороду. Удивление, которое охватило всех присутствовавших при этих действиях, просто не описать! Грим и наряд, в котором Корнюс щеголял весь день и весь вечер, скрывал вовсе не того покойника, какого все ожидали увидеть. Убили совсем не фотографа!

— Послушайте, а кто он, этот тип?

Незнакомец. Его никогда никто в Мортфоне не видел. Круглое лицо. Из-за отсутствия бороды и усов, из-за того, что волосы были подстрижены под машинку, оно казалось еще более круглым.

— Похож на немца, — задумчиво проговорил Копф.

— Наверняка, турист, да из богатеньких, — поделился наблюдениями Ажен. — Достаточно посмотреть на его одежду!

Одежда и впрямь свидетельствовала о благосостоянии. Шерстяной, туго облегающий тело свитер, бриджи из английского драпа, высокие ботинки из мягчайшей кожи...

В бумажнике покойного нашли две стофранковых купюры, несколько листов бумаги, сплошь покрытых цифрами, но — никакого удостоверения личности. В карманах были обнаружены перочинный ножик, часы, носовой платок, мелкие монетки. На безымянном пальце левой руки этот человек носил золотое обручальное кольцо.

Дозвониться в Нанси оказалось очень трудно: бурей повредило связь. Наконец, после долгого ожидания и нескольких безуспешных попыток, закончившихся короткими гудками в трубке, на том конце подошел некто, чью должность так и не удалось выяснить.

— Как вы говорите? Преступление?

— Ну да, преступление. Человека задушили.

— А кто он такой, этот человек? Занимает хорошее положение в ваших краях?

— Он вообще не из наших краев. Никто его не знает. И при нем не найдено никакого удостоверения личности.

— Как жаль, как жаль... Скажите, мэр, вы совершенно уверены, что речь идет о преступлении?

— Еще бы! В этом нет ни малейших сомнений.

— Как жаль, как жаль... А доктор в своем деле — как? Компетентен?

— Более чем компетентен! Кроме того, говорю же вам, что преступление...

— Преступление! Преступление! Вы себе не представляете, сколько раз обычное самоубийство принимается за преступление! Вы уверены, что это не самоубийство?

— Да говорю же вам: уверен!

— Ну, хорошо... Пришлем вам людей... У вас там, вроде бы, погода разгулялась, да?

— О, Господи! Ну, дождик моросит, ну, небольшой туман... — в остервенении сообщил мэр, явно греша против истины.

— Удивительно, удивительно... Мне казалось, дело куда хуже... Ну, хорошо... Вам можно позвонить? Отлично, господин мэр. До свидания, господин мэр.

— Кретин! — буркнул мэр, вешая трубку.

Через две минуты телефон зазвонил.

— Алло! — закричал Нуаргутт в трубку.

— На проводе Нанси, господин мэр... Я по поводу вашего дела. Забыл сказать, когда мы с вами беседовали, что расследование требует, чтобы никто не приближался к трупу, а главное — не дотрагивался до него. Все надо оставить в таком состоянии, в каком было, когда заметили тело. Если там есть отпечатки ног на снегу, лучше накрыть их мешками или тряпками, так они лучше сохранятся.

Мэр помолчал, вспоминая ураган, бушевавший в долине, — как же, как же, останутся следы! — и расхохотался.

— Что вы сказали? — забеспокоился далекий голос. — Я плохо вас слышу...

— Я сказал: все будет сделано так, как вы распорядились, — веселясь от души, бросил в трубку мэр. — Сейчас разложим тряпки поверх отпечатков и придавим их камешками. Можете на меня рассчитывать! — Он положил трубку и снова проворчал: — Кретин!

Поскольку положение мэра автоматически превращало Нуаргутта в представителя судебной власти, он взял пока что расследование в свои руки. Прежде всего надо было собрать показания свидетелей. Разбудили учителя Виллара — ему предстояло стать секретарем. Послали людей на поиски фотографа Корнюсса, потому что первым делом надо было установить, каким образом шуба Деда Мороза, которую он не снимал чуть ли не целые сутки, могла попасть к туристу в бриджах.

Корнюсс спал мертвым сном в своем висащем над улицей доме. Пришлось долго ломиться в двери и, пытаясь перекричать ураган, изо всех сил орать его имя под окнами, прежде чем фотограф пробудился и высунулся наружу.

— Перепил я вчера, вот что! — доверительно сообщил он. — Слово Корнюсса, перебрал, да еще как! — А когда его, наконец, доставили к мэру, он заявил: — Я, как всегда, как каждый год, обошел весь город, мсье Нуаргутт. Потом пришел в церковь. В ризнице застал господина кюре, он держал в руках раку. В зале верхнего этажа распевали детишки. Я спросил господина кюре: "Не сильно запоздал?" Ну, поболтали немножко о разных пустяках... Не понимаю, что вы хотите от меня услышать, господин мэр!.. Поднялся наверх, почтальон отдал мне письма, я нормально сыграл свою роль, а Вирекур — роль Деда с Розгами. Они оба здесь и могут подтвердить...

Оба подтвердили. Учитель прилежно записывал.

— Потом я снял свою шубу, шапку, парик, бороду. Это было в ризнице: я спрятался там с единственной целью — чтобы дети не застукали в момент переодевания. Потом сложил все вещи в пакет, а пакет засунул в стеновой шкаф. И после окончания мессы отправился домой спать, потому что, честно говоря, вчера малость перебрал...

— Малость! — возмущенно выкрикнул кто-то из собравшихся.

— Тихо! — приказал господин Нуаргутт.

— Да потому что, господин мэр... — начал ювелир.

— Что случилось, Тюрнер?

— Понимаете... Ну, в общем... Нет! Ничего-ничего, господин мэр! — Ювелир колебался, смущался, косился на лежавший в соседней комнате труп неизвестного, накрытый шубой Деда Мороза. Потом, словно нехотя, прошептал: — Это уж слишком...

Мэр, скорее, прочитал сказанное по губам Тюрнера, чем услышал его слова.

— Эй, Тюрнер! Кажется, вы знаете больше, чем говорите! Если вас что-то удивило в показаниях Корнюсса, будьте любезны заявить об этом официально. И так дело, которым мы занимаемся, черт возьми, чересчур запутанно! Сейчас не время для недомолвок!

— Мне хотелось бы только задать один вопросик Корнюсу, господин мэр...

— Ну и спрашивайте!

Ювелир посмотрел фотографу прямо в глаза.

— Значит, ты говоришь, будто ничего не произошло, когда ты зашел в ризницу, где господин кюре рассматривал раку? Так? Да?

— Ничего не произошло.

— Значит, так-таки ты ничего и не заметил особенного? Уверен? Что ты сказал?

— Я спросил: "Не слишком запоздал?"...

— Я не об этом тебя спрашиваю! Я говорю о камнях!

— Каких еще камнях?

— О бриллиантах! Разве ты не сказал, что тебе кажется, будто они стали не так ярко светиться?

— Я? Я такое сказал?! Да никогда в жизни! Чего это ты придумываешь?

— Это я-то придумываю? Значит, господин кюре не прибежал ко мне, не постучал в мою дверь, не позвал меня в ризницу? Значит, я не изучал камни и не вынес приговор: "Эти бриллианты — фальшивые"? Может быть, мне все это принилось?

Гаспар Корнюсс смотрел на Тюрнера, и в глазах его можно было прочесть безмерное удивление.

— Послушайте, он же просто бредит! — наконец воскликнул фотограф. — Ничего такого не было! Он все придумал! Тюрнер с ума сошел!

— Ага! Ага! Теперь я с ума сошел! — закричал возмущенный ювелир. — Знаешь, что, Корнюсс? До сих пор я держал тебя просто за старого дурака, но сейчас задумался: может, ты не дурак, а сволочь, и дураком только прикидываешься? Я могу поклясться, что говорю чистую правду, господин мэр. Бриллианты, которые украшали раку с мощами Святого Николая, похищены! Пойдите и посмотрите сами! Там вместо них обыкновенные стекляшки! Им красная цена в базарный день — пятьдесят франков за пару! И я об этом сказал господину кюре. Сказал там, в ризнице, в присутствии Корнюсса!

— А я готов поклясться, что он врет! — звякаясь от волнения, заорал фотограф. — Ничего такого не было! Во всяком случае, при мне, господин мэр. Значит, если кто и украл камни, то это — он сам! Ювелир, ты не ювелир, а вор и бандит!

— Отлично, — вздохнул Тюрнер. — Остается только спросить господина кюре.

— Господин кюре тяжело болен, — вмешался доктор Рикоме. — Он пережил серьезное потрясение, и я опасуюсь...

— Черт возьми! — торжествующе завопил Тюрнер. — Вот видите: серьезное потрясение! Потому что бриллианты украли! Раз так, пошлите за Каппелем. Его при этом не было, но я знаю, что господин кюре посвятил его в суть дела.

Побежали за Каппелем и привели его. На время допроса уход за больным поручили мадемуазель Софи Тюрнер. Показания ризничего в точности соответствовали свидетельствам ювелира. Каппель еще уточнил, что господин кюре потребовал пока хранить случившееся в тайне, чтобы не испортить праздника горожанам — уж слишком печальная новость... И ни словечком не намекнул ни на маркиза де Санта-Клауса, ни на истинные причины появления этого последнего в Мортфоне: маркиз, предвидя в скором времени повальные допросы в связи с убийством, объяснил ризничему, что "сдав" его, он ничего не выиграет, а тем более не поможет разрешить загадку, потому что дальнейшие розыскные действия самого маркиза будут сильно затруднены. Зато Каппель, ни словом не обмолвившись о португальце, рассказал о непойманном воре, проникшем в церковь, и об анонимном письме, полученном священником еще раньше.

В кабинете мэра воцарилась мертвая тишина. Только фотограф сопел, как разъяренный бык. Внезапно он подскочил к письменному столу, за которым сидел господин Нуаргутт, и принялся стучать по нему кулаком. Он был в ярости и брызгал слюной.

— Они сговорились! — вопил фотограф. — Они сговорились! Они заодно! Клянусь собственными глазами, что никогда не видел и не говорил ничего подобного! Да вы же меня знаете, господин мэр! Я урожденный мортфонец и ни разу не выезжал из нашего города — только когда служил в армии! Может быть, меня всегда и считали дураком, как говорит Тюрнер, пусть даже и считали, но всякому известно: Корнюсс — честный человек!

Дело дошло чуть ли не до драки. У Корнюсса были свои приверженцы, у Каппеля и Тюрнера — свои. Все перемешалось, люди поносили и оскорбляли друг друга, шум поднялся просто невообразимый. Растерянному господину Нуаргутту только и оставалось вздымать руки к небу и тщетно призывать к спокойствию. Учитель перестал записывать и вышел на минутку из комнаты, а вернувшись, вежливо, но твердо согнал мэра с трибуны, откуда тот взывал к разбушевавшейся толпе, занял его место и приготовился держать речь.

— Друзья мои! — обратился к молчаливой теперь толпе господин Виллар. — Друзья мои! За этой дверью лежит покойник. В нашем городе совершено чудовищное преступление. Мы все собрались здесь, мы — достойные люди и должны вести себя достойно. Ведь пока вы тут соритесь между собой, убийца воспользуется предоставленным ему временем и скроется из Мортфона, или, по крайней мере, обеспечит свою безопасность, уничтожив все следы преступления, следы, которые одни только и способны наставить правосудие на правильный путь.

Слова учителя произвели на слушателей глубочайшее впечатление.

— Произошло недоразумение, — продолжал Виллар. — Это прямо-таки бросается в глаза! Но с этим недоразумением мы в ближайшее время разберемся. Как только господин кюре окажется в состоянии отвечать на вопросы, он, несомненно, расскажет, что на самом деле случилось в ризнице.

— Если аббат Фюш хорошенько выспится, и ему не станет хуже за ночь, — сказал доктор, — завтра утром можно будет его расспросить.

— Спасибо, доктор. Слышали, друзья: завтра утром. Наберитесь терпения! Осталось совсем немного. Несколько часов. До сих пор все мы в течение долгих лет и по справедливости считали наших сограждан — Каппеля, Тюрнера и Корнюсса — абсолютно порядочными, честнейшими людьми, не способными совершить аморального поступка. Так неужели же мы сможем поверить, что один из них, зачеркнув столь славное прошлое, украл бриллианты? Я говорю: нет, нет и нет! И я задаю вопрос: разве ничего не означает тот факт, что незнакомец, задушенного у входа в подземелье, обнаружили одетым в шубу Деда Мороза? Какое можно дать этому объяснение? Я могу найти только одно, причем очень простое. Объяснение, которое примирит всех, и над которым я предлагаю вам всем поразмыслить. Итак... Незнакомец напялил на себя шубу, шапку, парик и бороду Деда Мороза лишь для того, чтобы сойти за Корнюсса. Согласитесь, проще не придумаешь! Я убежден, что Корнюсс не крал бриллиантов. Но я в равной степени убежден в том, что Каппель и Тюрнер говорят правду. Что же получается? Получается, что наши сограждане, друзья мои, стали жертвами ловкой махинации. Я предлагаю вам гипотезу, которая способна привести к согласию Каппеля и Тюрнера с Корнюссом. Человеком, проникшим в ризницу под видом Деда Мороза, был вовсе не Корнюсс, а незнакомец, которого впоследствии задушили. Именно он и украл бриллианты. Добавлю, что у вора явно был сообщник. Этот сообщник и убил его поблизости от

подземного хода, через который злоумышленники собирались бежать и скрыться из города. Отсутствие при убийстве какого-либо удостоверения личности ясно говорит о том, что его одежде тщательно обыскали. Это тоже мог сделать только сообщник — уже после убийства, мотивом для совершения которого — должен ли я говорить об этом? — была неутолимая алчность. Убив этого человека, его сообщник избавлялся от необходимости делить с ним добычу.

Учитель, закончив речь, раскланивался, собравшиеся рукоплескали, многие кричали: "Браво, браво, Виллар!"

— Тысяча извинений, мсье Виллар, — запинаясь начал Корнюсс. — Я от души благодарю вас за хорошие слова в мой адрес, но... но я все-таки не понимаю!

— Чего же вы не понимаете, мой дорогой?

— Вот чего. По-вашему выходит, что вор притворился мною, переодевшись в мою шубу, и забрался в таком виде в ризницу...

— Совершенно точно.

— Но тогда... А я? Я-то где был в это время?

— Как — где? Но... Не знаю... Вы...

— Вот именно: я тоже не знаю. Должен сказать, что я ни на минуту вчера не снимал с себя этой красной шубы, господин учитель, а еще — что в городе другой такой красной шубы нет и в помине. И та, которую вы сейчас держите в руках, определенно моя... Неужели вы думаете, я могу не узнать ее — шубу, которую надеваю каждое Рождество вот уже добрых пятнадцать лет? Ну, и как вы тогда все это объясните? Получается-то что? Получается, грабитель мог достать шубу из стенового шкафа только после детского праздника, до того ее там просто не было.

— Предположим, — перебил его учитель, — что незнакомец каким-то образом раздобыл точно такие же шубу, шапку, парик и бороду, как у Корнюсса. Он мог проникнуть в ризницу, пока Корнюсс исполнял свою роль наверху. Иными словами, существовало одновременно два Деда Мороза. Аббат Фюш думал, что беседует с Корнюссом и...

— Ох, — жалобно простонал мэр. — Темное дело... Тут сам черт ногу сломит.

В этот момент зазвонил телефон.

Звонили оперативники из полиции Нанси, выехавшие на машине в Мортфон. Они сообщали, что на дороге жуткие снежные заносы, и никак не проехать. Двигаться вперед невозможно из-за метели и кромешной тьмы. Следовательно, им придется подождать в Домбале первого утреннего поезда и доехать до Сире, откуда они уж как-нибудь да доберутся до места преступления.

Когда мэр передал собравшимся полученную информацию, Копф усмехнулся и молча показал на окна, за которыми бушевала снежная буря.

— Если погода до утра не улучшится, инспекторам никак не удастся пробраться к нам даже из Сире. А мы останемся здесь в изоляции — наедине с этим убитым немцем в белом свитере и драповых штанах...

— Ну и пусть! — энергично отпарировал учитель. — Если полиция не придет, значит, мы справимся сами. Сами разгадаем эту загадку! Думаю, что пора отправиться к господину юре. Если священник сможет ответить на наши вопросы, мы, по крайней мере, поймем, что на самом деле произошло в ризнице. В противном случае, ничего не останется, как набраться терпения и подождать, пока все разъяснится.

У изголовья больного горела керосиновая лампа. Аббат Фюш метался в постели. Мадемуазель Тюрнер приложила палец к губам, требуя тишины. Доктор склонился над священником:

— Ну, как наши дела, господин кюре? Как вы себя чувствуете?

— Кажется, немножко лучше, доктор, — слабым голосом ответил тот.

Доктор, взяв за руку пациента, принялся считать пульс.

— Очень хорошо, — сказал он минуту спустя. — Пульс выравнивается. Когда расцветет, вы сможете подняться с постели.

Врач вышел из комнаты и в коридоре прошептал пришедшим вместе с ним:

— Состояние его улучшается... Тем не менее, я думаю, что еще рановато... Ну... Только если вы считаете абсолютно необходимым...

— Нет, нет, конечно же, нет! — таким же шепотом воскликнул мэр. — Это было бы бесчеловечно! Подождем до утра...

И все разошлись по домам, хотя на душе у каждого было очень и очень тревожно.

Утром маркиз де Санта-Клаус явился в дом священника одновременно с господином Нуарруггом, Вилларом, доктором Рикоме, Турнером, Каппелем и Корнюсом. Они намеревались расспросить аббата Фюша о том, что произошло накануне в ризнице между десятью и одиннадцатью часами вечера.

Оказавшись в непосредственной близости от ризничего, маркиз вдруг заметил, что тот исподтишка бросает на него подозрительные взгляды, и это ему совершенно не понравилось. Но стоило ему самому в упор взглянуть на Каппеля, ризничий тут же отвел глаза и отвернулся.

Несмотря на бушевавший всю ночь ураган, священник неплохо спал и к утру почувствовал себя лучше.

Слабым голосом, но без тени сомнения, священник подтвердил, что Каппель и Турнер говорили чистую правду. Все факты изложены точно. Кража бриллиантов была обнаружена именно при тех обстоятельствах, о которых они рассказывали. Один факт можно считать доказанным: упрямство, проявленное Корнюсом в отрицании очевидного, можно объяснить только приступом безумия или соучастием в ограблении, а может быть, даже и в убийстве.

Учитель склонялся к первой, более гуманной версии: Корнюсс помешался, у него "крыша поехала", как любил говорить Ажен. Мэр, напротив, готов был принять скорее вторую. По его мнению, Корнюсс под воздействием побуждения, часто возникающего у людей определенного возраста, до того вполне безразличных к искушениям богатством, оказался втянутым в кражу.

— А теперь притворяется идиотом! Логично. Нормально для человека, лишеного изобретательности. Ему повезло, что у него хорошая вообще-то репутация, а то я бы приказал посадить его под замок. Но он свое получит — недолго ждать. Вот приедут полицейские из Нанси, они его быстро выведут на чистую воду. А пока...

Каппель увлек маркиза за собой в сад при доме священника.

— Вы все еще надеетесь найти ее? — спросил он шепотом.

— Кого "ее"?

Ризничий ткнул пальцем в небо:

— Спроси Пастушью Звезду и...

— ... и найдешь Золотую Руку! — закончил фразу Санта-Клаус. — Нет, Каппель, я не отказался от поисков этой реликвии. Более того, я уверен, что она замурована в стене не где-нибудь, а именно в Мортфоне.

Маркиз по-прежнему чувствовал, что ризничий смотрит на него с подозрением, и его точила неотвязная мысль: "Что у него там творится в башке, у этого парня?"

А Каппель тем временем заговорил:

— Пожалуйста, господин де Санта-Клаус... Если не трудно, исполните мою просьбу... Признаюсь, я стал меньше доверять своей ореховой палочке. И я поду-

мал, что, может быть... Может быть, вы будете так добры, что одолжите мне ваш детектор... Мне бы хотелось провести один эксперимент...

— Охотно, охотно, Каппель!

Ризничий рассыпался в благодарностях, но маркиза было трудно провести. Он сразу же заметил, что выражение лица Каппеля резко изменилось.

“Ага, приятель, — подумал “благородный португалец”, — ага! Ты готовишь мне ловушку... Но ни черта у тебя не выйдет! Не на такого напал! Давай, давай...”

Он протянул ризничему руку:

— Простите, мне пора на встречу с господином Вилларом. Он обещал показать мне некоторые исторические документы, связанные с этими краями.

Учитель у двери мэрии болтал с доктором, сельским полицейским и самим господином Нуаргуттом. Но, едва увидев маркиза, последний поспешно удался.

— По-моему, ваш мэр испытывает по отношению ко мне весьма умеренную симпатию, — пошутил Санта-Клаус.

Трое мужчин покатались со смеху.

— Мне кажется, — сказал учитель, — мне кажется, что мсье Нуаргутт полагает, будто вы внушаете некоторое подозрение, да будут мне позволены столь дерзкие слова, господин маркиз!

— Подозрение?! Он подозревает меня в воровстве, а может быть, и в убийстве? А мне-то казалось, будто он убежден в виновности Корнюсса...

— Нет, тут уж вы хватили лишку, господин маркиз! Хотя... Конечно, у господина мэра богатая фантазия...

— Слушайте, давайте поговорим серьезно, дорогой господин Виллар. Поскольку вы сами мне предложили, я бы хотел, не откладывая дела в долгий ящик, познаться с городской библиотекой.

— Небогатая она у нас, — заметил Рикоме. — Что там? Отдельные издания Жюль Верна, Майн Рида, Уэллса, ну, и, разумеется, Эркманн-Шатриан...

Зайдя в мэрию и проходя мимо запертой на ключ двери, Виллар вздрогнул.

— Он здесь...

— Человек, которого...

— Ну да!

— И по-прежнему никакой ясности?

— Никакой. Кто он — неизвестно. Тайна... Не скрою, буду рад, когда приедут полицейские! Вздохну с облегчением...

— Говорят, он похож на немца, — заметил маркиз.

— Как две капли воды! Хотите посмотреть?

Учитель отпер дверь и открыл ставни.

Труп лежал на столе лицом вверх.

Маркиз де Санта-Клаус медленно обошел вокруг стола, всматриваясь в него. Доктор указал пальцем на шею, где темными неровными пятнами выделялись следы от пальцев преступника.

— Я слышал, полиция добивается удивительных результатов, изучая отпечатки пальцев, — произнес Виллар.

— Да, конечно... Вот только на коже не остается отпечатков пальцев...

Маркиз внимательно рассмотрел лицо с германскими чертами. Потом приподнял голову “немца”, мягко опустил ее на стол и сказал:

— А что если нам пойти посмотреть книги, господин учитель?

Виллар охотно проводил его в библиотеку, чтобы познакомить маркиза с ее скромными богатствами.

Маркиз что-то отвечал на вопросы своего гида, задумчиво читал названия книг, доставал со стеллажей и листал отдельные тома, говорил пару слов об авторе, но видно было, что мыслями он далеко от книжных полок. Мыслями он оставался в пустой холодной комнате, где покоилось тело человека, "свалившегося с неба".

— Смотрите-ка, — остановился он на одном из корешков, — да у вас тут и Шекспир есть!

— Есть, есть, как не быть! — с забавной гордостью подтвердил учитель.

Глава 5. Стратегия и тактика

Буря, наконец, успокоилась, видимо, захлебнувшись собственной яростью.

Маркиз де Санта-Клаус пребывал в глубокой растерянности.

"Зря я впутался в эту историю! — думал он. — Дело в том... Ах, черт! Дело только в том, что я уже слишком стар! Сорок лет! Старик, куда тут денешься".

После обеда он отправился ко входу в подземелье, туда, где Жюль Пудриолле с приятелем обнаружили труп немца. Теперь здесь было безлюдно. На том месте, где всего двенадцать часов назад лежал бездыханный незнакомец, "свалившийся с неба", теперь стоял огромный снеговик с трубкой во рту и с метлой под мышкой. Маркиз весьма серьезно осмотрел его. Потом, все с той же серьезностью, наклонился и поднял пригоршню снега. Слепил снежок. Сначала изо рта у снеговика вылетела трубка. А когда маркиз уходил, помимо трубки, у него доставало головы и метлы.

— Отлично! И не стареем, а молодеем мы с каждым днем! — напевал про себя маркиз, растирая покрасневшие от снега руки.

Впрочем, хорошее настроение сохранилось ненадолго. Вернувшись в город, он обнаружил, что за ним внимательно наблюдают: при его появлении люди собирались в кучки и начинали перешептываться. Атмосфера становилась явно враждебной.

Часов в шесть маркиз зашел в церковь, поднялся по шаткой лестнице на колокольню и уселся верхом на стропило, чувствуя затылком ледяное прикосновение бронзового колокола. Выглядывая в просвет между двумя балками, он мог видеть, что происходит снаружи. Стемнело. Светящиеся точки усеяли очистившееся небо, а ближе к земле загорались лампы в домах. По улицам медленно проплывали автомобили, красноватый свет их фар напоминал неторопливые блуждающие звезды.

Маркиз вспомнил строчки из колдовской книги: "Спроси Пастушью Звезду, и ты узнаешь, где искать Золотую Руку..." Так, что ли?

Он опустил глаза. Все было видно как на ладони. В доме священника светились два окна: кухни и спальни. Аббат Фюш лежал в постели. Его голова в ночном колпаке из хлопчатобумажного трикотажа медленно перекачивалось по подушке... Капель на кухне готовил более чем легкий ужин... Маркиз долго всматривался в силуэт ризничего, который из-за сильной близорукости и ступал неуверенно, и руки протягивал, словно ощупывая воздух...

Потом Капель погасил в кухне свет и с подносом в руках отправился в спальню. Он принес священнику чашку бульона, яйцо всмятку, джем в вазочке, стакан минеральной воды. После ужина подал травяной отвар. Потом включил ночник у изголовья больного, подбросил дровишек в камин и вышел.

Маркиз собрался было спуститься с колокольни, но тут заскрипела дверь, потом в церкви послышались легкие шаги — такие, словно кто-то шел крадучись, и он передумал, решив, что ризничий, наверное, совершает вечерний обход. Подождал, задумчиво глядя в окно спальни священника, и вдруг остолбенел.

Еще бы! Он увидел, как почтенный аббат вылезает из-под одеяла и в одной сорочке, с болтающимся на шее помпоном ночного колпака, босиком идет по комнате. Останавливается перед скамеечкой для молитвы, чуть наклоняет голову, будто прислушиваясь. Потом широко улыбается. Маркиз был страшно заинтригован. Присмотревшись, он разглядел, как священник склоняется над скамеечкой для молитвы, открывает шкафчик и достает оттуда стакан и бутылку, до половины наполненную какой-то жидкостью, ничего общего не имеющей ни с минеральной водой, ни с травяным отваром...

Вот отец Фюш наполняет стакан, жадно глотает... Потом отправляет на место стакан и бутылку, снова проходит на цыпочках по комнате, залезает под одеяла и замирает...

“Черт побери! Странную диету установил для себя господин кюре! Боюсь, что это лекарство, которое он только что проглотил в немалых количествах, отнюдь не прописывают сердечникам!”

Маркиз спустился по лестнице и оказался в церкви, где больше не слышалось ни единого шороха. Поколебавшись, он направился к главному алтарю и вошел в ризницу. Дверь, выходящая во двор, оказалась не запертой на ключ. Маркиз открыл ее, вышел и в ту же секунду, неожиданно получив дубиной по лбу, растянулся на земле.

К счастью, поля шляпы ослабили удар.

Он чувствовал, как чьи-то руки обшаривают его одежду, проникают в карман, где лежит бумажник, чувствовал жар чужого дыхания на лице. Изловчившись, он схватил грабителя за запястья, вскочил на ноги и, смазав ногой по коленям, уложил его перед собой. Тот вырывался, верещал...

Высвободив одну руку, маркиз залез в карман куртки, достал оттуда фонарик, нажал на кнопку. И — во второй раз за этот вечер — раскрыл рот от удивления: оказывается, напал на него не кто иной, как Блез Каппель! Маркиз прошелся лучом фонарика по мерзлой земле и добрался до лежавшей рядом ходули.

— Да что ж это такое? У вас просто мания! — воскликнул он. — Или вы дали обет — погубить меня ударом ходули? Ради Бога, в следующий раз возьмите другое оружие!

— Вы мошенник, вор и убийца, — мрачно проговорил ризничий, тщетно пытаясь освободиться и морщась от боли.

— Мошенник?

— Да. Мне точно известно, что никакой вы не маркиз де Санта-Клаус... Я это понял еще сегодня утром, когда следил за вами. У маркиза на лбу осталась шишка от удара ходулей, нанесенного мною вчера, а у вас никакой шишки нет. Каким бы вы ни были ловким, обман не удался: о шишке-то вы забыли позаботиться!

Маркиз выпустил руки Каппеля и разразился смехом.

— Значит, вот почему вы весь день за мной следили? Успокойтесь. Я точно такой же маркиз де Санта-Клаус, как тот маркиз де Санта-Клаус, с которым вы знакомы. Это был мой секретарь. Когда меня попросили приехать сюда и понаблюдать за тем, что здесь происходит, я решил, что он с этим справится не хуже меня, и послал его. Но когда речь зашла о преступлении, в дело должен был вступить Проспер Лепик собственной персоной.

— Но какое ужасающее сходство... — пробормотал ризничий.

— Этого не так уж трудно добиться. Сейчас открою вам секрет. Надо было только вообразить лицо, представляющее собой нечто среднее между моей физиономией и физиономией моего секретаря. Было куда легче “встретиться на полпути”, взяв от каждого понемножку, чем одному из нас преодолевать все разделяющее

нас расстояние. Лицо маркиза де Санта-Клауса — это “нечто среднее” между нами. Понимаете? Среднее, если говорить о нашем сходстве и различиях между нами. Чуть-чуть от моего секретаря, чуть-чуть от меня самого, и — пожалуйста, дело сделано. Самым трудным было добиться того, чтобы нельзя было отличить нас по глазам и по голосу. Но пенсне на носу и португальский акцент придуманы не зря! Вот только этот дурак забыл предупредить меня про шишку на лбу, а как я мог догадаться? Остается только поздравить вас с тем, что вы так хорошо для близорукого видите...

Не прошло и двух минут, как установилось полное взаимное согласие. Каппель настоял на том, чтобы маркиз зашел к нему, где они вместе “хлопнули” по рюмашке, и Санта-Клаус отправился к “Святому Николаю”.

Еще в коридоре он услышал, как в его номере верещит телефон.

Маркиз вбежал в комнату и схватил трубку.

— Алло! Алло! Это маркиз де Санта-Клаус из Мортфона?

— Так точно. А вы кто?

— Маркиз де Санта-Клаус из Парижа!

— Черт! Что случилось?

— Ничего страшного, мсье. Я кое-что забыл сказать вам вчера, когда мы расстались. Забыл сообщить о том, что ризничий, шархнув меня ходулей по лбу, оставил там хорошенькую метку, ближе к правому виску...

Маркиз де Санта-Клаус из Мортфона почесал шишку и ответил:

— Не имеет значения... Все необходимое уже сделано...

Спустившись затем вниз, он увидел Ажена, только что пришедшего в отель. Мясник хмуро уставился на маркиза, потом отвернулся и попросил:

— Налей-ка мне чашечку кофе, Коф. И мирабелевой настойки тоже. — И добавил таким тоном, будто сообщал нечто двусмысленное: — Знаешь последнюю новость? Вроде бы наш кюре представился сегодня ночью...

Маркиз де Санта-Клаус быстро оделся и побежал в дом священника. Там уже собрались доктор Рикоме, Каппель, мэр, Тюрнер с сестрой и Вирекур. Ризничий выглядел растерянным и подавленным.

— Не понимаю, как... почему... Еще вчера вечером господин кюре...

— Сердце, — вздохнул доктор. — Слабое сердце... Добавлю, что меня куда больше удивляет, как аббат смог так долго продержаться... Изумительный человек!

— Увы! Посмотрите, что мы обнаружили...

Ризничий подошел к молитвенной скамеечке, — той самой, в ящике которой священник в тайне от всех хранил выпивку, — и вытащил оттуда добрую дюжину пустых бутылок с этикетками: “Вогезская Мирабель”.

— Вот! — горестно покачав головой, проговорил Каппель. — До чего мы ничтожны! Нет, только подумайте, до чего мы ничтожны! Если бы только я мог заподозрить, что бедный старик выпивал...

Вот уже пять минут маркиз тщетно стучался в дверь Корнюсса. Фотограф не желал открывать.

— Прекратите! — кричал он. — Немедленно прекратите! И убирайтесь! Не хочу никого видеть!

Устав стучать, маркиз попытался открыть задвижку. С той стороны раздался дикий вопль:

— Не смейте входить! Разбойники! Режут! Убирайтесь, а то будет хуже!

Справившись с задвижкой, маркиз де Санта-Клаус зашел и прикрыл за собой дверь. Корнюсс стоял в угрожающей позе, размахивая штативом от фотоаппарата.

— Ладно-ладно, успокойтесь, папаша Корнюсс, я не сделаю вам ничего плохого!

— Какого черта — “успокойтесь”! С меня хватит! Я не привык, чтобы в меня тыкали пальцем, как в вора! Я прожил в Мортфоне пятьдесят лет и ни разу не позымствовал даже сантима у ближнего, а теперь мне кричат прямо в лицо: “Вор!” Вот несчастье-то, вот беда! — Он с силой ударил штативом по столу.

— Но, папаша Корнюсс, я-то ведь убежден, что вы абсолютно порядочный человек. Именно потому и пришел к вам: хочу с вашей помощью прояснить кое-какие обстоятельства дела.

— Чего тут прояснять? — горько произнес фотограф. — Все и так ясно. Воры — Каппель и Тюрнер. — Он широким жестом обвел идиллические открытки и трогательные фотографии, развешанные по стенам, словно призывая их свидетельствовать в свою пользу. — Сказать такое мне! Обо мне! Сказать такое!

— Послушайте, папаша Корнюсс, сейчас вам надо успокоиться и наярять память.

— А вы что — из полиции? — подозрительно спросил фотограф.

— Нет, не из полиции. Просто хочу помочь вам, раз уж вы попали в такое затруднительное положение.

У маркиза в руках появилась бутылка красного. Он взял два стакана и наполнил их.

— Ваше здоровье, Корнюсс!

— Ваше здоровье, маркиз!

Они выпили. Сели. Фотограф поставил локти на стол, обхватил ладонями лицо.

— Вы честный человек, Корнюсс, абсолютно порядочный, — повторил португалец. — А теперь слушайте меня внимательно. Блез Каппель, ризничий, и Макс Тюрнер, ювелир, тоже честные и порядочные люди.

— Нет, нет и нет! Каппель и Тюрнер — лжецы и преступники!

— Тихо, тихо! — поднял палец маркиз. — Мы будем говорить серьезно? Перестаньте злиться. Каппель и Тюрнер честные люди, и вы это знаете не хуже меня, так?

— Ну, допустим.

— Значит, существует вор, но это не вы, не Каппель и не Тюрнер.

— Естественно! Кто-то же должен был украсть эти чертовы камни!

Они выпили еще по стаканчику.

— Позавчера вечером, Корнюсс, вы обходили поочередно все дома в городе...

— Ну да, как всегда, как каждый год... Я начал с улицы Трех Колодцев, обошел центральную площадь, поднялся по Банной улице, потом зашел на Печную, навестил мэра, добрался до школы, зашел к доктору, потом к господину барону де ла Фаю, хотя там и нет детишек, потом спустился на Рыночную, ну, и так далее. Я никого не пропустил, а что?

— Отлично. Когда вы обошли все дома, то...

— То отправился в ризницу, оттуда поднялся в зал, где проходил детский праздник, сыграл свою роль, спустился вниз и присутствовал на полночной мессе. Все было как всегда, я уже сто раз повторил это. Может быть, на этот раз я чуть больше обычного выпил, признаю, но в остальном... Я вернулся домой сразу же после мессы и дурацкого концерта Виллара: городской духовой оркестр, знаете? Ну и чудак же этот Виллар! Каждый год после полночной мессы повторяется одно и то же: “Походная песня”!

Маркиз бросил острый, пронизательный взгляд на фотографа. У португальца явно возникло какое-то подозрение. Неужели ключ к разгадке сам идет к нему в ру-

ки и даже раньше, чем он рассчитывал? Вот-вот всему этому можно будет найти удивительно простое объяснение!

— Скажите, Корнюсс... Действительно — всегда "Походная песня"? Никогда ничего другого?

— Говорю же вам: все как по рельсам! Никогда!

— А вот и нет, Корнюсс. На этот раз вы не расслышали: господин Виллар в нынешнем году изменил программу, он включил в "Походную песню" отрывки из "Карманьолы" и "Са ира!"... И даже неплохо получилось...

Корнюсс покачал головой.

— Ничего я не ошибся. И Виллар вовсе ничего такого не делал. Я прослушал всю музыку до конца.

Ага, значит, загадочные противоречия продолжают! Сначала Корнюсс, будучи в ризнице, не видел того, что видели Тюрнер и Каппель. Потом, находясь на площади, не слышал тех мелодий, которые ясно слышали все присутствовавшие. И готов поклясться в том, что Виллар и не думал вставлять в программу ни припева из "Карманьолы", ни "Са ира!"...

Маркиз откинулся на спинку стула и закурил сигарету.

— Сейчас я расскажу вам одну очень миленькую историю, Корнюсс. Историю, которая не так давно случилась со мной самим. Дело было в одном большом кафе в Париже...

— Я никогда не был в Париже, — нахмурился Корнюсс.

— Не имеет значения. Я пришел в это кафе, проспав всего несколько часов, чтобы встретиться там с приятелем, с которым до того пил всю ночь. Сами понимаете, выпито было немало. И вот этот приятель говорит мне: "Маркиз, я буду тебе весьма благодарен, если ты вернешь мне пятьсот франков, которые занял сегодня ночью". Я подумал и вспомнил, что действительно занимал деньги. Я был хорошо на взводе, когда просил и брал в долг, но, тем не менее, вспомнил сцену во всех деталях. Поэтому вытащил из бумажника купюру и протянул приятелю, а он вдруг расхохотался. "Да ничего ты мне не должен! Я пошутил. Я и впрямь давал тебе пятьсот франков в этом баре и в этот час, но дело было месяц назад, и ты мне все давно вернул!"... Моему другу стоило огромного труда переубедить меня!

— Да, смешная история, — сказал фотограф и засмеялся: он ничего не понял.

— Ваше приключение, Корнюсс, точь-в-точь повторяет мое.

— Это как?

— Позавчера вы действительно начали ваш рождественский обход города, но не закончили его. В каком-то пункте вашего "путешествия" кто-то, кто хорошо знал ваш маршрут и вашу роль на детском празднике, воспользовавшись тем, что вы уже сильно навеселе, напоил вас совсем уже до положения риз, может быть, даже подсыпал вам какого-то наркотика и, переодевшись в ваш костюм, закончил за вас обход. Потом он привел вас сюда в почти бессознательном состоянии. А назавтра, проспавшись, вы совершенно естественно и абсолютно честно принялись ждать, что обошли все дома до последнего и были в ризнице. Но вы перепутали даты! Все, что вы вспомнили, относилось к прошлогоднему Рождеству, а не к нынешнему! Это совершенно точно и, именно потому, что ваш костюм и ваш маршрут в течение пятнадцати лет неизменны, ваши слова и жесты строго выверены, пользуетесь опять же вашим собственным выражением, все "накатано, как по рельсам!"... Вот только в нынешнем году все было по-другому. Сначала в ризнице. Потом на концерте духового оркестра: Виллар добавил припев из "Карманьолы" и "Са ира!". Если учитывать все эти факты, сомнений не остается: вы не можете вспомнить некоторых событий, потому что такого никогда прежде не бывало...

Взволнованный Корнюсс залепетал:

— Нет, это невозможно! Скажите лучше, что я просто съехал с катушек! Что вы такое говорите? Я отлично помню, как мы выпивали с Аженом. Говорили о деньгах, о кризисе...

— В прошлом году!

— Ничего подобного: позавчера! И потом я выпивал с папашей малыша Пудриолле. Парнишка так гордился тем, что ему впервые сшили длинные брюки!

— В прошлом году!

— Черт побери! А я вам говорю, что это было позавчера! Погодите-погодите, у мэра мы говорили о ближайших выборах... Ну и... Черт! Погодите! Мы не могли говорить о будущих выборах, потому что... потому что... ну, потому что они уже прошли. А он мне говорил о выборах, которые только должны состояться...

— В прошлом году!

— Черт побери! Может быть, и так... Но в таком случае, о чем мы беседовали с мэром в нынешнем? Не помню... Какая-то дырка в голове... Что же такое он мог мне сказать?.. Погодите-погодите, я вспомню... Вот мы сидим за столом... Пьем, как обычно...

— Это было в прошлом году!

Корнюсс стукнул кулаком по столу.

— Сколько вам говорить, что был я, был у мэра позавчера! Доказательство? Пожалуйста! Я всегда сначала иду к мэру, а потом к доктору и к господину барону. И я там был — у обоих! Мсье Рикоме рассказал мне, что все-таки собирается купить машину.

— В прошлом году!

— В этом! Потому что у него до сих пор нет никакой машины! А в замке... В замке я слышал, как Августа говорила о какой-то бальной туфельке, которую никак не может найти. Туфельке для малютки Арно, для ее маскарадного костюма. Что — будете утверждать, будто господин барон в прошлом году приводил малютку Арно на бал "Святому Николаю"? Это было позавчера! — Фотограф подал ногой стул, тот с грохотом упал. — Нет, вы послушайте, послушайте! Так не годится! Я больше ничего не понимаю! Что, в конце концов, случилось? Где я был? Где я не был? Не понимаю! Послушайте, в конце-то концов, нет ведь двух Корнюссов! Это я — Корнюсс, господин маркиз! И Дед Мороз — это тоже я!

Он окончательно потерял голову, метался по комнате, хватался за свои фотографии, потом недоверчиво пробегал дрожащими пальцами по собственной груди, словно желая убедиться, что на самом деле существует. Все ускользало от него. Все таяло и расплзалось...

Когда маркиз ближе к обеду явился в замок барона, чтобы порыться наконец в семейных архивах де ла Фая, он нашел на столе несколько стопок старинных пергаментов, дневники с пожелтевшими страницами, какие-то сборники...

Барон — само радушие — воздержался от комментариев.

— Ройтесь, ройтесь в этих бумажках, дорогой маркиз! Ройтесь в свое удовольствие! Не бойтесь помять документы местами — ничего страшного... И вот вам бумага и чернила — можете делать выписки.

Потом он сам уселся у камина и погрузился в чтение "Жизнеописания суперинтенданта Фуке", недавно вышедшего из печати. Хотя, казалось, история очень его интересует, он не забывал и о госте: время от времени поднимал глаза от книги и внимательно всматривался в маркиза, склонившегося над пергаментными, исписанными выцветшими чернилами или исчерченными старинными планами.

Маркиз сделал только одну выписку на любезно предоставленной ему бароном бумаге. Нет, это была не выписка, это был рисунок! Очень простой рисунок: звезда с четырьмя лучами.

Когда маркиз отклонялся, приняв приглашение прийти вечером на ужин, барон с иронией заметил:

— Погодите уходить! Вы кое-что забыли, дорогой маркиз!

— Что же я забыл?

— То единственное, что откопали в моих архивах, — вот эту звезду...

— Сдается мне, что вы не верите легенде об утраченной реликвии? — спросил господин де Санта-Клаус.

— Вот уж точно: ничуть не верю! А вы?

Глаза маркиза, спрятанные за стеклышками, пенсне, сверкнули:

— Как знать, барон...

Он взял листок со стола, аккуратно сложил его и с самым серьезным видом спрятал во внутренний карман.

После обеда маркиз де Санта-Клаус решил подышать воздухом. Он уселся на скамью на центральной площади и принялся наблюдать за детишками, которые бегали вокруг, визжа, шмыгая покрасневшими носами и то и дело пряча руки в карманы, набитые испеченными в золе каштанами.

Мимо прошли Нуаргутт с Вилларом. Учитель поклонился маркизу, мэр надвинул поглубже на голову шляпу и нахмурился. Из подошедшего автобуса вышел худой и бледный священник едва ли старше двадцати пяти лет. Он приехал заменить аббата Фюша. Шофер с чемоданом в руке отправился проводить его к дому покойного.

Мэр метал громы и молнии, бегая туда-сюда перед доктором Рикоме и Вирекуром. Рокот мотора заставил его остановиться.

— Ну, наконец-то, на этот раз полицейские... — воскликнул он и осекся. — Нет, нет...

— Кто в машине? — ехидно спросил доктор.

Это оказалась "Скорая помощь", вызванная два дня назад для того, чтобы перевести больного священника в больницу.

— Вы приехали слишком поздно, мой мальчик! — грустно сказал водителю доктор Рикоме. — Нам больше не нужна "Скорая помощь". Теперь нам нужен ка-тафалк...

Мэр дрожал от бешенства.

Запершись в своем номере, маркиз де Санта-Клаус делал приписку к визитной карточке, на которой было напечатано следующее: "Мсье ПРОСПЕР ЛЕПИК, парижский адвокат". Далее последовало: "... и бывший маркиз де Санта-Клаус приветствует вас. Пользуясь установившимися между нами к этому дню превосходными отношениями, он ставит вас в известность о том, что теперь ему ясна подоплека всего случившегося недавно в Мортфоне. Он обращает ваше внимание на то, что в связи с этим находится в лучшем положении, чем любой его собрат по профессии, на случай, если потребуется эффективная защита в суде присяжных по известному вам делу".

Маркиз положил записку в конверт и заклеил его. Поколебался. Посмотрел на свое отражение в зеркале шкафа и посоветовался с ним.

— Ну, и что будем делать, маркиз? Какое принять решение? Послать письмо адресату? Подумайте хорошенько. С одной стороны, я рискую своей благородной шкурой, и если ее продырявят, то вместе с ней и вашу... А с другой, это вообще не-

сколько странный поступок... Но соблазнительно, до чего соблазнительно! Вот уж, скажем прямо, искушение! Ну, и что скажете? Думаете, надо передать карточку? Ах, ты, Боже мой, да ведь вы любитель азартных игр!.. Ну, что — решено? Вы со мной согласны? Отлично!..

Маркиз встал, вышел из гостиницы, пересек кратчайшим путем город и сунул конверт под дверь одного из домов.

Рейсовый драндулет уже давно отправился в Сире, "Скорая помощь" вернулась в Нанси. Было около пяти часов вечера. Мэр сидел за письменным столом и строил полное желчи и яда письмо префекту. Внезапно послышался рокот мотора, и его перо повисло в воздухе. Неизвестный автомобиль ревом sireны приглашал все местное население на площадь. Мэр подбежал к окну и сразу же увидел, как туда, подобно метеору, врывается длинная темная машина.

Какой-то мальчишка заорал:

— Полицейские! Полицейские!

Тут же, будто из-под земли, выросли еще с полсотни ребятишек. И все хором завопили.

Автомобиль, сделав крутой вираж и отчаянно завизжав тормозами, остановился у подъезда мэрии. Из него вышли двое пузатых мужчин. Оба курили трубки. Один сказал другому:

— На пятнадцать последних километрах пришлось выжать аж шестьдесят в час! На такой дороге это просто немислимо!

— Немислимо? Вполне возможно, — прозвучал откуда-то с неба саркастический ответ. — Зато пятьдесят километров за двое с половиной суток — оказалось более чем мыслимо! Ваши способности дурачить людей делают вас просто чемпионами! Можно занести ваш подвиг в книгу рекордов!

Полицейские задрали головы кверху и вынули из зубов свои носогрейки.

— Вы, очевидно, господин мэр?

— Естественно, мэр. Мэр и никто иной. Господа, я от природы не любопытен, но сейчас просто сгораю от желания узнать, каким образом, выехав из Нанси, города, который находится на севере по отношению к Мортфону, вы смогли потерпеть аварию в Баккара, расположенном к югу от Мортфона, и, в конце концов, приехать снова с севера. Если я правильно понял, вы описали окружность?

Теперь на площади собралось уже все население Мортфона. По толпе прокатился сдавленный смехок. Но полицейским это, вроде бы, было безразлично.

— Сейчас объясню, господин мэр. Да, действительно, как вы говорите, нам пришлось описать окружность. Понимаете, до самого Баккара нас просто преследовали несчастья: снежная буря, авария на железной дороге, нехватка бензина, лопнувшая шина, проблемы с двигателем, ну, и так далее.

— О, Господи, но с утра-то, с утра? От Баккара до Мортфона ровно тридцать километров! Дороги теперь в порядке. Буря и метель давно закончились. Даже старые развалюхи оказались способны пробраться сюда. А вам понадобилось все утро и полдня, чтобы проехать тридцать километров?

— С утра, господин мэр, мы проделали более двухсот километров!

Эти слова необычайно обрадовали население Мортфона.

— Двести километров! Теперь все ясно. Вы сделали очередной крюк: попытались попасть сюда через Германию и Швейцарию, и таможенные формальности, а также проблемы с паспортами заставили вас немножко задержаться, так?

К величайшему изумлению мэра, полицейские нисколько не возмутились, они рассмеялись.

— А вы весельчак, господин мэ́р! Нет, все куда проще. Мы заблудились. Ни один из нас не знает местности, а все дорожные знаки спрятаны под снегом... В полях пусто... На дорогах — никого, кто мог бы подсказать...

— Потрашающе! И, наверное, вы предполагаете, будто все, что касается преступления, все следы остались в "первоначальном состоянии", как вы того требовали? Положение трупа... Тряпки на отпечатках, прижатые четырьмя камешками, чтобы не улетели... Ой, держите меня, я сейчас умру со смеху!

— Но если говорить об убийце, господин мэ́р...

— Вы должны были с ним встретиться в пути! — произнес кто-то сзади.

По толпе прокатилось страшное волнение.

— Как? Что? Это еще кто? Кто осмелился? — забормотал мэ́р.

— Я! — воскликнул маркиз де Санта-Клаус. — Я утверждаю, что этим господам не повезло. Вот уже час, как убийца отбыл из города в направлении к Нанси.

— Боже! Боже! — завопил мэ́р. — Что за дурные шутки, господин маркиз? Я уже, кажется, просил вас не вмешиваться в дела, к которым вы не имеете никакого отношения! Но на этот раз вы просто перешли все границы допустимого!

— Я отнюдь не шучу, господин Нуаргутт. Убийца действительно покинул Мортфон час назад — он уехал на машине "Скорой помощи".

— "Скорой помощи"? — упавшим голосом переспросил мэ́р. — Вы говорите серьезно?

— Более чем.

— Не понимаю... Вы знаете убийцу?

— Понял, кто он, сегодня после обеда.

— И... и... И ничего никому не сказали? Вместо того, чтобы прийти ко мне, предъявить все доказательства, чтобы я разобрался, посоветовал, вмешался, наконец, вы позволяете убийце скрыться? Вы отдаете себе отчет, что вас могут обвинить в сообщничестве или пособничестве?

— Я уже не раз говорил вам, господин мэ́р, что я не полицейский. А арест преступника — дело полицейских.

— Которое они и сделали как нельзя лучше, — холодно проговорил инспектор.

Теперь по толпе прокатилась дрожь. Воцарилась мертвая тишина, и в этой тишине голос полицейского прогремел громом.

— Вперед, граждане! — рявкнул он, адресуясь к кому-то в машине. — Выходите, я вам приказываю!

В темной глубине автомобиля что-то зашевелилось, и появился... доктор Рикоме в наручниках. Он безразлично взглянул на толпу, и та, вне себя от изумления, пятилась.

— Вот вам ваш преступник, господин мэ́р, — продолжал полицейский. — Мы действительно встретились по пути с машиной "Скорой помощи", как сказал этот господин. И машина эта ехала с черт знает с какой скоростью... Потом мы нашли в придорожной канаве ее водителя с окровавленным лицом. Он объяснил нам, что доктор вдруг выскочил из-под кушетки, пригрозил пистолетом, потом шарахнул его по голове и выкинул из машины. Мы развернулись и пустились в погоню за "Скорой помощью", ну, и нагнали. Правда, пришлось обменяться несколькими пулями, прежде чем удалось взять мерзавца. И вот он перед вами. Как это вам нравится, господин мэ́р?

Теперь уже никто из горожан не смеялся, все восхищенно перешептывались. Полицейские были мгновенно реабилитированы и наслаждались своим триумфом.

Один мэ́р казался удрученным.

— Нет, это невозможно... Рикоме?... Это чудовищно!.. Неужели вы, правда, совершили это ужасное преступление, Рикоме? Почему? Зачем, скажите, Бога ради!..

Чтобы украсть? Но это безумие... Да говорите же, доктор, говорите! Скажите хоть что-нибудь! Защищайтесь!

Доктор Рикоме ответил, и ответ его прозвучал двусмысленно:

— Вы весьма любезны, Нуаргутт, но вам же известна формула правосудия: я не буду ничего говорить без моего адвоката.

Произнеся эти странные слова, он отвернулся, и толпа немедленно задалась вопросом: кому он адресовал эту улыбку, что вспыхнула у него на губах? Только маркиз разгадал значение этой улыбки. Он ничего не сказал, вернулся к себе в номер, встал у зеркала и, обращаясь к своему отражению, разразился краткой речью:

— Bravo, маркиз! Теперь, как мне кажется, дело у нас в кармане!

Глава 6. Ответ звезды

Вечером маркиз де Санта-Клаус долго прогуливался по улицам Мортфона. Полицейские уехали, увезли подозреваемого. Назавтра должна была приехать другая машина — за трупом незнакомца, чтобы доставить его в морг города Нанси.

Маркиз наотрез отказался удовлетворить любопытство многочисленных горожан, стремившихся разузнать все подробности насчет кражи и мотивов убийства. Он блуждал по улицам и переулкам, заглядывая в люки подвалов, бросая взгляд в уходящие вдаль длинные коридоры, осматривая фасады домов.

Ужин в замке был простым, но очень вкусным. Августе особенно удалось тушеное мясо, оно получилось на удивление нежным, прямо-таки таяло во рту. Сама обстановка, столь же быстрые, сколь и молчаливые появления и исчезновения служанки, готовой по почти незаметному знаку исполнить любое желание хозяина, благосклонность, любезность и изящество барона способствовали тому, чтобы эта трапеза при свечах стала похожей на роскошное пиршество, хотя угощение было довольно скромным.

Когда пришло время сигар и ликеров, маркиз, усевшись перед пылающим камином, вспомнил о Золотой Руке короля Рене.

— Должно быть, она была из червонного золота и искрилась драгоценными камнями, — задумчиво произнес португалец. — Вроде этого полена...

Барон пошевелил полено кочергой.

— Вы найдете ее, если спросите звезду, — спокойно ответил он.

— Как знать? Представляете это феерическое зрелище? В глубине какого-нибудь подвала замурованная в стену Золотая Рука вспыхивает под лучом электрического фонарика...

Барон покачал головой.

— Феерия... — только и протянул он.

— Я совсем не верил в нее, когда приехал в Мортфон, — продолжал маркиз. — Но пробив здесь две недели, познакомившись с этим волшебным городком, битком набитым игрушками и сказочными персонажами...

— Можно, я поделюсь глупым наблюдением? — внезапно перебил гостя барон. — Мне кажется, когда вы приехали сюда, глаза у вас были темнее...

— Темнее? — растерянно переспросил маркиз. — И что?

— Не правда ли, глупо? И еще мне кажется, что ваш акцент... Ну, словом, не могу избавиться от мысли о том, что в последние дни он стал явственнее...

— Правда? — Маркиз задумался.

Спустя несколько минут хозяин замка искоса взглянул на гостя.

— Если мне будет позволена некоторая нескромность, маркиз...

— Ради Бога, барон, все, что угодно...

— Вам случалось любить?

— Сколько раз!

— Нет, не то! — почти раздраженно бросил барон и уставился на огонь. — Нет, я хотел сказать: случалось ли вам любить... один раз?

— Один раз? Да, — ответил маркиз. — Один раз. Давно. Она была темноволосой и светлокожей. Представляете: темноволосой и светлокожей, барон? Она не была португалкой.

— Настоящая любовь многое меняет в жизни, маркиз, правда?

— Она многое может изменить, да...

Маркиз пристально, даже как-то жадно вглядывался в склонившегося к огню барона. Когда тот поднял голову, глаза их встретились.

— Она меняет очень, очень многое! — почти не шевеля губами, прошептал барон, стряхнул с сигары пепел и поднес к губам бокал, наполненный малиновой настойкой. — Меняет почти все!

Маркиз осторожно поставил свой бокал у ножки подставки для дров и мягко произнес:

— В таком случае, верните их мне!

Барон густо покраснел, выражение лица стало почти угрожающим. А маркиз развел руками, и этот жест, казалось, ясно говорил: "Не правда ли, так будет лучше?"

— Хорошо, — после долгих размышлений решил барон.

Он положил ладонь на округленную верхушку одной из подставок, побарабанил по ней пальцами. Раздался легкий щелчок, верхушка откинулась на шарнирах, открылся тайник. Барон достал из него крупный бриллиант и протянул камень маркизу.

— Второй вы найдете в... — Тут голос его дрогнул, и фразы он закончить не смог.

Маркиз де Санта-Клаус кивнул, нажал на верхушку второй подставки для дров и достал из открывшегося тайника второй бриллиант. Потом положил сверкающие камни в кошелек — так, будто это были мелкие монетки.

— Видите ли, барон... — начал он. — Что касается феерии... — Маркиз добродушно усмехнулся. — Какого черта вы смухлевали?

— Смухле... что?

— Ну, сплутовали, если вам так больше нравится... Эта история очень напоминает рождественскую сказку, вот я и решил, что именно в такой сказке мне и следует искать ключи к разгадке. И стал искать деталь, которая не соответствовала бы всем канонам волшебной сказки, выпадала бы из ее логики. Человек не может быть совершенным во всем, потому этот недочет должен был существовать. И я нашел его. Припомните... Потерянная бальная туфелька. Я знаю об этом и от мадемуазель Арно, и от Корнюсса...

— То есть?

— Все очень просто: в сказке Шарля Перро Золушка теряет туфельку после бала, а не до него! Вот в этом-то все и дело. Меня удивило, как все произошло на самом деле. Почему в столь тщательно налаженном механизме рождественской феерии случился такой прокол, почему нарушился ход сказки? Должен сказать, что удивил меня и еще один факт. Почему вы, до тех пор никогда не появившийся ни на рождественских банкетах, ни на балах, вы, предпочитающий уединенную жизнь, вдруг отправились к "Святому Николаю" и пригласили Золушку? По меньшей мере, любопытное совпадение. И вот, когда мне удалось разобраться в причинах столь необычного, почти сверхъестественного помутнения мозгов у папаши Кор-

нюсса, мне и пришло в голову, что тот Дед Мороз, который вышел от вас в десять вечера, мог быть совсем не тем Дедом Морозом, который зашел к вам без четверти десять. В таком случае, приглашение Золушки на бал и поиски потерявшейся туфельки приобретают смысл. Действительно, если эта злосчастная туфелька вовсе не потерялась, а была спрятана — вами, барон! — женщины, озабоченные ее поисками, не обратят внимания на ваше краткое отсутствие в доме. Более того. Если бы потребовалось, они бы засвидетельствовали ваше алиби, утверждая, что в момент кражи вы находились в замке. Алиби, возникшее благодаря потерянному башмачку Золушки! Прелестная идея, замечательная! Но если, начав игру с феями, плутуешь, следует ожидать... ну, по крайней мере, взмаха волшебной палочки!

Барон уронил голову на грудь.

— Больше всего меня мучает то, что из-за меня заболел аббат Фюш, что он из-за меня умер...

— Еще бы! Ведь вы так тщательно все подготовили! Анонимное письмо в начале месяца, потом попытка ограбления... Хочу прямо сказать вам, барон, что письмо это я всерьез не принял и что пресловутая попытка ограбления, да еще закончившаяся побегом предполагаемого преступника на ходулях, показалась мне чистым абсурдом. Человек в маске действовал так, будто у него не было ни малейшего намерения красть что-то на самом деле. Какова могла быть цель этого маневра, если не подготовить участников действия к тому, что кража вполне возможна?

24 декабря вам легко было проникнуть под видом папаши Корнюсса в ризницу в то самое время, когда священник достал из сейфа раку. Оставалось совсем чуть-чуть: обратить его внимание на то, что подлинные камни, на ваш взгляд, фальшивые. Как ему было не поверить? Ведь уже три недели он был буквально одержим навязчивой идеей о краже, и вот, получается, ограбление произошло! Бедный старик тотчас же помчался за ювелиром, а вы в это время... Барон, я бы подлил себе немножко малинового ликера!

Надолго воцарилась мертвая тишина, только дрова в камине трещали, поленья рассыпались искрами, и искры эти казались удивительно живыми.

— Чего вы ждете, маркиз? — внезапно спросил барон, и дрогнувший голос выдал, как он нервничает. — Чего же вы ждете? Почему не задаете вопрос, который так и вертится у вас на языке? Ведь вы все время только и думаете о том, что заставило меня, барона де ла Фая, стать вором?

Маркиз ничего не ответил. Барон каминными щипцами поворочил раскаленные угли и продолжил:

— Мне кажется, вы говорите себе: "Барон по уши в долгах!", или "Невезучий барон, которому всегда не хватало денег, устал жить в заточении!", или "Никогда у него не было никакой любви, одни только романчики!", или "Барон возмечтал о свадьбе!"... Так вы думаете? Да? Ну, так вы ошибаетесь! — Он встал, подошел к маленькому круглому столику и взял лежавшую на нем книгу. — Вот что я сейчас читаю... "Жизнеописание суперинтенданта Фуке". Это ни о чем вам не говорит? Нет? А мои архивы? Вы же ознакомились с моими архивами и могли узнать из документов, что бароны де ла Фай были очень, очень богаты. Снова не поняли, к чему я веду?

— Нет, не понял, барон...

— Я сказал: очень, очень богаты... Но не это главное, маркиз! Они умели жить в роскоши. Потому что только обладание ничего еще не значит. Надо уметь расходовать, знать — на что! Имея золото, имея много денег, надо уметь создавать красоту, тем более драгоценную, чем она эфемернее. Красоту платьев, таких воздушных, что их может измять дуновение ветерка. Красоту фонтанов — такую хруп-

кую, что легкий бриз склоняет потоки воды к земле и распыляет их в мелкий дождь. Красоту фейерверков, которые умирают в ночи сразу же после того, как рождаются. Красоту партеров из дивных роз, расцветающих и увядающих в один и тот же день...

А теперь представьте себе жизнь этого мелкопоместного лотарингского дворянчика, вынужденного питаться только супом и тушеным мясом; владельца замка, вся прислуга которого сократилась до одной-единственной старухи; барона, который должен экономить каждый сантиметр для того, чтобы иметь возможность хоть как-то свести концы с концами... В то время, как его предки... Ну что — теперь вы понимаете, где корни этого безумия: украсть бриллианты, украсть эти драгоценные камни, по-идиотски спрятанные от глаз в церковном сейфе от одного Рождества до другого, да-да, украсть их и, воспользовавшись плодами этой кражи, возродить здесь былую роскошь. Сделать так, чтобы весь этот холм, весь этот замок, как прежде, засиял яркими огнями. Сделать так, чтобы здесь снова появилось все, что в мире считается самым прекрасным: женщины, цветы, музыка, — все, как в добрые старые времена!

— А потом что? — холодно спросил маркиз.

Настроение барона резко упало.

— Потом?

— Да-да, потом. Когда сияние праздника угаснет.

— Ах, ты, Боже мой... Вы так и не поняли? Потом, говорите? — барон устало махнул рукой. — Да какая разница, что потом! — И прибавил шепотом: — Ведь я бы все-таки устроил праздник... Хотя в этом году праздник у меня был... Хрусталь и тонкий фарфор, музыка, танцы... И это дитя напротив, эта девушка, такая нежная, такая чистая... Ну, и теперь...

— Барон, — неожиданно заговорил маркиз де Санта-Клаус. — Барон, теперь-то как раз все в порядке! Камни будут без всяких комментариев возвращены монсеньёру Жибелю. Бриллианты снова займут свое место на раке с мощами Святого Николая. Одним словом, дело будет улажено без лишнего шума. Мне кажется, было бы очень печально, если бы кто-то, кроме нас с вами, узнал о том, что здесь говорилось...

Барон страшно побледнел, губы его задрожали.

— Маркиз! Я не могу... Я...

— Послушайте, а нельзя еще хоть капельку этого чудодейственного напитка?

— Но... — вдруг заволновался барон. — Но как же с властями? Ответственность за кражу...

— Все останется тайной. Если, конечно, доктор Рикоме не возьмет вино на себя.

— Нет, я предпочитаю тайну...

Когда маркиз де Санта-Клаус вышел из замка и стал спускаться с холма, он заметил, что мороз отступил. Стало почти тепло.

Все окна в домах Мортфона были темными. Человек с Мешком спал в постели почтальона. Матушка Мишель спала в постели мадемуазель Тюрнер. Дед с Розгами почивал на перинах сельского полицейского Вирекура. Дед Мороз похрапывал под одеялом фотографа Корнюсса. А Золушка?

Катрин Арно сидела у окна, облокотившись на подоконник, и личико ее было повернуто в сторону замка. Маркизу сразу же вспомнилась фраза барона де ла Фая:

— Она меняет очень, очень многое!..

Он вздохнул. Он вспомнил ту любовь... Ту, которая случилась один раз. И прижал два пальца к губам.

Вот тогда-то воздушный поцелуй маркиза де Санта-Клауса, который, впрочем, с таким же успехом мог бы называться маркизом Карабасом, потому что ни его имя, ни титул не числились в альманахе знаменитостей, — вот тогда-то его воздушный поцелуй и полетел к Золушке, слишком занятой натуральным бароном, чтобы это заметить, в то время как барон-то, барон вполне заслуживал того, чтобы его имя и его титул фигурировали в полицейских сводках!

В отеле "У Святого Николая" свет еще горел. Горничная вязала, мадам Копф читала газету, папаша Копф с Аженом демонстрировали силу и ловкость, поднимая стулья на вытянутой руке.

— Ах, господин маркиз! Мы искали вас повсюду! Вам пришла телеграмма! Телеграмма была подписана епископом Нанси.

"Крайне удивлены тем, что доверие не оправдалось. Тчк. Сожалею о скандалах. Тчк. Желаем как можно скорее увидеться с вами. Тчк."

Маркиз насмешливо улыбнулся, подумал: "Да уж, это меньше всего напоминает поздравления с успехом!" И спросил:

— В котором часу уходит первый поезд на Нанси?

— В восемь пятнадцать, господин маркиз. А автобус — в половине восьмого.

— Поеду автобусом. Приготовьте, пожалуйста, счет и не забудьте меня разбудить вовремя.

— Господин маркиз покидает нас так скоро! Какая жалость! — простонала мадам Копф.

— С вашего позволения, господин маркиз, — приятно улыбаясь, заметил Ажен, — если вы уедете из Мортфона завтра утром, то у вас остается не так уж много времени на то, чтобы найти Золотую Руку!

— Да что вы? Да, действительно! Что ж, придется смириться с неизбежным... Кстати о Золотой Руке, мсье Копф... Я подумал, что не успею проститься с Каппелем, так, будьте добры, передайте ему от меня вот это. Это единственный в своем роде прибор, помогающий отыскать сокровища. — Он выложил на стойку свой детектор.

На следующее утро маркиза, уже поставившего ногу на ступеньку автобуса, перехватил учитель.

— Как? Не может быть, господин маркиз! Ведь вы же не уезжаете, господин маркиз, не уезжаете, да? Или уезжаете? В самом деле?

— В гостях хорошо, а дома лучше, дорогой мсье Виллар! — загадочно ответил маркиз.

— Ах, как мне жаль, господин маркиз! Как я расстроен, как огорчен! — Не зная, что добавить, учитель минутку подумал, потом спросил не без иронии: — А реликвия? Знаменитая Золотая Рука? Как я понимаю, вы отказались от мысли найти ее!

— Отказался? — воскликнул маркиз. — Вы думаете, я отказался? Ну, так вы плохо меня знаете! — Он похлопал по своему чемодану и таинственно прошептал: — Спроси Пастушью Звезду!.. Ха! Многие люди до меня мечтали спросить ее. Но ведь надо уметь говорить со звездами!.. Я нашел ее, эту Золотую Руку! Я ее откопал! Она там, в моем чемодане!

Учитель разразился гомерическим хохотом.

В это время мимо проходил господин Нуаргутт. Он низко поклонился маркизу, но тот даже не приподнял шляпы.

Судя по выражению лица епископа в тот момент, когда к нему вошел маркиз де Санта-Клаус, от почтенного прелата можно было ожидать чего угодно, только не комплиментов.

— Не хочу сказать ничего такого, что обидело бы вас, мэтр Лепик, — начал священнослужитель, — но не могу скрыть от вас глубочайшего и горестного удивления, вызванного результатами вашей деятельности в Мортфоне в течение двух последних недель. Полученные мною известия совершенно катастрофические. Мы так рассчитывали на то, что вы помешаете украсть бриллианты, а их все-таки украли...

— Прошу вашего разрешения уточнить, — холодно перебил епископа адвокат. — Там была не одна кража, а две. Бриллианты были украдены дважды.

Прелат нахмурил брови. Если гость позволил себе пошутить, то шутка получилась совсем не в его вкусе.

— Хорошо, пусть так, — продолжал он. — Мы еще вернемся к этому. А пока я хочу все-таки выразить вам свое разочарование. Вам было ясно сказано: "Главное — никаких скандалов". А что произошло на самом деле? Скандал за скандалом! Хуже того: совершено преступление!

— С вашего позволения, — еще более холодно перебил его во второй раз адвокат, — я хочу внести новое уточнение: было совершено не одно убийство, а два.

На этот раз епископ вздрогнул. Нет, это уж слишком!

— Мсье! — воскликнул он возмущенно. — Мсье!..

Лепик вытащил из-за кресла, в котором сидел, свой чемодан с наклейками, откинул крышку. В чемодане лежало белье, две-три книжки, блокнот, связка каких-то хитрых, больше похожих на отмычки, ключей, электрический фонарик, два револьвера и несколько завернутых в бумагу неизвестных предметов.

Бывший маркиз развернул один из этих предметов, потом другой... Это оказались крупные драгоценные камни. Лепик выложил оба на стол перед изумленным и растерянным прелатом.

— Вот бриллианты, которые прежде украшали раку с мощами Святого Николая, ваше преосвященство, — объяснил он. — Подлинные. Я получил их из рук того, кто совершил первую кражу. В общем, речь шла о добровольном возврате, и я поклялся сохранить все в тайне.

Епископ протянул руку благословляющим жестом.

— Прошу вас забыть все обвинения, которые я только что предъявил вам. Мы не станем настаивать на том, чтобы вы открыли секрет, который поклялись сохранить. Эти камни были похищены у Церкви, ей они и будут возвращены. Не будем больше говорить об этом.

— Нет, ваше преосвященство, нам придется еще немножко об этом поговорить, потому что я наметнул вам на то, что были совершены две кражи, и первая проливает свет на вторую. Первая кража была совершена 24 декабря в половине одиннадцатого вечера. Для того, чтобы совершить ее, вор переоделся Дедом Морозом.

Но не он один охотился за бриллиантами. Вторая кража была совершена немного позже и тоже благодаря переодеванию. Это оказался, — по крайней мере, так мне представляется — в принципе, единственный способ избежать взлома или агрессии. Вскоре после окончания полночной мессы "стражники Святого Николая" увидели, как из ризницы выходит одетый в сутану священник и как он проходит за алтарем. У священника была длинная темная борода. По росту и внешности "стражники" опознали в нем аббата Фюша. Но это был не аббат

Фюш. Он в то время больной лежал в своей постели. Спрятавшись за алтарем, на котором была выставлена рака, человек, переодетый священником, разогнул золотые лапки, которыми были прикреплены фальшивые бриллианты, а ими, позволю себе напомнить, были заменены подлинные за два с половиной часа до того человеком, переодетым Дедом Морозом.

— Какая странная ситуация, мэтр Лепик! — прошептал епископ. — Но у меня возник один вопрос. Я понимаю, как переодетый священником человек мог похитить и заменить один камень — тот, что находился сзади, но тот, что находился на лицевой части раки, обращенной к "стражникам", — как можно было украсть его?

— Очень просто. Повернув к себе раку другой стороной.

— Да, конечно. Но как можно было вращать раку на глазах у охранников? "Стражники Святого Николая" должны были этому помешать!

— По одной простой причине: никто ничего не заметил, ваше преосвященство.

— Нет, никак не могу взять в толк! Вы хотите сказать, что "стражники" спали?

— Ничего подобного, ваше преосвященство! Они глаз не сомкнули всю ночь. Тем не менее, у похитителя была возможность делать все, что угодно, на протяжении, правда, очень недолгого времени.

Епископ открыл рот, но не произнес ни слова. А адвокат продолжил свой рассказ.

— Есть в Мортфоне один учитель, который кажется мне превосходным человеком, вот только иногда его взгляды...

— Вы имеете в виду мсье Виллара? Да, я в курсе дела. На каждый религиозный праздник он отвечает шумным исполнением "Походной песни"...

— Совершенно верно, ваше преосвященство. И второй вор это знал. Он отлично понимал, что гром духовых инструментов на площади неизбежно на минуту привлечет внимание "стражников", хотя они давно должны были привыкнуть к музыкальным упражнениям учителя... Вот в эти-то несколько секунд предвиденного и ожидаемого невнимания "стражников" и можно было повернуть раку.

— Поистине макиавеллиева хитрость! — воскликнул прелат. — Ужасающая изобретательность и предусмотрительность!

— Согласен с вами, ваше преосвященство.

— Но преступления, эти два преступления, два убийства, о которых вы говорили...

— Сейчас поговорим о них, — ответил Лепик. — Сначала рассмотрим первое убийство — убийство незнакомца, которого из-за его внешнего вида весь город прозвал "немцем"...

Находясь в темном зале мэрии наедине с трупом, я прогулялся лучом электрического фонарика по его черепу. Волосы незнакомца оказались острижены так коротко, что сквозь них просвечивала белая кожа. Так вот, пристально разглядывая эту почти наголо остриженную голову, я заметил на темени кружок чуть более темного, коричневатого цвета. Сначала мне показалось странным и необъяснимым, как это никто до меня не разглядел его. Но потом я понял, что этот коричневатый кружок настолько мало отличался по цвету от остальной кожи, что мог ускользнуть даже от внимательных наблюдателей. И ясно виден он стал только при определенных обстоятельствах: в полной темноте вокруг и при ярком свете фонарика.

— Тонзура! Это был священник! — задыхавшись от волнения, прошептал епископ.

— Да, монсеньёр. Священник. Священник, которого постригли под машинку, чтобы скрыть тонзуру на голове. И этот убитый незнакомец был на самом деле самым известным в городе человеком. Все — от самых маленьких детей до почтенных отцов семейств — знали его. Всякий, кто испуганными глазами вглядывался тогда в черты “немца”, знал. Но не мог себе представить, что перед ним лежит тот, кто крестил и венчал весь город, — аббат Жером Фюш!

— Аббат Фюш! Убитый! Задушенный! О! — бормотал потрясенный епископ.

— Понимаете, все это дело — сплошная цепь подмен. Нечто вроде трагического варианта “Комедии ошибок”... И знаете, что самое удивительное? Полицейские арестовали доктора Рикоме. Но он арестован за преступление, которого не совершал!

— Не совершал?!

— Нет, монсеньёр. Рикоме вовсе не был убийцей аббата Фюша. Это его сообщник задушил священника. В час ночи 25 декабря этот сообщник, который к тому времени уже несколько дней скрывался у доктора, надел на себя сутану и пришел в церковь. Он изъяс камни — напомним: фальшивые, потом зашел в ризницу, но там внезапно оказался лицом к лицу с настоящим аббатом Фюшем, вышедшим из своего дома раньше, чем предполагал похититель. Истинный священник сразу понял, что дело неладно, и хотел позвать на помощь. Тогда вор схватил его за горло.

Потом он оттащил свою жертву в сад и сообщил о “несчастном случае” доктору Рикоме, который стоял на часах. Они вдвоем отнесли труп в дом врача.

Что теперь нужно было предпринять убийце? Естественно, надо было бежать! Но каким образом? Пешком? Безумие! В автомобиле? Финансовая ситуация честолюбивого, но чрезвычайно мало зарабатывавшего доктора Рикоме была такой плачевной, что он долгие годы не мог позволить себе эту роскошь: купить автомобиль. Преступники были в отчаянии.

Но тут Рикоме кое-что сообразил. “Главное — выиграть время!” — подумал он. Они постригли машинкой голову убитого священника, сбрили его бороду, раздели, надели на несчастного одежду убийцы и, закончив эту гнусную работу, положили труп у входа в подzemелье — там, где его довольно скоро и нашли. Тогда же они решили, что убийца сыграет в доме аббата Фюша его роль: ризничий страдает сильной близорукостью, подмена не будет обнаружена. Впрочем, они надеялись, что мучиться им так и так долго не придется: они нашли верное средство избавиться от забот. Фальшивый священник симулирует сердечный приступ, доктор вызывает к нему по телефону карету “Скорой помощи”, а там уж...

“Скорая помощь”! Вот это была гениальная находка! По крайней мере, доктор Рикоме был уверен, что гениальная. Еще бы: разве придумаешь более верное средство для того, чтобы вор и убийца, у которого земля горела под ногами, мог спокойно покинуть Мортфон?

Но доктор не предусмотрел, да и не мог предусмотреть одного: внезапно началась метель, за ней — ураган. Снег валился с неба чуть ли не ведрами, ветер вырывал с корнями деревья, по дорогам невозможно было проехать. Мортфон оказался заблокированным. Никто туда не смог бы попасть! Ни карета “Скорой помощи”. Ни полицейские. Никто. Хотя... Все в этом мире относительно... Одному-то удалось...

— Одному?

— Не имеет значения! Вернемся к нашей истории: итак, бегство стало невозможным...

На рассвете следующего дня мы узнали о том, что господин аббат Фюш только что скончался после очередного сердечного приступа. Почти сразу же были обнаружены засунутые доктором в потайное отделение молитвенной скамеечки бутылки мирабелевой настойки. Прямо скажем, довольно крепкого напитка. Вот только в тот момент, когда доктор Рикоме застал меня в темном зале мэрии, он понял, что все пропало. Он же не мог не понять, что, прогуливаясь лучом фонарика по лысой голове задушенного незнакомца, я непременно обнаружу тонзуру. А отсюда недалеко до вывода, что псевдо-немец был на самом деле католическим аббатом... Но если он был аббатом, значит, это Фюш, а кто тогда поκειται в доме священника и что думать об этом сердечном приступе? Точнее, о болезни, которой страдал кюре и которая якобы свела его в могилу... Если эта болезнь была воображаемой, доктору это было известно: ведь он сам ставил диагноз. В таком случае, что скрывается за этой второй смертью, если не новое преступление? И кто мог совершить это второе убийство, если не доктор Рикоме?

Я отправился в дом священника и внимательно изучил безымянный палец левой руки покойника в сутане. Нижняя фаланга чуть припухла. Это был след от обручального кольца, которое носили много лет...

— Два пункта мне остаются еще не ясными, — сказал епископ. — Эта красная шуба Деда Мороза на плечах аббата Фюша... Зачем ее на него надели?

— Проще некуда! Сразу же после того, как было совершено первое преступление, воры поняли, что их самих обворовали. Что делать? Они рассчитали так: если на трупе заgrimированного под "немца" аббата обнаружат шубу Деда Мороза, то в сознании общества — и не без оснований — установится связь между этой смертью и кражей бриллиантов. Если полиции удастся установить личность первого вора, она обязательно обвинит его в том, что он действовал вместе с сообщником и убил того, как только дело было сделано. А благодаря этому истинные преступники — Рикоме и его сообщник — окажутся в полной безопасности. Они-то тут ни при чем.

— Весьма справедливое суждение. Мудрость, с которой вы распутали эту гнусную интригу, представляется мне выше всяких похвал.

Лепик скромно поклонился.

— То, что я сейчас сказал, — чуть более смущенно продолжал почтенный прелат, — позволяет мне с большей легкостью задать вам еще один конкретный вопрос. Ваша деятельность оказалась весьма эффективной, но почему — такой запоздалой? Что вы-то сами делали с половины одиннадцатого вечера 24 декабря до часа ночи 25 декабря?

— Спал, ваше преосвященство!

— Вы шутите?

— Ни в малейшей степени. Дело в том, что ризничий Блез Каппель, ничего не зная об истинных причинах моего приезда в Мортфон и принимая меня за человека весьма опасного, немало способствовал тому, чтобы усыпить меня, угостив хорошенько ударом ходули по лбу. Впрочем, он повторил то же самое и на следующий день. Должен признаться, это самый странный способ использования ходуль из всех мне известных!

Проспер Лепик вышел от епископа. Викарий в приемной неприметным движением протянул ему конверт, адвокат столь же неприметным движением засунул конверт поглубже в карман. И вдруг попросил викария проводить его обратно к прелату.

— Ваше преосвященство, я проявил непростительную рассеянность! Лепик открыл чемодан, вынул оттуда продолговатый сверток и развернул его. Епископ вскрикнул.

— Да, это Золотая Рука короля Рене, которую я забыл отдать вам, ваше преосвященство! Уникальное произведение искусства! И весьма ценное, не правда ли? Думаю, стоит не меньше миллиона франков?

— Вы нашли ее... Вам это удалось... Значит, это не сказки, это правда... — лепетал взволнованный до потери дыхания прелат. — Но где же она была спрятана?

— На улице Атр, в Мортфоне.

— Но как вам пришло в голову там ее искать?

— Просто последовал совету ризничего времен Революции: "Спроси Пастушью Звезду..." Господи, каким же странным показался мне сначала ответ звезды! Звезда сказала мне: "Жил некогда один славный малый, он был ризничим, но не знал в совершенстве даже своего родного языка..." Смехотворно!

Почтенный прелат в недоумении смотрел на маркиза.

— Я начал что-то понимать в тот день, когда рылся в архивах барона де ла Фая. Там я нашел очень-очень древний план города Мортфона. План, где названия улиц были написаны на старофранцузском. Мой взгляд упал на улицу Астр... И это меня удивило: к тому времени я уже знал, что улицы с таким названием в городке нет. Но, немножко подумав, сообразил, что пишется-то "Астр", а говорится-то "Атр", потому что в старофранцузском перед "т" почти всегда писали "с"... Помните композитора времен Великой Революции Шарля-Симона Кателя? Так вот, его фамилия в ту эпоху тоже писалась как "Кастель"... Тут все стало ясно: когда-то сменили табличку, и в соответствии с правилами современного языка название улицы стало одинаковым и при письме, и в устной речи. Астр... Астра... "Звезда" — вы-то ведь знаете латынь? Следовательно, "спроси звезду" надо перевести как "ищи на улице Атр"... Я чувствовал, что попал на след. Но — почему Пастушью? При чем тут Венера, ведь это ее называют Пастушьей звездой? Или дело просто в пастухе? Но кто этот пастух и какое отношение он имеет к улице Атр? Пастуха явно не хватало, и я никак не мог найти его. Даже пытался искать в окрестных стадах... Ничего похожего! Ничего — до тех пор, пока я не стал дом за домом внимательно осматривать улицу Атр. Там я обратил внимание на полуразрушенное строение. Расспросил прохожих... это оказалась старинная овчарня. На этот раз я попал в точку. Как правило, овец без пастухов не бывает. Значит, надо искать здесь. Ведь в колдовской книге было ясно написано и про звезду, и про пастуха... Остальное уже было просто на уровне детской игры!

Каким бы хладнокровным и бесстрастным ни был епископ Жибель, тут присутствие духа его покинуло. Сообщение о двух кражах и двух убийствах там, где он предполагал всего одну кражу и одно убийство, не смогло выбить его из седла. Зато явление фантастической Золотой Руки с россыпью сверкающих драгоценных камней его совершенно ослепило. Мысли в голове прелата стали путаться, глаза заволокло туманом неслыханной густоты, сквозь который он различал сияние древней реликвии, похожее на сияние сказочной звезды, и только за этим сиянием — как во сне — он с трудом различал черты человека с черными волосами и желтыми глазами ночной птицы, человека, склонившегося перед ним в глубоком поклоне. А человек поцеловал епископский перстень и исчез...

На Станиславской площади Проспер Лепик открыл конверт, переданный ему викарием. Там, в конверте, лежал чек банка "Лионский Кредит" на десять тысяч франков. Адвокат с весьма беспечным видом направился к банку, где его поджидал незнакомый священник.

— Меня послал монсеньёр Жибель. В чеке, который он передал вам, не все в порядке. Ошибочка вышла.

— Вы меня удивляете! Я не заметил никакой ошибочки!

Священник улыбнулся и покачал головой.

— Есть, есть там ошибочка... Его преосвященство просит вас принять взамен того вот этот чек.

Во втором чеке была обозначена совершенно другая сумма: сто тысяч франков.

— Отлично, — просто сказал Проспер Лепик.

Все это произошло два года назад.

Доктор Рикоме, благодаря красноречию мэтра Проспера Лепика, сохранил голову на плечах. Сейчас он лечит больных в Сен-Лоран-дю-Марони, искупая трудом праведным свою вину и раскаиваясь в непомерных амбициях. На суде было установлено, что сообщником доктора был его родной брат.

Украденные и возвращенные бароном бриллианты снова заняли свои места на раке с мощами Святого Николая. Их с огромной радостью и гордостью вставил в золотые лапки не кто иной, как ювелир Макс Тюрнер. Но в сейфе мортфонской ризницы хранится теперь еще одна бесценная реликвия: знаменитая Золотая Рука короля Рене. Монсеньёр Жибель пожелал, чтобы она находилась в том самом городке, где пролежала больше ста пятидесяти лет спрятанной в тиши подвала до того момента, как была обнаружена при обстоятельствах, о которых мы вам уже рассказали. И теперь весь город охраняет свое чудо.

Чтобы увидеть Руку, следует обратиться к мяснику Матиасу Ажену, который нынче помогает ризничему Блезу Каппелю, почти совсем потерявшему зрение, исполнять его обязанности.

В ризнице установили новый сейф с современной сигнализацией. За то, чтобы посмотреть на Золотую Руку, надо заплатить один франк. Зато совершенно бесплатно можно увидеть на улице Атр углубление в стене подвала, где Проспер Лепик обнаружил реликвию.

Гаспар Корнюсс по-прежнему печатает в своей лаборатории фотографии и почтовые открытки и по-прежнему каждый год, вечером 24 декабря, облачается в красную шубу Деда Мороза и обходит город, дом за домом. Но память его все слабеет... Копф с женой по-прежнему содержат гостиницу с рестораном "У Святого Николая". Мсье Виллар окончательно ушел в политику. Господин Нуаргутт подцепил хроническую желтуху, но не желает лечиться, Вирекур потихоньку сообщает всем желающим, что никакая это не желтуха, просто желчь разлилась от всегда дурного настроения.

В замке барона де ла Фая два раза в неделю, по четвергам и воскресеньям, устраиваются замечательные праздники. Детские праздники. Барон приказал изготовить чудесный кукольный театр, и ремесленники Мортфона сами сделали для него всех персонажей. Ребятишки толпами валят в замок.

Молодая мадам де ла Фай, которую местным жителям очень трудно отвыкнуть называть так, как называли много-много лет — Золушкой, после представлений спускается с мальчиками и девочками в сад. И, когда дети наиграются, приходит пора очередной сказки.

Золушка усаживается на траву и начинает:

— В некотором царстве, в некотором государстве жил-был когда-то...

Перевод с французского **Натали ВАСИЛЬКОВОЙ.**

Пассажир

Иосиф ГОЛЬМАН

Можно ли остаться молодым в 80 лет? В переносном смысле, иногда — да. А в прямом? Как ни странно, тоже — да. Правда, только в том случае, если речь идет о нашей любимой “Смене”. Вот уж кого возраст только украшает: к традиционно хорошему содержанию теперь пришла и современная форма. Желаем успеха нашему журналу, нашему — навсегда!

1

Небольшие, желтоватого оттенка глаза, с различимыми даже с пяти шагов черными зловещими зрачками, спокойно взирали на Глеба.

Собака — если это была собака, уж очень походила на некрупного волка — не рычала, не обнажала явно имевшиеся серьезные клыки. Короче, не делала ничего, с чем человек обычно связывает нежелательную встречу с этими якобы одомашненными животными. Просто стояла на грязноватом снегу и смотрела на конкретно опаздывающего Железнова. И было совершенно очевидно, что пропускать его она не собирается.

Глупейшая ситуация!

Глеб взглянул на часы. Регистрация уже идет вовсю: дорогое изделие швейцарских мастеров не давало шанса на неучтенные временные резервы.

— Ну, что тебе надо? — со злостью произнес он, впрочем, благоразумно ничего не предпринимая. — Нету у меня с собой колбасы, понял?

Животное преградило ему дорогу на полпути от платной стоянки, где он оставил свой “спортедж”, к зданию аэропорта. Железнов терпеть не мог опаздывать, особенно — на транспорт, и, как всегда, приехал с запасом. Но — десять минут на трассе, на замену проколотого колеса, еще минут семь — на стоянке, и теперь вот этот пес-волк, небольшой, грязно-серый, однако с крайне неприятными, прямо в душу заглядывавшими желтыми глазами. Короче, опоздать — не опоздает, но вот выбрать место на борту, — а некурящий и жадный до зрелищ Глеб любил летать исключительно в носовом салоне и у окна, — может оказаться проблематичным.

— Так и будем стоять? — укорил животное Железнов.

Животное разговор не поддержало, лишь задыхало часто, несмотря на зимнюю пору, и на секунду вывалило наружу язык. Так псы охлаждаются при перегреве, хотя при минус десяти какой может быть у собаки перегрев?

Высунуло — и спрятало. Но и этого было достаточно, чтобы Глеб убедился: зубы хоть и с налетом, однако его модное кожаное пальто при желании легко превратят в сито.

Вот же дурацкое положение!

СОШЕЛ

Охоты связываться со странным псом не было никакой. Да и неясное, смутное воспоминание, каким-то образом связанное с происходящим, не расшифровываясь, тревожило Железнова.

Глеб снова посмотрел на хронометр. Так можно и не улететь.

— Уйдешь ты или нет? — разозлился он, ища глазами какую-нибудь подходящую дубину.

Но решительных действий не понадобилось: на пустынной обычно тропке появились еще четверо — стройные подтянутые мужчины в летной форме гражданских пилотов. Тоже, наверное, оставили свои машины на стоянке.

Пес, не дожидаясь подхода людей, чуть приподнял на прощание губу, вновь обнажив клыки, и сошел с дорожки, освобождая путь.

“Вот же чертовщина какая!” — выругался про себя Железнов, быстрым шагом направляясь к зоне регистрации. Вымогателей он в своей жизни встречал, но даже тогда не чувствовал себя столь беспомощным. Второй причиной для раздражения было то, что он так и не вспомнил, какие обстоятельства его жизни были ассоциативно связаны с этим пригородным четвероногим рэкетиром.

2

Так и есть, место выбирать уже не пришлось. Хорошо, что вообще успел до конца регистрации, а то бы бегал, как заяц, подгоняемый окликами “наземной” стюардессы. Да и в салон заходить, под взглядами заждавшихся пассажиров, неприятно, если, конечно, совесть не потеряна.

Сება Глеб считал человеком с совестью, хотя и не видел в этом никаких прагматических резонов.

Вложив посадочный талон и билет в паспорт, аккуратно сунул документ в нагрудный карман, чтобы был под рукой.

Далее — следовало расслабиться и не раздражаться от всех этих бесконечных “пройдите-постойте-подождите”.

Расслабиться в полной мере не удалось: сначала двадцать минут продержали в промерзлом накопителе, потом и вовсе вывели на улицу, где еще минут семь ждали автобус.

Народу было немного. Глеб даже решил, что автобус уже сделал рейс до этого. Оказалось — нет. Ехали, кстати, минуту — лайнер, посвистывавший двигателями и изрядно насмердивший продуктами сгорания, стоял совсем рядом. Гораздо дольше ждали стюардессу, запустившую окончательно подмерзший народ на ступеньки трапа. Зато проникнув внутрь клепаного дюралевого кокона, Железнов сразу понял, что самолет не заполнен и на треть.

Поэтому он не стал проходить на обозначенное в посадочном талоне место, а попросил у “начальницы трапа”, тоже поднявшейся в самолет, переселить его вперед, и если удастся — то к иллюминатору.

— Садитесь на свое место, гражданин, — с плохо скрываемой скукой ответила рыхлолицая "девушка", лучшие годы которой прошли еще во времена, когда под словом "Аэрофлот" подразумевалась вся гражданская авиация страны.

— Но полно же свободных мест! — возмутился Глеб.

— А вот это не ваше дело, — откровенно грубо заявила дама.

Железнов вспыхнул. В конце концов, он столько налетал по этому маршруту, что имеет право постоять за свои поправленные интересы.

— Я бы на вашем месте сменил тон, — с угрозой заметил он. — Ваш тон устарел минимум лет на пятнадцать.

"Небесная" дама хмыкнула и демонстративно удалилась в крохотное служебное помещение. Зато в дело вступила вторая, моложе, симпатичнее и, как выяснилось, вежливее.

— А я вас помню, — улыбнулась темненькая стройная девчонка в ладно сидящей форме. Глеб тоже вспомнил ее, не раз видел в полетах. — Не обижайтесь на нее, ладно? — перешла на шепот стюардесса. — Муж ушел, ребенок больной. Я вас чуть позже пересажу, а взлетим вместе, хотите?

— Как — вместе? — удивился Железнов.

— Мое место на взлете по расписанию тоже сзади. А наберем высоту — я вас пересажу.

— Хорошо, — отходя, согласился Железнов. Не так уж и нужен ему иллюминатор. А девчонка, наоборот, вполне симпатична. Не то чтобы Глебу захотелось пофлиртовать — просто для нормального мужика присутствие такой симпатяги всегда приятно. А Железнов был нормальным мужиком.

Он бросил косой взгляд на обтянутые светлыми колготками девчонкины колени и остался удовлетворен увиденным.

Сколько Глеб ни летает, а взлет все равно волнует. Ну, не перестает его удивлять, как это получается, что столько тонн алюминия, керосина и человеческой плоти вдруг опираются на эфемерный закон Бернулли и взмывают-таки в небеса, наперекор гораздо менее виртуальному закону всемирного тяготения.

— А вы в "нефтянке" работаете? — улыбнулась девушка, честно пытаясь заглядывать хамство старшей подруги.

— Да. А как вы догадались?

— Часто в наши края летаете, — засмеялась стюардесса. — А там, кроме нефти и клюквы, мало что водится. Вы ведь не за клюквой?

— Нет, — согласился Глеб. — Хотя по болотам поползать пришлось.

— Что будет с нашими краями, когда нефть кончится? — неожиданно серьезно спросила девушка.

Глеба, озадаченный поворотом беседы, не успел ответить, как лайнер, скрипнув какими-то своими железками, в прямом смысле сорвался с тормозов и, непрерывно ускоряясь, помчался по бетонным плитам "взлетки". Он начал едва заметно подсакивать на неровностях, как разбегающийся аист. Потом всерьез задрал нос вверх, оторвал от плит сначала пару передних, а за ним и многочисленные колеса подкрыльевого шасси.

— Вот и все, — сказала девушка и поправила свою темно-каштановую челку. — Уже, можно сказать, летим.

Движки выли вовсю, нос круто задрался вверх, лайнер стремительно набирал высоту.

— Ваш командир, случайно, не бывший истребитель? — спросил Глеб.

— Анатолий Максимыч Зайцев — очень опытный пилот, — обиделась за шефа стюардесса. — Первого класса, между прочим.

— Может, конечно, и первого, — хмыкнул Железнов, — но уж слишком круто берет. По мне, так лучший пилот в “гражданке” тот, чью работу пассажир не замечает.

Двигатели взвыли еще сильнее и...

Железнов явственно почувствовал хлопки — сидели-то практически “на моторах”... У него от испуга чуть сердце не остановилось. Человек с его образованием мог представить себе механизм срыва потока на входе реактивного двигателя из-за запредельного, нерасчетного угла натекания.

“Да нет, не может быть! — успокоил сам себя Глеб. — Пилот — не самоубийца, да и положение закрылков, если не изменяет память, обязательно контролируется автоматикой”.

— Вы тоже слышали? — спросила побледневшая стюардесса.

В салоне мгновенно наступила тишина, нарушаемая лишь неким посвистыванием.

— Что же это? — всхлинула она.

— Помпаж, — сказал Железнов, чувствуя, как душа уходит куда-то внутрь живота. Если б не испуганная девица рядом, то сам взвыл бы от страха. — Сейчас попытается запустить снова.

Лайнер опустил нос, по-прежнему идя ровно, без крена. Из первого салона донеслись испуганные крики пассажиров. Трудно не испугаться, когда в полете замолкают двигатели.

А вот Железнов внезапно успокоился. Значит, судьба.

К тому же вспомнил, где раньше видел встреченные меньше часа назад желтые, опасные глаза. Как же он сразу не догадался? Видно, от того, что в свое время очень старался забыть...

— Как тебя зовут? — крикнул он стюардессе, ввапшей в оцепенение.

— Тоня, — очнувшись, ответила та. По щекам, оставляя грязные серые полоски, текли слезы пополам с тушью.

— Тонечка, подтяни ремень, подожми колени, пригнись и держись за подлокотники. Высота небольшая. Если он плюхнет на ровный киль, у нас есть шансы.

— Можно, я за вас буду держаться? — прошептала она.

— Можно, — согласился Глеб.

Девушка больно схватила его выше локтя и закрыла глаза. Железнов — тоже. Теперь самолет терял высоту стремительно, но на рули, похоже, еще отзывался.

“Запускайте же движки!” — мысленно умолял Железнов то ли пилота первого класса Анатолия Максимовича Зайцева, то ли того, к кому в подобные минуты обращаются даже самые убежденные атеисты.

И моторы взвыли.

А следом раздался грохот.

3

Очнулся Глеб в снегу.

Открыл глаза. Вокруг был такой же серый январский день.

Он лежал среди молоденьких, явно высаженных человеком, елочек, одну из них подмяв своим телом.

— Я живой, — вслух произнес Железнов, не ощутив при этом никаких эмоций. Просто отметил факт. Затем пошевелил правой рукой, поднял ее — рука была целая. Пошевелил ногами. Ощупал тело.

“Я цел. — Глеб вновь закрыл глаза. — Я выжил”.

Он бы еще так полежал. Тихо и бездумно. Но вдруг справа начало подпекать. Почуввав сильный запах гари, Глеб вскочил на ноги и тут же застонал от боли.

Пару ребер он снес точно — боль была знакома по институтским занятиям боксом. А еще, видимо, много ушибов и царапин.

Однако теперь его больше занимало другое.

Справа, на расстоянии буквально семи-восьми метров, разгоралась какая-то большая самолетная деталь, похоже — искореженный фрагмент салона. Воняло сгоревшим керосином, резиной и почему-то — жареным мясом.

Железнов вдруг с ужасом понял — почему.

Хромая, он отковылял от горящего обломка на безопасное расстояние и огляделся.

Он стоял на верхушке небольшого холма, скорее, даже пригорка, со всех сторон засаженного елочками меньше человеческого роста.

По одну сторону пологого холма валялся огромный, оторванный с куском фюзеляжа, хвост самолета, нелепо смотрящийся среди ельника. Неподалеку лежал сорвавшийся с креплений двигатель. Все это дымилось.

А вот по другую сторону — лучше бы не смотреть. Там разливалось огненное море, и, похоже, с каждой секундой оно становилось ярче и жарче. Со стороны развалившихся и горевших останков основной части фюзеляжа один за другим прогремели два взрыва. Там точно искать нечего.

Глеб пошел, продавливая наст и по колено проваливаясь в снег, в обратную сторону, старательно обходя крупные дымящиеся куски самолетной обшивки. Пройдя метров сто и ничего не обнаружив, вернулся к хвосту. Взяв место его падения за реперную точку, вновь пошел расходящейся спиралью, не переходя, впрочем, вершины пригорка. Даже смотреть в ту сторону было страшно.

“Тоня! — вдруг подумал Глеб. — Может, ей повезло, как и ему. Может, она еще жива”.

И он нашел ее!

Тоня лежала в довольно глубоком сугробе, пробив снег почти насквозь. Сугроб спас ей жизнь, снизив силу удара. Но он же и замаскировал ее так, что, если бы не Глеб, нашли бы ее обглоданный лисами скелет только весной.

Девушка была без сознания, однако даже поверхностный осмотр показал, что ее повреждения существенно серьезнее, чем у Железнова, хотя и у того сломанные ребра на вдохе чертовски болели.

Ничего, главное — жива, и даже довольно ровно дышит.

Вспомнив все, что знал, Глеб зашинуировал ей сломанную, неестественно вывернутую в локте руку, благо сухих палок валялось достаточно. Вместо бинта сошел его длинный шелковый шарф, подарок Тамары по случаю тринадцатилетия их свадьбы.

Тамара привезла его из Парижа, и даже Глеб, обычно равнодушный к тряпкам, восхитился: настолько изящна и элегантна была эта вещица. Впрочем, будь она хоть шедевром “от кутюр”, свой звездный час эта бутиковая штучка пережила все-таки здесь, в заснеженном подмосковном лесу, спасая руку девочке, только что свалившейся с неба.

Лишь после этого Глеб занялся приведением Тони в чувство.

Она застонала, открыла глаза и долго соображала, что к чему.

— Мы живы, — наконец улыбнулась Тоня.

— Несомненно, — подтвердил стоявший возле нее на коленях Глеб.

Тоня вдруг разглядела, что это за дым валит из-за вершинки, и тихо спросила:

— Все... там?

— Все, — так же тихо подтвердил Глеб. И пассажиры, и хамоватая тетка, без мужа, но с больным ребенком. И Анатолий Максимович Зайцев тоже. Единственный из всех, кто вряд ли хотел бы выжить после всего случившегося. А может, он и не виноват вовсе. Найдут "черные ящики", вскроют ленты самописцев — разберутся.

Но их, Глеба и Тоню, это уже не касается. Потому что если сейчас войти в положение тех, за вершинкой, легко можно спятить.

— Поехали, девочка, — принял решение Железнов.

— Куда?

— К людям, — объяснил Глеб, стараясь так поднять ее на руки, чтобы не причинить особой боли ни ей, ни себе.

Шли долго. А, может, так показалось уставшему раненому Глебу? Наконец вышли к асфальту. Не трасса, конечно, однако — раз асфальт положен, значит, это кому-то нужно.

Первым показался серо-голубой "Москвиченок", пикап. Изнемогая от усталости, Глеб сделал шаг к середине дороги. Пикап старательно объехал странную пару и, обдав недавних авиапассажиров вонючим выхлопом, умчался.

Следующим показался солидный четырехглазый "мерс".

"Не захочет обшивку пачкать", — почему-то пришло в голову Глебу. Тоня действительно получила много поверхностных порезов, из-за чего руки Железнова были все в крови, как у серийного убийцы.

Но водитель серебристого "мерса" оказался не из пугливых.

— Что случилось, парень? — спросил он, выходя из машины и внимательно поглядывая на руки Глеба.

— Все равно не поверите, — устало произнес Железнов. — Ее зовут Тоня. Ей надо в больницу. Перелом руки. И могут быть внутренние повреждения.

— Давай в салон, — скомандовал водитель.

Глеб как мог осторожно занес девушку в салон и, подогнув ей колени, положил на широкое заднее сиденье. Сам сел рядом с водителем.

"Мерседес" сорвался с места. Не прошло и трех минут, как они оказались... у места падения лайнера!

— О, Господи! — прошептал водитель. — Вы — откуда?

Глеб молча кивнул. Картина бедствия, на фоне которой уже суетились несколько человек, то ли спасателей, то ли мародеров, уже не волновала его.

Остановились у небольшой, видимо, поселковой больницы. Хозяина машины здесь хорошо знали, потому что медбратья и медсестры при виде его засуетились, как муравьи.

Тоню унесли в помещение, Глеб остался на улице, на крохотной площади у столба автобусной остановки.

Через пару минут к столбу лихо подкатила "Газель"-маршрутка. Железнов уже успел вытереть о снег руки и лицо и выглядел почти пристойно. Он открыл дверь, чтобы залезть в салон.

— Мне в Москву, — сказал он водителю.

— Всем в Москву, — усмехнулся тот. — Только придется подождать. Не пустому же ехать.

- Заплачу, как полному.
— Это меняет дело. — Водитель тут же завел двигатель.
— Постой! Ты куда? — с крыльца закричал вышедший на улицу хозяин "мерседеса". — Ты же ранен!
— Я цел, — улыбнулся Железнов. — Лечите Тоню.
— А спасателям что сказать? А ментам? — как-то растерянно спросил тот. — Сейчас же понаедут! Ты ведь — пассажир?
— Пассажир.
— И что я им скажу?
— Скажите — пассажир сошел, — стирая с лица улыбку, ответил Глеб и, усевшись на сиденье, обратился к водителю: — Поехали.

4

Сидя в затрепанном салоне "Газели", в котором ушлый водитель явно поставил лишние кресла, Глеб смотрел в грязное окошко, не замечая пробегавших за ним заснеженных подмосковных красот.

... Вот пилот вывел двигатели на стартовый режим. Вот, мгновенно ускоряясь, понеслись под колеса шершавые плиты бетонки. Вот машина, потряхиваясь и побряхтывая, пошла вверх.

Круто. Очень круто пошла.

Он снова и снова мысленно проигрывал ситуацию, пытаюсь вспомнить свои истинные ощущения. Да. Ушла душа в пятки, это верно. Точнее, не в пятки, а куда-то в низ живота. Однако затопливающей волны паники не было.

Может, потому, что ему особо нечего терять, мелькнула вдруг обидная мыслешка.

Кто поплакал бы о Глебе, достанься ему место поближе к самолетному носу?

Нет, Тамарка, конечно, поплакала бы, ради справедливости уточнил Железнов. Конечно, она его любит. Как к рукам прибрала, так с тех пор и любит без остановки. Грех обижаться: и красива его жена, и умна. А активности хватит на трех Глебов. По крайней мере, его классная работа — ее заслуга, так же как и их классная квартира, машина, дача и тому подобные материальные свидетельства уровня жизни.

Благодаря Томке, он не стал лесником, а поменял глушь на благородно звучащую Остоженку.

Вспомнил о лесе — и потянуло в тайгу. Весеннюю, просыпающуюся, с запахами и звуками, понятными Глебу с детства. Он вдруг отчетливо ощутил мягкое и упругое сопротивление мха на Малой Болотине. Правда, всплывшая картинка получилась скорее осенней. Сплошной ковер из маленьких зеленых растений, никем не воспринимаемых по отдельности, из которого, возвышаясь, торчат большие — сантиметров по десять в диаметре — круглые шляпки черноголовиков. Абсолютно, как следует из названия, черные. На абсолютно белой, крепкой-крепкой, ноге. За ними и ходили на Малую Болотину. Брали несколько мешков, лошадь и затаривались на зиму.

Лошадь, Машка, кстати, тоже не прочь была пожевать чистейшего белка: Раз — и схавала, аккуратно выцепив из зеленой подложки огромными мягкими губищами.

На Большой Болотине грибов было еще больше. Но туда не ходили. Если только Глебов отец покойный. Остальные — боялись.

Не то чтобы Большая Болотина была действительно больше Малой. Однако столько в ней сгнуло людей — и ведь неплохо знавших лесную жизнь! — что стала эта полужидкая недотвердь тем, чем по деревьям пугали озорных ребяташек.

А вот Глеб не боялся. Дважды пересек Большую Болотину по обманной, вконец сгнившей гати. Шел — не боялся. Больше боялся, чтоб друзья не догадались, как это он, выйдя позже них, незамеченный, их обогнал, и чтоб про его походы не узнал отец.

Даже сейчас Железнову, мужчине 36 лет, только что пережившему авиакатастрофу, стало страшновато.

Если б отец узнал, был бы ужас. Огромный, молчаливый, абсолютно седой баба до сих пор внушал изрядно повзрослевшему сыну сильные чувства.

И именно там, около Большой Болотины, он увидел эти острые желтые глаза. Но об этом лучше сейчас не думать. Оставить на потом. На когда-нибудь. Сейчас — лучше не надо.

Микроавтобус уже мчался по трассе, приближаясь к повороту на аэропорт, откуда полтора часа назад столь неудачно стартовал Глеб.

“Может, захватить тачку забрать?” — подумал он. Но тут же отказался от этой мысли. После всего происшедшего сидеть за рулем быстро движущегося предмета не хотелось.

“Потом заберу. Или Томку пошлю”, — решил Железнов.

Водитель “Газели” оказался покладистым малым, и за довольно небольшие деньги довез свежеспасенного Глеба прямо до дома. Въезжать в ворота не стали: дольше объясняться с привратником, чем пройти.

Открыл ключом калитку, зашел в небольшой внутренний двор. Машин, как всегда, было мало: у владельцев места в основном в подземном паркинге стоимостью с хорошую квартиру в новостройке. Глеб не хотел тратить такие деньги, но Томка настояла. В принципе, имеет право. Она и сама со своей посреднической фирмешкой зарабатывает долларов поболее высокооплачиваемого муженька.

Глеб скользнул взглядом по автомобилям и... замер! Вот это да!

Ситуация становилась острой.

Похоже, его начальник, Николай Иванович, которому Глеб был многим обязан, лично прибыл к Тамаре сообщить о гибели мужа. И ведь наверняка уже сообщил! Железнов встретился глазами с протиравшим заднее стекло “лексуса” водителем Петрухой. Тот смотрел на подходившего Железнова именно тем взглядом, которым смотрят на ожившего покойника! Кивнул, что-то беззвучно произнес, и кинулся в машину.

Уже входя в подъезд, Глеб обернулся и увидел, как Петруха тычет большим пальцем в клавиатуру мобильного.

“Не дай Бог, Томка померла!” — вдруг всерьез испугался Железнов. У нее же порок сердца, обычно жить не мешает, но он помнит пару приступов, когда буквально прощался с женой. Поэтому и ребяташек не нажили. Она отказывалась, а он боялся настаивать, не желая стать нечаянной причиной ее гибели.

Но как они быстро узнали! Впрочем, удивляться нечему: связь в их конторе всегда была на высшем уровне — спутниковых телефонов побольше, чем во всей российской армии.

Надо скорее ее успокоить. И не напугать при этом — вот ведь задачка!

Глеб прошел перед окошком консьержа и, не дождавшись шикарного лифта, рванул по лестницам вверх.

Семь этажей для лесного человека, хоть и бывшего, — тьфу! Даже не запыхавшись, вбежал на маленькую лестничную площадку.

Дверь в его квартиру была не закрыта.

На Глеба во второй раз за день пахнуло смертельным холодом.

Замирая от страха, он осторожно зашел в родной дом и, отчего-то стараясь не шуметь, пошел по ковровой дорожке вдоль длинного коридора.

Никто не кричал, не причитал, не плакал. Ну, и — слава Богу.

Может, еще не сказал? Тогда Глеб успел вовремя.

Он хотел свернуть на кухню, — именно там по старой привычке Томка любила принимать гостей, — как вдруг остановился.

Удивленный? Пораженный? Потрясенный?

... Пожалуй, скорее, усталый и обессиленный.

Он стоял в темном коридорчике и судорожно соображал, что делать.

Двустворчатая дверь в большую комнату была открыта, и Глеб отчетливо видел на белом пушистом ковре — сам тащил выбранную Томкой экзотику — две пары неподвижных ног. Одна из них, несомненно, принадлежала Томке. Вторая, несложно догадаться, Николаю Ивановичу, его доброму гению.

Вот почему так напрягся Петруха.

Глеб стоял, не в силах ни сказать что-нибудь, ни даже шевельнуться. И смотрел, смотрел...

Никакой порнографии, кстати, не наблюдалось: взору Железнова были доступны конечности от колен и ниже.

Причем у Томки лишь одна нога была голой, на второй гармошкой болтались наполовину скинутые джинсы и колготки. Ноги его начальника и вовсе были приличным образом прикрыты.

Неприличные образы можно было только додумывать. Зато додумывались они легко.

— Не надо было тебе приезжать, — тихо сказала Томка. Глеб вздрогнул, не сразу сообразив, что это сказано не ему.

— Не переживай. Он уже на подлете, — хохотнул Николай Иванович, что-то невидимо, но старательно делая.

— Не надо было, — повторила она. — Я боюсь, когда так...

— Со мной ничего не бойся, — жестко перебил Николай Иванович, и две пары ног ритмично задвигались.

Еще с минуту Глеб, как зачарованный, постоял на месте, потом медленно развернулся и ушел тем же путем. На выходе все-таки не удержался, хлопнул дверью сильнее, чем хотел, и бегом сбежал по лестнице.

Перейдя улицу, машинально посмотрел на свои окна. Увидел бледное пятно лица за тонированным трехслойным стеклопакетом. Жива, значит, дай Бог ей здоровья. И даже машинально, как каждое утро, помахал ей рукой. Правда, не дождался ответного жеста.

Уже подходя к метро, вытер глаза. Две катастрофы за день — это много.

Жгла обида. Жгли злость и ощущение предательства.

Но повеситься не хотелось.

Может, он просто недостаточно сильно любил свою жену?

5

В метро Железнов не зашел. А куда ехать? Вместо этого бесцельно побрел по улице.

Мысли были спутанные и крутились вокруг двух визуальных центров — огненно-го озера на месте падения основной части фюзеляжа и двух пар ног на длинном белом ворсе ковра.

Внезапно молодой и здоровый организм Глеба потребовал пищи. Внезапно — потому что пару минут назад, всецело поглощенный очередным расковыриванием своей боли, он и думать не мог о еде.

В Москве поесть — не проблема: в пределах видимости было аж два пристойных ресторана и одна смутная забегаловка. Выбрав между ресторанами, Глеб уже шагнул к одному, как вдруг остановился, пораженный простой мыслью. Залез в карман пиджака. Пересчитал бумажки, оставшиеся после расплаты с водителем “Газели”, усмехнулся и решительно направил стопы к забегаловке.

Не такая уж она была и скверная, эта забегаловка. Не сравнить с теми, в которых питался в студенчестве.

Во-первых, чисто. Во-вторых, отсутствует специфический запах, характерный для мест, где пища была только пищей, а вовсе не услодой желудка, тем более — души.

Короче, Глеб попал туда, куда и стремился: в общепит капиталистического периода отечественного развития.

Редкие в это время посетители проходили вдоль никелированного прилавка с блюдами, клали приглянувшееся на старенькие, но чистые пластиковые подносы, и на выходе расплачивались с кассиром. Далее — выбирай столик и набивай живот.

Глеб прошел в дальний угол, присел за столиком и только принялся за винегрет, как почувствовал за спиной чье-то присутствие. Обернулся — сзади стоял мужчина, смущенно державший в одной руке сильно помятую шляпу, в другой — тарелку с недоеденными припасами.

— У вас не занято? — деликатно поинтересовался он. Глеб хотел ответить, что занято — общение не входило в его текущие планы, — но почему-то помедлил. Незваный гость, расценив это как приглашение, мгновенно уселся рядом.

— Паскудная погода, — заговорщицки начал он. Лицо с мелкими красными прожилками растянулось в улыбке. Лет ему было от пятидесяти до восьмидесяти — он еще не опустился полностью, но явно шел по дорожке, ведущей к бомжеванию.

— Да уж, — односложно ответил Железнов, надеясь, что общение все-таки не состоится. Ан не тут-то было.

— Хорошо, что мы пересеклись, — серьезно сказал подсевший мужик и представил: — Меня Антоном зовут. А вас, извините, как?

— Меня — Глеб, — нехотя ответил Железнов.

— Наконец-то русское имя, — заметил сосед, внимательно поглядывая хитрыми глазками на Глеба. — Хотя по мне все едино — русский-нерусский. Был бы человек хороший.

— Ладно тебе, — усмехнулся Глеб. — Хочешь выпить?

— Кто ж не хочет? Только я на мели.

— Считай, что у тебя есть полсотни.

— Отлично! — просиял Антон. — Только не здесь. Бутылку купим в “Продмаге”...

— А разопьем в подворотне?

— Зачем в подворотне? У меня в комнате.

— У тебя есть комната? — с просыпающимся интересом спросил Глеб. До него вдруг дошло, что не только деньги кончаются, но и перспективы с ночевкой пока не вполне ясны — в одной комнате с Томкой он спать больше не будет! Пусть с ней Николай Иванович спит!

“Кстати, — отметил он про себя, — у меня и работы нет”. А это было гораздо серьезнее.

— Конечно, у меня есть комната, — подтвердил Антон. — Раньше и квартира была.

— Пропил?

— Сменял. Три комнаты на две.

— Потом две на одну?

— А зачем мне лишняя жилплощадь? — не стал обижаться Антон. — Одна мо- рока. Комната — в самый раз. Не побрезгуешь — пойдем.

— Может, и пойдем, — тяжело задумался Глеб. Ночевка в "Балчуг-Кемпински" ему сегодня явно не светила.

— А ты чего такой... — не договорил фразы Антон.

— Какой? — улыбнулся Глеб.

— Как с луны свалился.

— Не с луны, конечно, но с километр пролетел, — неизвестно почему честно объяснил Глеб. — Авиакатастрофа. Выжили двое. Приехал домой отлежаться, а жена — с моим начальником. Ничего ситуация?

— Да ты — везунчик! — с нескрываемым восхищением произнес Антон. — Настоящий везунчик! Действительно самолет упал? Это, про который в новостях было? Рядом с аэропортом? Какой же ты везунчик!

— Да что ты все — везунчик, везунчик! — взорвался Железнов. — Ты что, не понял? Самолет упал. Жена — шлюха. Денег нет, работы — нет. В чем везение?

На шум подозрительно обернулась кассирша, но, убедившись, что все в порядке, снова занялась своими делами.

— А я тебе объясню, парень, в чем везение, — спокойно ответил полу- бомж. — Нас всех один раз рожают и один раз хоронят.

— Кто бы мог подумать, — буркнул Глеб.

— Вот ты, как раз, и не думаешь, — укорил Антон и продолжил. — Работу меняют, кто пять раз, кто пятьдесят. Аналогично с бабами, друзьями, квартирами. А вот кто грохнулся с аэроплана, это уже навсегда. А ты вон сидишь, винегрет куша- ешь. Конечно, везунчик!

Сказано это было настолько убежденно, что Глеб и впрямь задумался. Может, действительно, все не так просто? Теперь он почти не сомневался в том, что ему дан какой-то знак. Только надо понять, какой...

Засыпал Глеб в комнате Антона почти в хорошем настроении. Наверное, подействовало спиртное. Так бы и уснул сладко, если б не вспомнился страшный запах горелого мяса там, на поляне, и чертовы ноги на ковре...

Слезы выступили сами собой, и Глеб подумал, что везунчиком он себя сочтет еще не скоро.

6

Поскольку "Балчуг-Кемпински" в его нынешнее финансовое положение и в са- мом деле не вписывался, первые сутки он безвылазно провел в комнатухе у Анто- на Безрукова, бывшего директора крупного московского завода, в свое время не су- мевшего органично влиться ни в новую экономику, ни в рамки бытовых отношений с супругой и дочерью.

Вечером много пили — денег ушло гораздо больше, чем предполагаемая ранее полусотенная. Утром, кстати, тоже пили. И на следующий вечер...

В общей сложности он прожил у Безрукова три дня, причем на третий день экономика их совместного быта переменялась зеркально: у Глеба окончательно иссякли деньги, Антону же, наоборот, добрая почтальонша принесла пенсию от

какого-то ветеранского фонда: выяснилось, что хотя Безрукову всего 52, в прошлом он был производственным героем, директором завода и поднимал отечественное ракетостроение.

Так что на третий день в забегаловке платил он.

Глеб понимал, что надо что-то срочно предпринимать, но не чувствовал себя готовым к активным действиям.

Правда, будучи человеком ответственным, он уже позвонил на службу, сообщил о самом неотложном — работа не должна страдать.

Сослуживец, впрочем, слушал в пол-уха, только все охал, вспоминая историю с катастрофой. Хорошо, хоть не знал ее домашнего продолжения, а то запаса охов могло не хватить.

Потом трубку взял Николай Иванович, пару секунд помолчал, видимо, поджидая, пока уши сослуживца окажутся вне пределов слышимости, после чего предложил Глебу выбросить все из головы, потому что чего только между мужиками не бывает, к тому же такой полет, который Глеб совершил, затмевает все прочие неприятности. Здесь Николай Иванович, большой начальник и акционер нефтегазового концерна, определенно сходил в взглядах с полубомжом-недопенсционером Безруковым.

Наверное, они оба были правы. Но это не помешало Глебу, не отвечая, аккуратно положить трубку автомата на рычаг.

Тамаре он не звонил. Да и зачем? Что он жив, она знала, волноваться не будет. А что не приходит — так это ее выбор.

И не придет.

Вернулись из забегаловки и прилегли отдохнуть. Деликатный Антон ни на что не намекал, но Глеб и сам понимал, что так долго продолжаться не может.

— А ты как зарабатываешь? — спросил он у Безрукова.

— Тебе не понравится, — просто ответил тот.

Мог бы и не спрашивать. Ни сбор бутылок, ни поиск спонсоров у забегаловки Железнова не привлекали.

Пролезла на секунду мыслишка о квартире на Остоженке. Процент за десять ее стоимости можно было бы прикупить себе "однушку" в каком-нибудь Марьино или Ново-Косино. Но этот путь был абсолютно неприемлем.

И вдруг Глеба осенило: машина-то на аэропортовской стоянке — его! Во всех смыслах его! Лично скопил из многочисленных и весьма серьезных командировочных — зарплату, за исключением карманных, отдавал в дом. А командировочные — святое. Ведь можно тратить в день все полсотни баксов, а можно десять или даже пять. Так и образовалось энное количество тысяч, обмененное впоследствии на новенький "киа спортедж", законнорожденное дитя мощного корейского концерна и скромного российского сборочного предприятия. Дитя получилось вполне пристойным. Маленький, "проходимистый" и в два раза дешевле иных простых джипов. Что же касается престижа, то Глеб всегда был к нему равнодушен. Родившийся практически в лесу и видевший жизнь во всей ее простоте, он сумел сохранить собственные соображения о престиже, нередко коренным образом расходящиеся со столичными.

— Пойду, попробую заработать, — сказал он Безрукову.

— Только в дурь не при, — беспокойно посоветовал тот, не вполне уверенный в душевном равновесии нового друга.

— Я похож на грабителя "обменника"? — впервые за последние дни улыбнулся Железнов.

— В том-то и дело, что не очень, — поддержал шутку Безруков. — А за чужое дело лучше не браться.

Денег у Антона Глеб просить постеснялся, поэтому в аэропорт поехал на электричке, "зайцем".

На стоянке проблем не было: он заплатил за пять суток, так что еще и на сдачу смог бы рассчитывать, если бы ему ее отдали.

Выехав на трассу, взглянул на стрелку топливомера. Бензина было на доньшке. Значит, зарабатывать надо начинать немедленно.

А вот и граждане среднеазиатской национальности с двумя огромными клетчатыми баулами. Стоят на обочине, смотрят раскосыми глазами на приближающийся "спортедж", но даже не голосуют: хоть и беспородный, а джип.

Железнов остановился сам:

— Куда едем, мужики?

— В Одинцово, — недоверчиво поглядывая на водителя, сказал один.

— Садитесь. — Глеб вылез из машины, открыл заднюю дверь.

Азиаты с места не трогались.

— А сколько будет стоить? — спросил тот, что пошустрее.

— Не знаю, — честно ответил Глеб. — В первый раз "бомблю". На бензин не хватает.

— Больше пятисот не дадим.

— Ладно, — согласился Глеб. Лиха беда начало.

Ехали молча. Азиаты откровенно побаивались странного, модно одетого "извозчика", а Железнов вдруг задумался над тем, что у них в баулах. Если, скажем, конопля, то это будет не лучшая его сделка. Постов-то до Кольцевой море, да и на Кольце тоже стоят.

— А в баулах не героин, часом? — поинтересовался он.

Парни мгновенно напряглись.

— Нет, нет, — быстро ответил шустрый. И полез в карман.

— Только без глупостей. — Глеб не ожидал нападения, так обычно не делается, просто на всякий случай предупредил.

— Почему, как таджик, так сразу героин? — обиженно проговорил шустрый, доставая из кармана платок и вытирая вспотевший лоб. — Зелень у нас, можем показать.

— Да ладно, верю, — действительно поверил Железнов.

А через двадцать минут и вовсе сдружились, с полкилометра протолкав полутораный автомобиль к видневшейся впереди заправке.

Все пятьсот обещанных рублей в виде бензина протекли в бездонный бак "спортеджа", но и Глеб свое обещание выполнил. Расставались друзьями, таджики даже открыли молнии на баулах и снабдили его свежей столовой зеленью.

— Конопля бы тоже не помешала, — задумчиво протянул он.

Таджики переглянулись, и один из них быстро черкнул на обрывке бумаги телефон:

— Позвони через пару дней, ладно? Мы не торгуем, так, для себя. Ну и для друзей.

Весь день Глеб зарабатывал деньги. Когда-то он уже этим занимался, но на "жигуле" было сподручнее, по крайней мере, не приходилось объяснять, что это не шулка и не попытка изнасилования. Последнее очень волновало матрону постбальзаковского возраста в норковой шубе, которая сначала активно ловила "тачку", а потом боялась в нее влезать.

В итоге влезла, конечно. И даже щедро заплатила. То ли за то, что аккуратно довез, то ли за то, что не изнасиловал. Но вылезала с обиженным лицом, заронив у Глеба подозрения, что, будь он поманьячнее, плата могла бы сильно возрасти.

Вечером он повел Безрукова в ресторан. Не в тот, куда ходил обычно, в гораздо более скромный. Но все равно бывший директор остался доволен: и вкусной едой, и чистой скатертью, и даже отчаянно фальшивившим певцом.

Глеб почувствовал удовлетворение. Он любил быть кому-то нужным.

А Томке он был нужен, это точно. Хотя ни к чему о ней вспоминать.

Однако в этот вечер о жене пришлось вспомнить еще раз. Когда вставлял штырь противоугонного устройства, натолкнулся на проблему. Обычно "Дракон" — так оно именовалось — вставлялся легко. А здесь ему явно что-то мешало.

Глеб достал из бардачка маленький фонарик, нагнулся и сразу увидел в "норке" помеху. Без особых усилий ее извлек. Оказалась — свернутая в трубку бумажка.

Разворачивая, уже знал, что внутри:

"Милый, прости меня. Возвращайся, я без тебя не могу. Я люблю только тебя. Прости меня, пожалуйста.

Твоя Томка".

Это могла придумать только жена. Потому что только она так хорошо знала Глеба. Знала, что не придет за деньгами. Что не станет делить квартиру. И что, когда отойдет от первого шока, поедет за своим "спортеджем".

Глеб тщательно разорвал бумажку, бросил обрывки в снег и снова сунул штырь в отверстие. Железяка вошла глубже, чем в первый раз, но опять не до конца.

Выматерившись, Глеб достал последнюю помеху. Опять свернутую в трубку бумажку. Развернул — бумажек оказалось три. Триста долларов США.

Заперев, наконец, машину, он тяжело вылез из салона, аккуратно закрыл за собой дверь и направился к безруковскому жилью.

А в снегу у нарядного "спортеджа" к белым обрывкам добавились темно-зеленые.

7

...В школу Глебка явно опаздывал. Как это получилось — понять не мог. Мать разбудила — еще не рассвело, он отчетливо помнил ее ласковое: "Вставай, сыночка!".

А потом — как провалился.

И это уже серьезно. Если батя, угрюмый здоровенный лесник, узнает о его опоздании, быть беде.

Глеб очень любит своего батю, вовсе он не злой. И за "Бешеного Лешего", как его назвал Вовка Бондарев, Глебка вступился яростно, хоть и был на полголовы ниже Вовки.

Никакой батя не бешеный. Просто относится к лесу и его обитателям, как к людям. А иногда, честно говоря, и лучше, чем к людям.

Через пару минут Глебка уже стоял одетый в валенках и с мешком для книжек и тетрадок за плечом. Быстро выскочил на улицу и побежал по кратчайшей дороге, ведущей к городку. Вдруг он услышал свист и обернулся. Пригляделся. Так и есть — Вовка! Вообще-то они три дня в ссоре, поэтому и не заходят друг за другом как обычно. Но в такой ситуации можно про ссору и забыть: на душе сразу полегчало. Вдвоем, конечно, опаздывать веселее.

Однако ошибся Глебка.

— Ой, Глебка! — радостно заорал Вовка. — Как хорошо, что я тебя встретил! Рванули напрямки!

— Конечно, — ухмыльнулся Глеб. В отличие от трусоватого Вовки, он бы и в одиночку не испугался пробежаться по зимнему лесу. — Только все равно опоздаем. Сорок минут осталось. Директриса наверняка в дневник напишет.

— А давай через Болотину? — вдруг предложил Вовка. — Тогда точно успеем!

— Ты, что, охренел? — вылутился на него Глеб.

— Ты же летом по Болотине прошел! — горячо заговорил Вовка. — Летом! Сейчас, значит, легче будет!

— Знаешь, какого я страху тогда натерпелся, — сознался Глеб. — Да и сейчас боюсь, что отец узнает. Точно убьет.

— Но ты ведь даже карту нарисовал, — уговаривал Вовка. — Вот она, видишь? Твоя рука.

Это было правдой. Никому тогда не сознался, только дружку. И тот не поверил. Вот, чтобы доказать, и нарисовал ориентиры. Все провалы в старой сгнившей гати показал ему отец, одновременно взяв с него слово никогда без крайней нужды не ходить этим путем.

— А ты-то чего так торопишься? — спросил он у Вовки.

— Мне, похоже, велик светит, — объяснил тот. — Был такой уговор с маманей. Не больше двух четверок. А тут — запись в дневнике.

Велик — это серьезно, задумался Глеб. Для него велик — неосуществимая мечта. Разве только в мыслях представить сверкающие хромированные части, да сладкий запах солидола в подшипниках.

— Выручай, Глебка! — заныл дружок. — Только ты да твой Леший там ходят! По карте страшно идти, — он тряхнул бумажкой.

Сердце Глеба забилось. Такой вариант решил бы все проблемы. По Большой Болотине до их двухэтажной деревянной школы, примостившейся на окраине городка, не более двух километров. По-настоящему опасных мест — три или четыре. И, конечно, Вовка прав, сравнивая зиму и лето.

— Нет, — наконец сказал он. — Я бате обещал.

— А запись в дневнике ты тоже ему обещал?

— Нет, Вовка. Пошли через лес. Нельзя через болото.

— Да чего ты трусишь? — зашел Вовка с другой стороны. — Дорогу знаешь. Сейчас зима. Нас — двое. Я даже веревку взял. Смотри! — Он показал моток добротной веревки. — И никто не узнает, если сам не растрепелешь!

Глебка задумался. Вот же паршивец! С другой стороны, с веревкой, да вдвоем, не так опасно. Еще пару-тройку слег срежут туда поближе. Пожалуй, он уже был готов решиться на этот поход. Но некстати вспомнил, как ухает и чавкает бездонная трясиновая жижа...

— Не-ет, — помотал он головой. — Ну его... Уж лучше пусть выпорют! Пойдем лесом, время-то идет!

— Ладно, как хочешь, — равнодушно произнес Вовка. — Тогда я пойду один. Карта есть, веревка есть. Да ты не бойся, слава будет твоя. Я скажу, что шел по твоей карте! — Он махнул бумажкой перед носом Глебки, тот попытался ее схватить, но более ловкий Вовка легко увернулся.

Глеб бросился за ним, тот — от него. Глеб большой, ширококостный, весь в отца. Однако дружок бегал, как олененок. Вроде рядом — а не догонишь. Пять минут побегали — и вот он, подход к болотине. Щит фанерный, скособочившись, стоит. На нем — череп, как электрики рисуют, и слово — "тресина". У Глебки так и не хватило духу сказать бате, что слово "тресина" пишется через "я".

— Стой! — закричал он Вовке и остановился сам. — Стой! Дальше нельзя.

Но Вовка и не думал останавливаться, уверенный, что Глеб его не бросит. Еще несколько секунд, и его фигурка скрылась между разлапистыми елками.

— Вот дурак! — выдохнул Глебка. — Теперь надо идти за ним!

А еще, пока бежал, выронил нож, с которым всегда ходил в лес. И это плохо: батя предупреждал о появившихся, по-зимнему оголодавших, волках.

Тяжко вздохнув, Глеб собрался с духом и пошел по Вовкиным следам. Он рассчитывал увидеть дружка за первым же поворотом тропки: такой трусовость никогда не кинется в бой первым. Правда, здесь речь шла о велосипеде.

Глебка свернул за поворот и...

Застыть — это, пожалуй, слишком мягко сказано. Он стал куском мрамора. Или льда.

Потому что прямо на цепочке Вовкиных следов, — а они уже вступили на начальный, относительно безопасный участок древней гати, — сидел волк. Или волчица. В таких тонкостях даже батя мог с ходу не разобраться.

Глеб инстинктивно схватился за отсутствующий нож. Покрутил головой в поисках палки. Внезапно ожесточившись, приготовился драться руками.

— Ну, давай же, гад! — крикнул он зверю.

Гад спокойно смотрел на пацана желтыми глазами и не двигался.

Глебка вспомнил про Вовку и заорал изо всех сил:

— Вовка! Лезь на дерево! Здесь волк!

Вовка не отвечал. Значит, уверенный, что друг следует за ним, он уже отошел на приличное расстояние.

Глеб внезапно успокоился. Волк пока не нападал, а на елку, при необходимости, мальчик взобрался бы мгновенно, несмотря на тяжелую зимнюю одежду и валенки. Но ему же надо идти за Вовкой!

Глебка решил и сделал шаг вперед.

Зверь не отреагировал.

Еще шаг. И еще. И...

О, Господи! Зверь открыл пасть. Обнажились огромные, слегка загнутые вовнутрь клыки. И — утробный сдавленный рык, от которого мурашки по телу бегут даже у опытных охотников.

Глеб отпрыгнул назад, а волк снова принял исходную позицию.

Каждый раз, когда Глеб решался двинуться вперед, картина повторялась. Отчаявшись, он вернулся в деревню.

Зверь его не преследовал.

В деревне Глебка сразу побежал к Вовкиному отцу. Но тот даже не понял, о чем ему пытались сообщить: слишком много самогонки было принято накануне. Вовкина мать была на работе. Вообще, вся деревенька из семи дворов после престольного праздника выглядела вымершей. Только три человека и работали: родители Глебки, да Вовкина мама.

Глеб, поразмыслив, понял, что нужно бежать в школу через лес, и, если Вовки там нет...

А вот об этом думать совсем не хотелось.

Еще никогда он так быстро не пробежал это расстояние. Наплевав на субординацию, ворвался в класс, ища сумасшедшими глазами дружка. Не нашел. И мгновенно отрубился, потерял сознание.

В чувство его привели быстро — старенькая медсестра дала нашатырь. Глебка в двух словах объяснил ситуацию. Уроки прервали, и все взрослые бросились к ближней стороне Болотины.

Кричали, звали Вовку. Самые смелые даже ступили на гать. Но далеко не пошли: ясно было, что она не выдержит.

Быстро собрали веревки, слуги. Одна группа двинулась от школы, другая, доставленная на мотоциклах, от деревеньки.

Сбивчивым рассказам про волка не поверил никто. Даже следов волчьих у гати не обнаружили. Вовкины — были. Глебовы — были. А волчьих — нет.

Вовкина мама страшно кричала, подходила под Глебкины окна, называла его и бату убийцами. Глебка то плакал, то забывался страшным сном-забытьем.

Вернувшийся с поисков батя, огромный и сразу какой-то почерневший, сидел рядом, поглаживая вихры сына или просто держа его за руку.

Он был единственным, кто поверил сыну.

Большая Болотина оказалась непроходимой. Свежий пролом в сгнившей гати нашли быстро.

Вовку — не нашли никогда.

8

Глеб вылез из тяжкого сна, как из трясины. Вдохнул, потянулся за сигаретой. Напротив него, на своей койке, зашевелился бывший "красный директор" Безруков. Но, слава Богу, не проснулся: поддерживать разговор в эту минуту Глебу хотелось менее всего.

Усилием воли он попробовал вытеснить из сознания образ своего давно сгинувшего друга. Конечно, ничего из этого не вышло. Даже хуже стало: Вовка прыгал перед его закрытыми глазами, весело скалился и кричал: "Убивец! Убивец!".

Глеб встал, отложил так и не раскуренную сигарету. Не отпустит его Вовка. Никогда не отпустит. Глеб и сам считал, что мог бы тогда остановить приятеля. Схватил бы в охапку в самом начале, тот бы не справился.

Только что теперь говорить: ведь не схватил же...

Железнов прошел в крошечную ванную: жильцы из второй комнаты еще спали, и можно было не торопясь умыться.

Щелкнул выключателем: над потолком зажглась висящая прямо на проводе крошотная и грязная лампочка. Отвернул кран. После минутного затишья трубы выдали "фирменный" резонансный треск, и потекла коричневая вода. Постепенно она стала бурой, потом желтоватой и, наконец, вовсе потеряла цвет.

Все. Можно умываться.

Выходя из ванной, Глеб еще раз оглядел это облупленное и какое-то замшелое хозяйство. Да-а. Отличия от его домашнего сантехнического рая, с блеском никеля и теплыми мраморными полами, просто разительные.

Да только туда теперь путь заказан.

На кухне он зажег газ, набрал, снова подождав, пока стечет ржавчина, воду в чайник и присел за их с Антоном столик.

За окном еще окончательно не рассвело, и такое предрассветное состояние располагало к обдумыванию житья. А оно что-то пока вырисовывалось мрачноватое.

Деньги у Глеба с возвращением машины появились, поесть и обустроить быт перестало быть проблемой. Но не всю же жизнь заруливать на "спортедже"?

В конце концов, если предположить, что Железнов следующие тридцать лет прошоферит по московским переулкам, то джип надо срочно продавать, а на полученные деньги покупать любое жилье в дальнем пригороде — на ближний не хватит — и "жигуль" для извоза.

Но Глеб не собирался всю жизнь развозить спешащих барышень и подвыпивших гуляк. А вот что собирался — пока ему самому было не ведомо. Хотя решать уже пора.

И у Антона он жить больше не хотел.

Хороший Антон человек, добрый. Даже за жилье не просит, хотя, когда Железнов приносит хорошую еду, очень радуется. Но, во-первых, его новый друг весь пропитан настоєм неудачи. А во-вторых, Глеб никогда столько, и главное, так регулярно, не пил.

Значит, надо менять дислокацию.

“Уехать надо отсюда, — вдруг пришла такая простая и спокойная мысль. — Уехать — и все. Куда — пока не известно, но подальше от суеты”.

И опять ноги произвольно ощутили ласковое прикосновение сухого зеленого мшаника с Малой Болотины, а руки потянулись к антрацитової круглой шляпке черноголовика.

“Вот туда бы уехать”, — вяло подумал Железнов, не дав мысли развиться дальше.

Все. Пора зарабатывать деньги.

Глеб встал и пошел к машине.

В сутках, как известно, 24 часа, однако основные деньги “бомбилы” вырабатывают за три-четыре из них. Это — раннее утро, когда народ опаздывает на работу. И вечер, когда народ с нее утекает. Отдельный вопрос — поздний вечер. Здесь деньги самые серьезные, но и проблемы, в случае их возникновения, максимальны: от блевотины на полу до выяснения отношений.

Первый пассажир оказался неразговорчивым. Железнов так и не смог научиться выторговывать деньги, просто сажал пассажира и брал, сколько дадут. Этот дал мало — сто рублей.

Лиха беда начало.

Второй была толстая тетка, базарным голосом начавшая торговаться еще до посадки. Водитель торговлю не поддержал, что, похоже, тетку расстроило: она не была жадной, просто ей хотелось общения. Вскоре она вышла, оставив Глебу без малого две сотни.

Зато третья тормозила “тачки” так активно, что Железнов нутром почуял: вот тут-то он и заработает.

Стильно одетой девчонке явно не повезло — она уже проехала на сером “жигуле”, стоявшем тут же с бессильно подломанным передним колесом. Водитель со злостью смотрел на свою машину и на уезжающие вместе с юной леди рубли.

Девочка была и в самом деле яркой: рыжая челка, зеленые от природы глаза, кожаная курточка, которая по зимнему времени могла бы быть и подлиннее.

— Пока начальник занят? — съехидничала она, удобно устраиваясь на переднем сиденье.

Логично. На новеньких джипах извозом занимаются не хозяева, а наемные водители.

— Типа того, — подумав, ответил Железнов. — Куда едем?

— Куда и ехали, — усмехнулась девчонка. — Щелковское шоссе, почти до конца.

— Работаешь там? — неизвестно зачем поинтересовался Глеб.

— Работаю, — спокойно согласилась девица. Потом, не стесняясь водителя, принялась поправлять невидимые сбои в макияже. И не только: юбочку задрала еще выше и что-то под ней тоже поправила. Поймав косой взгляд Глеба, улыбнулась: — Понравилось?

— Как у всех, — честно ответил Глеб. А обиженная девчонка замолчала.

Следующая ее фраза была перед самым выходом:

— Подожди меня пять минут, сейчас обратно поедем.

Тон был самым естественным, она легко выпрыгнула из джипа и быстрым шагом скрылась в подъезде огромного домины. Кроме этого подъезда, в нем просматривалось еще три. А, может, их было и больше: дом постепенно закруглялся.

Глеб подождал пять минут. Потом еще десять. Через следующие пятнадцать, наконец, дошло, что его кинули. И девочка сразу стала понятной: ехала по вызову, водитель сломанного "жигуля", скорее всего, и охранник. А, может, по совместительству — сутенер.

Конечно, когда-нибудь девица выйдет: не на всю же жизнь ее купили. Правда, неизвестно, когда и — из какого подъезда.

Теоретически надо было уезжать. Стоять здесь — больше потеряешь.

Особой злости к девице Глеб не испытывал. Более того, она ему чем-то понравилась. Но начинать день, в который планировал принять историческое решение, с тривиальной "динами" не хотелось.

"Хорошо, детка. Посмотрим, кто кого". В похожие игры он играл с детства. И всегда выигрывал. Только раньше соперниками были зайцы, лисы, в последние годы жизни в Синдеевке — и более крупные хищники. Хотя, в отличие от прошлых "соревнований", Глеб вовсе не собирался снимать шкуру с проигравшего.

Впрочем, сначала еще надо выиграть.

Железнов отогнал джип подальше, за магазин. Причем стартовал резко: если девица наблюдает — поймет, что его терпение кончилось, и ей уже можно выходить. Затем бегом вернулся к дому, но не туда, где стоял джип, а значительно правее, чтобы было видно все четыре подъезда.

Как мог, замаскировался и приступил к ожиданию. Ожидание для Глеба, безусловно, было работой, работой трудной, но привычной. В конечном счете, ему без разницы, сколько придется ждать: час, пять часов или сутки. Мелькнула мысль, что может подъехать ее охранник. Мелькнула и пропала. Пусть подъезжает. На месте разберемся.

Время замерло, и не двигалось до тех пор, пока девчонка не появилась. Хитрить она не стала, вышла из того же подъезда, в который вошла. Только походочка изменилась: кураж пропал, сумочкой не помахивала.

Быстро и бесшумно Глеб ее догнал и приобнял за плечи:

— Здравствуй, дорогая!

— Ты тут? — Девушка даже не удивилась.

— Я, — согласился Железнов.

— Тебе не повезло. Денег у меня нет.

— Не заплатили?

— Заплатили, — всхлипнула девчонка, по-детски как-то, беззащитно, несоответственно профессии. Остановилась и приподняла край юбочки. Под ней было три черно-красных небольших пятна с синюшными ободками.

— За что? — мрачней, спросил Железнов.

— Было бы за что, вообще бы убили, — улыбнулась сквозь слезы жертва. — Такая у него любовь.

— А как же охрана?

— Никак. Это наш юрист, — сказала она и осеклась, поняв, что болтнула лишнее.

— Зачем поехала, если он — псих?

— Девочки говорили, я не верила, — вздохнула девчонка. — Он всегда такой вежливый.

— Ладно, пошли, ходим к твоему юристу, — предложил Глеб.

— Ты что, спятил? — искренне ужаснулась та.

— Тебе его жалко?

— Мне тебя жалко, — ответила девчонка. — И себя, — уже тише добавила она.
— А почему бы тебе не уволиться? — внезапно повеселел Глеб. — Ты же не по КЗОТУ трудишься?

— И куда я денусь?

— Но откуда-то ты же взялась...

— С Урала, — машинально ответила та.

— Вот туда и денешься.

— Мама была бы рада, — мечтательно проговорила девчонка.

— Ну, вот и порадуй ее.

— Она думает, я здесь в училище учусь. Медицинском.

— Ерунда все это, — прервал беседу Глеб. — Скажешь — выперли. В детали не посвящай.

— Пошел ты к черту! — вдруг разозлилась девчонка. — Все вы — жалостливые!

Но Глеб пошел вовсе не к черту, а к подъезду, в котором жил юрист с сексуально-садистическими наклонностями. За ним, как маленький щенок на поводке, тянулась спутница. Идти ей в подъезд, конечно, не хотелось, ну да никто ее и не спрашивал.

...Вышли минут через десять.

Если раньше девчонка была напугана, то теперь просто голову от страха потеряла. И, похоже, Железнова боялась не меньше, чем своих бандитов.

— А он не умрет? — уже в машине спросила она.

— Нет, — ответил Глеб. — Размножаться только затруднительно будет. Ну да ему и не следует размножаться.

— Ты псих, да?

— Тут все психи! Чего тебя держало? Работа нравится?

— А куда мне деваться? У меня даже паспорта нет.

— А где он?

— У "мамочки".

— Поехали к "мамочке".

— Ты точно спятил, — прошептала она.

А Глебу вдруг стало весело. Вот и изменилась его жизнь. Резко.

После таких подвигов лучше здесь не оставаться. Тем более, если впереди еще визит к "мамочке".

Судьба распорядилась без его ведома. И это гораздо легче, чем принимать серьезные решения самостоятельно.

— А звать-то тебя как? — наконец спросил он, пристегивая ремень.

— Аня. А тебя?

— А меня Глеб.

— Очень приятно, — вдруг манерно проговорила Аня.

Операция по изъятию паспорта прошла без рукоприкладства. "Мамочка", много чего повидавшая в своей жизни, только головой покачала.

— Смотри, девка, — многозначительно сказала она на прощание. Без угрозы, скорее — с сочувствием.

— А дальше что? — уже в машине спросила Аня.

— Хороший вопрос, — одобрил Глеб.

— Твой номер они "срисовали". Все менты — их. Втравил ты меня. — Она снова приготовилась заплакать.

— Хочешь — вернись. Сдашь меня — может, простят.

Аня зло посмотрела на своего непрощенного освободителя и замолчала, но всю дорогу оглядывалась назад, впрочем, стараясь делать это незаметно.

Они приехали к дому Безрукова, поднялись в квартиру.

Хозяин уже принял "по первенькой", но был еще вполне вменяем.

Услышав новости, не обрадовался.

— Я хоть и старый, а жить хочется, — честно заметил он.

Глеб успокоил бывшего директора:

— Не волнуйся. Мы через двадцать минут уезжаем.

— Куда? — поинтересовалась Анюта.

— К твоей маме, — усмехнулся Железнов.

Решение пришло просто и естественно. Он отвезет Аню к маме, а себя — в Синдееву. Между ними всего-то километров триста-четырееста.

Что будет после — сказать трудно. Да и не хочется сейчас думать о том, что будет после. Достаточно, что цель на ближайшие дни определена.

Допили чай, распрощались с Безруковым.

Тот расчувствовался. На прощание подарил Глебу теплую охотничью доху-овчину. А Анюте — маленькое зеркальце в серебряном ободочке: недосмотр бывшей жены.

— Вы поосторожнее, — посоветовал он. — Эти парни такого не прощают.

— Сошедший с небес змей не боится, — пафосно заявил Глеб.

— Это ты — сошедший с небес? — спросила уже в машине Анюта.

— Я, — ответил Глеб.

— Почему?

— Как-нибудь расскажу. Потом, не сейчас.

Аня обиженно фыркнула и отвернулась к окошку.

А еще через сорок минут, обойдя на всякий случай тайными тропами выездные посты, машина уже неслась на восток.

Анюта была явно довольна, хоть и отчаянно боялась бывших работодателей. Доволен был и Глеб. Что впереди — непонятно. Но уже не так безысходно.

Теперь пассажир действительно сошел.

9

В Синдееву Глеб сначала не попал. Равно как и вроде наметившийся роман с Анютой не разродился даже случайной дорожной связью.

Наметился он еще возле дома, где акт любви бандитского юриста сопровождался сигаретными прижиганиями.

Пришло вдруг в голову Железнову, что, может быть, это и есть судьба. Оба они — униженные и оскорбленные. Оба занимаются тем, что не любят. Оба с Урала, пришлое. И на Урал возвращаются. Ну, разве не единение душ?

К профессии ее он отнесся равнодушно, как истинно лесной человек. Да, занималась. Больше не будет. Ее занятие напрягало его гораздо меньше, чем, может быть, одна-единственная Томкина утеха с Николаем Ивановичем.

Пообедали в придорожном деревянном рестораничке.

— Чем дома займешься? — спросил Глеб.

— А я домой не поеду, — беззаботно ответила Анюта.

— Как это? — чуть не подавился шашлыком Железнов. — А куда ж я тебя везу?

— А что мне дома делать? Городишко — десять улиц. Еле оттуда вырвалась. Да еще мать запилит. Не, я в Екатеринбурге останусь.

— У кого? У тебя там кто-то есть?

— Ага, подружка моя. Мы с ней вместе в училище уехали. Только она в Москву не захотела. Сказала, что здесь хоть и платят меньше, зато люди проще.

— Так! — Глеб аж машину остановил. — Ничего не понял. Ты что, и дальше тем же промышленять собралась?

— А что я еще могу? — разозлилась Аня. — И твое какое дело? Ты мне отец, что ли?

— А что же в Москве не осталась? Нашла бы другую "мамочку".

— После твоего разговора с Виктором Петровичем...

— Значит, я тебе карьеру разрушил?

— Вроде того, — вздохнула Аня. — "Мамочка" была не злая. Я за день иногда и по сотне выработывала.

— Да уж, — согласился Глеб. — После медучилища на клизмах столько не поимеешь.

— Накоплю денег — выйду замуж, — развивала мысль Аня. — Когда денег много, никто не спрашивает про прежнюю жизнь. К тридцати буду "в шоколаде".

— Твоими бы устами, Анька... — невесело проговорил Глеб.

Он не был шокирован ее откровениями. И не собирался ее ни в чем переубеждать. Оба и так понимали, что шансов к тридцати оказаться "в шоколаде" гораздо меньше, чем в морге, или, в лучшем случае, в низшей категории "вокзальных" и "плечевых", которые в глазах своих пользователей уже и не люди вовсе.

Короче, доехав до уральской столицы, Анька подкрасила губки, подвела глазки и, игриво махнув на прощание, выскочила на серую щербатую мостовую.

Глеб проводил ее взглядом.

Она не оглянулась.

10

Лицо у Еремеичева большое и широкое. Посредине — маленькие, утонувшие во впадинах глазки-буравчики. К этому следует добавить сипатый бас, красноречивого цвета и округлых форм нос, а также две немного съехавшие с лица щеки, заметно колыхавшиеся в такт ходьбе.

Такому человеку сложно вызвать симпатию у случайного встречного.

Он и не вызвал у Глеба никакой симпатии, когда, высадив Аньку и чувствуя все же некоторое опустение, нацелил нос своего джипа к еще довольно далекой Синдеевке.

Вот тут-то и появился Еремеичев. Здоровенный мужик стоял на обочине трассы, рядом с безвременно "умершим" "УАЗ"ом, и активно "голосовал". Картина не была бы особо примечательной, если бы он одновременно не держал на весу приличных размеров деревянный бочонок.

Глеб затормозил: после ухода Аньки в машине стало скучновато. Деньжат преумножить в его положении тоже не вредно. Да и времени эта работа займет не много.

И опять Глеб ошибся! Встреча оказалась не мимолетной. Еремеичева до районной администрации он подбросил действительно быстро: бочонок, наполненный лесным медом, был не взяткой, а, как неожиданно ловко вымолвил Еремеичев, налаживанием бизнес-коммуникаций.

У полуторазтажного здания районной администрации он попросил минутку подождать.

"Неужели и этот кинет?" — мельком пронеслось воспоминание о первой встрече с Аней.

Но, конечно, не кинул. Такому человеку в криминал, даже мелкий, никак нельзя: один раз увидел его рожу, посмеялся и навек запомнил.

Вышел минут через десять, в пределах допустимого. Уже без бочонка. И с таким счастливым выражением лица, словно сам сожрал его содержимое.

“Винни-Пух, честное слово!” — ухмыльнулся про себя Железнов.

— Чего, испугался, что не заплачу? — удивил своей пронизательностью Еремеичев.

Они сдружились мгновенно. Как будто сто лет общались. Еще через час уже сидели в кафе, куда то и дело заскакивали разные люди. Большинство из них приветливо здоровались с Глебовым пассажиром.

— Да ты — известная фигура, — отметил он.

— Это точно, — не стал спорить собеседник, постепенно становившийся событьем. И так душевно они сошлись, что Глеб неожиданно рассказал Еремеичеву свою историю. А Еремеичев Глебу — свою. И тоже достаточно нестандартную.

Звать Еремеичева — Иван. Иванушка-дурачок — пожалуйста! Достаточно взглянуть на его физиономию. Однако, как и в сказке, Иван-дурак оказался способен дать отпор неким сановным особам. Аналогии на этом, правда, кончались: ни царевны, ни пол-царства у Еремеичева не оказалось. Но — какие его годы? Может, все впереди.

Годились Еремеичеву и другие народные “приставки” к этому имени. Ванька-взводный? Легко! После окончания не самого престижного пехотного училища он им побывал. Ванька-встанька? И это в самую точку, если учесть его уникальную способность подниматься после очередного уничтожительного жизненного урагана.

Из взводных он ушел в начале девяностых. После того, как покинула его — со слезами, но покинула! — длинноногая красавица-почти жена.

Уходя, Еремеичев еще не знал, чем займется “на гражданке”. Но знал, что ему необходимо много, очень много денег, а именно — один миллион американских долларов: так потряс его уход обожаемой почти жены. Первые деньги решил сделать на спекуляции: брал на реализацию “видик” или “телик” и, как коммивояжер, ездил его продавать. То ли дефицит техники еще сказывался, то ли добродушная внешность, но бизнес пошел.

Уже по десять “видиков” начал брать, а потом по тридцать, когда магазинчик свой появился.

Тридцать — это был критический предел. За тридцатью имело смысл съездить к оптовикам в Москву. Правда, брать следовало сразу шестьдесят, а половиной “поделиться” с мелкими дилерами, такими же, каким недавно был он сам.

Ездил Еремеичев на подержанной “БМВ”-трешке, ни с кем не ссорился, но и менты, и авторитеты знали, что лишнего с этого прониры взять не удастся. Не лишнее — сам отдаст.

И года не прошло, как московские цены показали Ваньке дороговатыми. А значит, надо ехать в Эмираты. С таможенной уже было схвачено, все кто надо — на прикорме. Еремеичев и здесь свято следовал удачно обретенному принципу: никогда не жадничать, но и лишнего не давать. Копейка рубль бережет.

В Эмиратах Ваньке понравилось. Во-первых, тепло. Во-вторых, арабы, пару раз пытавшиеся Ваньку крупно надуть, поняли бесполезность своих нелепых попыток, и пошел настоящий бизнес.

За два следующих года Еремеичев не побывал в Екатеринбурге ни разу. Магазинчик по телефону продал одному из своих дилеров. Деньги пообещал забрать потом, по приезде. Честно говоря, деньги за магазинчик его особо и не интересовали.

Прямо на морском берегу араб-партнер присмотрел ему виллу. Не Бог весть что, всего четыре спальни. Но, само собой, с бассейном. И с сауной. Ванька сам пристроил там русскую парную. И началась не жизнь, а сказка.

Феи витали у него вслуду: и в бассейне, и в сауне, и в парной. Не говоря уж о четырех спальнях. Невесть каким образом его координаты узнала бывшая почти жена, так и не нашедшая своего счастья. Позвонила, получила деньги на билет и загранпаспорт, после чего месяц тешила свое тело — и Ванькино тоже — под жарким ближневосточным небом, однако натуральной женой так и не стала. Бывший взводный вовсе не был всепроцентцем. На прощание купил ей шмоток и техники, посадил в самолет — и, гуд бай, милая!

Все было хорошо в солнечной арабии. Ездил уже на слоноподобном, хоть и не новом "мерсе". Любил не только светлокожих россиянок да украинок, но и экзотичных местных дам, даром, что ли, столько выпито с теоретически непьющими арабскими друзьями?

Разве что миллион все не набирался, хотя давно уже было около: бизнес становился нормальным и терял свои бешеные, нереальные проценты начального периода. Но появилась ничем не объяснимая, однако крайне неприятная тоска. Как бы уже ничего особо и не хотелось. Ну, миллион добить, а дальше? Если б не миллион, то вообще можно было бы говорить об идейном кризисе.

Возможность добить миллион представилась скоро. Из Екатеринбурга пришел запрос на партию бытовой техники, закупочной стоимостью более восьмисот тысяч.

Старым знакомым Еремеичев поставлял электронику товарным кредитом: он и сам уже давно не платил арабам вперед. Здесь же покупатель был новый, и Ванька поосторожничал: потребовал деньги авансом. Ему очень хотелось добрать свой "зеленый лимон", но Ванька перестал бы быть самим собой, если бы пошел на неоправданный риск.

К счастью, на риск идти и не пришлось: покупатели согласились на предоплату аккредитивом, то есть, деньги приходили в Эмираты сразу, но становились Ванькиными только после того, как техника прибывала в столицу Урала. Попытка Еремеичева ограничить транспортное "плечо" Шереметьевской таможней успехом не увенчалась: его бывшие земляки готовы были слегка переплатить, но груз желали иметь растаможенный и уже в Екатеринбурге. Только после этого аккредитив разблокировался, и деньги, присланные в эмиратский банк, становились Ванькиными.

Еремеичев пораскинул мозгами и так, и этак, и опять-таки решил ограничить риск. Деньги занял в банке, заложив виллу и все свое эмиратское имущество. Недостающие двести тысяч одолжили екатеринбуржцы, но не получатели груза, а старые партнеры. Чтобы уж совсем исключить проблемы, Ванька застраховал чартерный перелет "транспортника" и заключил договор с серьезной охранной фирмой на дорогу от Москвы до Екатеринбурга. Хотел даже сам лично сопровождать груз, но потом решил, что это уже перебор. Все четыре КАМАЗа, помимо вооруженного пистолетом водителя, получали вооруженного автоматом охранника.

В общем, все предусмотрел Еремеичев. Нормально, по хорошим ценам, закупил. Нормально отправил борт в Москву. Нормально, прозвонив паре нужных мужичков, растаможил технику. Последнее сообщение было от представителей охранной фирмы: она взяла груз под роспись, и КАМАЗы пошли на восток.

Это действительно было последнее сообщение.

Больше груза никто не видел.

Грузовики нашли только через две недели, в лесу за Казанью. Пустые, наполовину сожженные. Восемь человек исчезли навсегда, вместе со своими автоматами и пистолетами.

Странное дело, но Ванька был раздавлен не потерей пресловутого миллиона, а тем, что его погоня за ним оказалась причиной гибели восьми человек. То, что они погибли, для него было очевидным: ни один не объявился в семье.

Он потерял все и вернулся домой пустой — так было даже легче. Но бизнес не бросил. Сначала надо было отдать долги. Кредиторы, кстати, не торопили: они понимали, что если Ванька встанет на ноги, то отдаст. Помогли с помещением и даже кое-что дали под реализацию. Пригодились и деньги за магазинчик, которые спустя два года отдал покупатель. На них Иван, снова носившийся по городу на подержанном "жигуле", нанял персонал и дал рекламу.

Еще через три года Еремеичев вернул все долги и вновь зажил красиво. Он решил более никуда с Родины не уезжать. От бизнес-судьбы отказываться не стал, резонно рассудив, что, если и есть его вина в гибели людей, заглаживать ее гораздо лучше, имея деньги, чем не имея. В частности, он помогал двум самым бедствующим семьям из числа пострадавших от того разбоя. А хотел бы помочь всем. Да еще с Майкой познакомился. С сумасшедшей девкой, практически в одиночку поднимавшей детдом с самыми тяжелыми, "дефектными" детьми.

Пользуясь всеобщим доверием, Еремеичев открыл сразу четыре больших "электронных" магазина. Вложил все, что имел: в ремонт и длительную аренду помещений, в торговое оборудование, в рекламу, в товар. На этот раз застраховал все риски, включая нападения и пожары. И три месяца проработал "на ура".

Вплоть до августа 1998-го.

Риск государственного дефолта в Ванькином плане страхования предусмотрен не был. Кредиты брались в долларах, а они враз подорожали. Попытки продать право аренды и торговое оборудование успехом также не увенчались. В итоге — крах "number two".

Но не зря же его звали Ванька-встанька!

Он и в третий раз поднялся. Снова вернул долги. Правда, опять пока что пользовался услугами отечественного автопрома.

Впрочем, все, что ни делается, все к лучшему. Заруливый Еремеичев на какой-нибудь "ауди", не подвез бы его Глеб. Уж слишком мала вероятность того, что "ауди", в отличие от "УАЗ"а, встанет на дороге с поднятым капотом.

Но теперь Иван Еремеичев был мужик битый. К тому же, дважды. И больше не стал делать ставку на всякие там заморские прибабасы. Ну их, доллары, иены и прочие тугрики. Ванька предпочел зарабатывать на родных корнях. Он организовал предприятие по переработке грибов: сушил, солил, мариновал. Немалая часть лесных даров, которых здесь по-прежнему было видимо-невидимо, уходила таки западным гурманам. Но это же не нефть! Если собирать умело, на следующий год опять вырастет.

К концу кафешной беседы они совсем сблизились. Еремеичев пришел в полный восторг, узнав, что вновь приобретенный кореш по первой профессии — лесник, по второй — бизнесмен.

— Тебя Бог мне послал! — чуть не прослезился он. — Я ж загибаюсь один с этими лесными братьями! Мне каждую неделю кошмар снится, что я какую-то пьяню уволил, а он в отместку в мои чаны бледных поганок наложил!

— Для этого не только бледные поганки годятся, — успокаивающе заметил Глеб. — Я тебе потом покажу пару травок, мне еще мама, когда жива была, объясняла...

— Спасибо, утешил, — хмыкнул Иван. — Вот что, — принял он вдруг быстрое решение. — Иди ко мне на работу. Пока — наемником. А если дело пойдет — получишь долю. Я открываю сейчас новый пункт в Синдеевке...

— Где-е-е?! — чуть не заорал Глеб. — Я же туда еду!

Теперь настала очередь удивляться новоявленному работодателю. Может, и в самом деле, Глеба ему послали небеса?

Лишь на миг омрачилась радостная Ванькина физиономия.

— Слушай, фрукт столичный, ты только девицу одну там, в Синдеевке, не соблазней, ладно?

— Тогда хоть имя назови, — благодушно ответил Железнов.

— Я серьезно говорю, не трогай.

— Твоя зазноба, что ли?

— Нет. Скорее, чокнутая слегка. Мать Тереза, чтоб...

— Местного разлива, — пробормотал Глеб.

— Не местного, — обиделся Иван. — Московского. Приехала три года назад. Детей больных растит в детдоме. Ненормальных.

— В Синдеевке — детдом? — удивился Глеб.

— Она и организовала. Нашла меценатов, набрала денег. Связи у нее дальние. Меня вот тоже поддаивает. Детдом — как игрушка. А сама чокнутая, как и ее дети, — вдруг прорвалось у Ивана.

— Чем же она чокнутая? — заинтересовался Глеб.

— Головой. Уехать из Москвы, от папы с мамой, от денег, и отдать жизнь дебилам...

— Если она такая дура, чего ты так за нее переживаешь?

— Майка не дура, — глубоко вздохнул Иван. — Я ей даже в чем-то завидую...

Так в жизни Глеба Железнова впервые промелькнуло немодное нынче имя — Майя.

11

Последние полсотни верст до Синдеевки Железнов добирался долго — больше месяца. Застрел у Ивана. Тот начинал диверсификацию своего уже не такого малого предприятия. Хотел уйти от сезонности: грибы и ягоды, к сожалению, зимой не произрастали. Но поскольку лето было близко, и пропускать сезон категорически нельзя, Иван, быстро оценив нового сотрудника, поставил его на предварительную организацию мини-колбасных цехов: анализ оборудования, поставщиков, условий, договора кредитования и тому подобное, мало радующее, но необходимое. Сам же занялся более насущными делами — подготовкой к стремительно приближающемуся летнему сезону.

Короче, в родную деревню Глеб приехал — уже снега не было. И джипа не было. Рассудительный Иван помог продать заморскую, хоть и собранную в Калининграде, игрушку, обменяв ее на гораздо менее удобный, но гораздо более практичный в синдеевских условиях "УАЗ"ик.

Въехал Глеб в родные пенаты не один. В неудобном салоне трясуемого "козла" сидела девушка Майя, про которую он столько слышал, но увидел впервые лишь сегодня, в Ванькином кабинете.

Глеб еще раз искоса посмотрел на нее.

Нет, ничего особенного. Волосы соломенного цвета. И такой же конструкции. Кожа бледная, хоть и слегка обветренная — даме на свежем воздухе приходится бывать довольно часто. Одета неброско, как эмансипированные московские студентки:

джинсы, куртка. На голове — дань местному климату — вязаная шапка, несмотря на почти летние пейзажи за окном. Фигура хорошая, ничего не скажешь. Все выразительно. Где надо — выделяется, где не надо — подобрано.

Они проехали вместе больше часа, однако толком так и не пообщались. Не то чтобы она его заинтересовала, но Железнов не привык, чтобы на него настолько обращали внимания. Даже какой-то неспортивный азарт, несмотря на все предупреждения Еремеичева, появился.

Ладно, не последний раз встречаются — Глеб собирался восстановить родительский дом и некоторое время пожить здесь, в Синдеевке.

Он подвез Майю к свежевыкрашенному одноэтажному зданию детдома. Раньше этого здания в деревне не было. Теперь — появилось. Не самое шикарное, но вполне достойное.

На скамеечке у мощных ворот сидела пожилая женщина, видимо, няня. И стояли двое детей, скорее даже, подростков.

Увидев выходящую из машины Майю, подростки — девица и парень — неуклюже бросились к ней, издавая радостные звуки. Их руки и ноги двигались не скоординированно, отчего дети напоминали двух крупных медвежат. Раскрытые рты были радостно растянуты, но слова образовывались медленно, с трудом. И еще более сложно связывались в предложения.

Глеб теперь рассмотрел их глаза, и его передернуло от неожиданности.

Можно как угодно нарядить дауна. Можно обвешать его золотом и усадить в лимужин. Можно одеть в смокинг и бабочку. Все равно — глаза выдадут. Только улыбки на их лицах были настоящие, без дефектов.

Троица обнялась и несколько секунд стояла неподвижно.

А Глеба вдруг проняло: столько счастья на лицах он давненько уже не выдывал.

Его самого уж точно вот так никто не встретит. Даже самый последний даун...

12

Не прошло и месяца, как Федя и Марина — так звали подростков — столь же радостно встречали и Глеба. Они вообще были очень дружелюбны, эти ребята, которых мать-природа безо всякой их просьбы "наградил" лишней, 47-й, хромосомой.

Поначалу Железнов их побаивался. Не в том смысле, что ожидал от ребят каких-то опасностей. А так, как малые дети из российской глубинки пугаются, впервые увидев, как теперь принято говорить, афроамериканца.

Дауны, названные так в честь английского доктора, полтора столетия назад описавшего это заболевание, резко отличаются от нормальных детей. Плоское лицо, узкие, скошенные вниз, глаза, искривленные мизинцы, куча болезней внутренних органов.

И, конечно, умственная отсталость. Степень — разная, в зависимости от хитрых сочетаний хромосомного дефекта. Глеб из рассказа Майи мало что понял про "трисомию" и "мозаичность", но именно от этого "трисомийная" Марина имела беспощадную запись "олигофрен в степени идиотии", а "мозаичный" Федя — пугающий приговор "имбецил".

Впрочем, Майя рассказала, что подобные приговоры, особенно вынесенные в условиях российских больниц, частенько удается пересмотреть в сторону смягчения. Так, Маринка, "осужденная" на чисто растительную жизнь, имела не такой уж малый словарный запас, а ее улыбка очень скрашивала страшное, неживое выражение лица с неестественным румянцем на щеках. Федя же умел читать и писать, причем, делал это достаточно бегло, хотя, конечно, не все понимал в прочитанном.

Подобные мысли появились у Глеба не сразу. Поначалу он был настроен иначе. За те Майи, променявшей столичный уют на общество детей-изгоев, казались ему, может, и благородными, но очень уж... вычурными, что ли? Неестественными.

Все равно эти дети не вернутся в общество. Так стоит ли на них гробить жизнь?

Он даже как-то неосторожно позволил себе озвучить свою позицию и чуть было не получил в лице Майи...

Опять не так. Не врага, конечно. Потому что сложно себе представить, чтобы Майя кого-то ненавидела. Обидчиков "своих" детей она просто не замечала. Именно как на пустое место смотрела эта юная, но сильная женщина на людей, не считавших людьми ее воспитанников. Она как будто отвечала им тем же.

Причем — невзирая на ранг. Один из высоких екатеринбургских чиновников, построившихся в Синдеевке, как-то посетовал ей на неприятное соседство и потребовал ограничить "уродов" их внутренним двором. Ему не хотелось, чтобы его собственные дети видели эти "унылые лица". В ответ он услышал много интересного, да еще с такой презрительной интонацией, какую вряд ли вообще когда-либо слышал.

Разъяренный начальник обещал стереть с лица земли "синдеевский дурдом". И даже предпринял к этому определенные шаги. Вполне, кстати, мог бы преуспеть: подготовили, проголосовали, и порядок. Подумаешь, два дурдома слили в один. Так даже лучше: и управлять проще, и экономичнее.

Однако неожиданно машина застопорилась. И не где-нибудь, а в Москве, на самом верху. Прыткому же чиновнику в кабинете его начальника недвусмысленно объяснили, что проще ему самому покинуть Синдеевку, слившись с кем-нибудь таким же умным, чем еще раз задеть местных имбецилов.

Глеб бывал в детдоме довольно часто, сначала — по поручению Еремеичева, постоянно присылавшего бедолагам какие-то лесные вкусности, а потом и самостоятельно. Не сразу признался себе, что ему нравится, когда его кто-то радостно встречает. Хоть идиоты ему улыбаются.

А еще позже мысль об идиотах сама по себе отошла на задний план, здесь были, безусловно, люди.

Не сразу, но Железнов это понял. Сначала нутром. Потом — мозгами.

Эти дети на нормального мужика воздействовали неотразимо. Потому что базовый инстинкт нормального мужика — защитить и сохранить слабого. А эти ребята были максимально слабы и беззащитны. Соответственно, максимально тревожили базовый инстинкт Глеба.

Кстати, в "дурдоме" был и вовсе здоровый народец. Так, по зеленому двору, оглашая его звонкими воплями, постоянно носились три "близнеца": Славка, Колька и Ленка. Лет им было от девяти до одиннадцати, вечно чумазые, несмотря на все усилия довольно многочисленного персонала и лично Майи.

Железнов долго собирался спросить, как эта троица получила свои диагнозы, но все случаи не представлялся.

Представился же он с неделю назад, когда в детдом приехала очередная комиссия. "Банду" было не узнать: скорбно-депрессивные личики, тупая печаль на челе, ответы невпопад и безусловно дебильный смех не по делу.

"Вот же паразиты", — шепотом откомментировала вовсе не расстроенная Майя. Потом, когда гости уехали, объяснила. Конечно, дети нормальные, конечно, умные, но — прошедшие все этапы сиротского пути, начиная с Дома Малютки. Тут кто угодно имбецилом станет. Ведь человек — не машина. Чтобы задействовать данные Богом десять в четырнадцатой степени нейронов, маленьким человечком нужно постоянно заниматься. Не задействуешь — вместо головы будет просто кусок органической массы.

Этой троицей, хоть и с опозданием, все-таки занялись. И безграничные резервы мозга помогли им догнать здоровых сверстников. Попади они в другой "дурдом" — так бы и остались дебилами и имбецилами.

— И что теперь с ними будет? — поинтересовался Глеб. Они сидели на большом, нагретом солнышком, камне — ледник много таких протащил по Уральским горам.

— Не знаю, — вздохнула Майя. — Поставь им сейчас реабилитирующий диагноз, они уедут в обычный детдом. А они знают, что это такое. Вот и придуриваются.

— Но делать-то что-то надо...

— Родителей им новых искать. Усыновителей. Да только с нашими диагнозами на них заявок нет. Это же не Европа!

— А, может, действительно в Европу? — задумался Железнов.

— Может быть, — согласилась директорша. — Только вполне посадить могут за торговлю детьми.

— Да уж, — согласился Глеб. — Лучше пусть на Родине — имбецилами.

— И обидно опять же, — продолжала Майя. — Неужели мы сами своих детей вырастить не сможем?

— Ты — сможешь, — улыбнулся Железнов. — Кстати, как тебе все это удаётся? — показал он рукой на новый свежeverкрашенный корпус. — Может, ты — мафия московская?

— Ага, — сразу согласилась Майя, теряя интерес к разговору. — Ну, я пошла. Дел по горло.

И пошла. Обычной своей деловой походкой. По зеленой молодой травке, в синих джинсах в обтяжку и желтой курточке.

Но почему-то теперь Железнов долго смотрел ей вслед. А мысли были какие-то не деловые. Во всяком случае, уж точно не про заказ тарно-упаковочного оборудования для будущего синдеевского колбасного цеха.

Весна, что ли, действует?

13

Глеб был занят по горло.

Во-первых, выполнял текущую работу по еремеичевским делам — теперь они стали и его делами. Ягодный сезон уже начался, за всем нужен был глаз да глаз.

Во-вторых, готовился осенью открыть колбасное мини-производство. Еремеичев от своих слов не отказался — Железнов получал в этом предприятии долю. Часть ее оплатил деньгами, вырученными за "спортедж", часть — договорились компенсировать работой.

В-третьих, Глеб строил дом. Родительский полностью сгнил, жить в нем было нельзя. К счастью, дерево пока на Урале есть, а все столярно-плотницкие навыки Глеб, как выяснилось, не потерял.

Помогали ему два парня, присланные Иваном. Точнее, Глеб помогал парням: со стороны Еремеичева это была такая замаскированная форма материальной помощи. Гордый Глеб подумал — и принял ее. Он был уверен, что сумеет воздать своему новому шефу сторицей.

Кстати, помощников было гораздо больше, чем двое. Командированных парней поначалу, так же как и в первый раз Глеба, дауны из детдома напугали. Потом, так же как и Глеб, привыкли. И подружились.

Ребята, с разрешения воспитателей, приходили во всякий погожий день и оказались вовсе небесполезными на "стройке века", как называл ее Глеб.

Бригадир объяснял им их задачи, и пусть они были скромны, но выполнялись всегда ровно на сто процентов. Отнести, убрать, подмести, сложить — все делалось точно, четко и с улыбкой.

Улыбка вообще была фирменным знаком этих детей.

А когда в конце дня Глеб благодарил ребят за работу, они просто были счастливы. Глеб провожал их до детдома, и они болтали на всякие темы.

Развитие Феде было на уровне семилетнего ребенка. Хотя трудно сравнивать: Федя успешно изучал под руководством боготворимой им Майи Александровны... английский язык! Но принципиально не мог складывать и вычитать даже однозначные цифры.

Маринка была "ребеночком" лет пяти, если не младше. Зато ребенком чрезвычайно доброжелательным и веселым.

Вот и в этот раз Глеб проводил ребят до детского дома.

— Ну, спасибо! — поблагодарил он счастливых Федю с Маринкой, и, повернувшись, собрался было уходить, как нос к носу столкнулся с подъехавшими Еремеичевым и Майей.

— Пошли чай пить, — позвала в дом Майя.

Глеб не стал отказываться, хотя обратил внимание, что Иван не доволен этим. Глеба никогда не волновали такие мелочи.

Они пошли в маленькую, но уютную двухкомнатную квартирку директорши, пристроенную к главному корпусу.

Уже темнело. Из сарая негромко заржала лошадь.

— У вас теперь и конюшня своя? — засмеялся удивленный Еремеичев.

— Да, — гордо ответила Майя. — Благодаря Глебу Павловичу.

Лошадь в синдеевский детдом привел действительно Глеб пару недель назад. И стал, неожиданно для себя, главным участником почти медицинского эксперимента. Все началось с Марии.

Мария оказалась самым загадочным обитателем детдома. Конечно, и кроме нее были "жильцы" с проявлениями детского церебрального паралича, но она одна, во-первых, сохранила абсолютно развитый интеллект, а, во-вторых, годков ей было по-более, чем директору детдома.

ДЦП — такая подлая штука, которая отдельной болезнью, в общем-то, и не является. Это — сборный диагноз. Скорее, следствие, нежели причина. Кого-то сделали инвалидом стальные акушерские щипцы, кого-то — инсульт, кого-то — травма или внутречерепная инфекция.

Вот Леночка, например, скрюченная девчоночка лет одиннадцати, целыми днями сидит на теплом солнышке в своем кресле, отвлекаясь только на еду да на замену памперсов: сама ходить в туалет она не научилась, и уже, видимо, не научится. Действительно, растительный образ жизни. Жестокий и точный медицинский термин.

Поначалу, проходя мимо нее, Глеб старался ускорить шаг и отвести взор, пока не заметил, что она-то на него всегда смотрит и всегда, увидев, улыбается. О чем думает — неизвестно, но радуется — точно.

Непроизвольно начал улыбаться в ответ и он. А потом — рука машинально потянулась погладить ребенка по мягким темным волосам. И Глеб почувствовал, как ее щека доверчиво прижалась к его ладони.

Есть еще Петя. Вот уж про кого не скажешь, что он болен. Всегда аккуратный, отужженный, в чистой рубашечке и маленьких круглых очках. Будь ему тридцатник — вполне сошел бы за молодого, но продвинутого ученого. Однако Пете только десять.

Считать умеет, как арифмометр. Читает со скоростью, недоступной его педагогам. Наверное, и говорить умеет. Но никто этого не слышал.

Не хочет он говорить. Вообще общаться не хочет ни с кем, кроме самого себя. Это называется — аутизм.

Петя — единственный питомец детдома, к которому Глеб еще не привык. Уже не боится, но еще не готов любить.

А вот Мария, передвигавшаяся на инвалидной коляске с мотором и похожая на Бабу-Ягу, была очень злой женщиной. Ее боялся и ненавидел весь персонал. Не цеплялась перекошенная болезнью Баба-Яга только к больным детям. Да и чего к ним цепляться? Такие же, Богом обиженные.

Но больше всех доставалось почему-то Майе Александровне. Сварливый голос Марии вспоминал директоршу по поводу и без повода. Майя частенько плакала из-за этого, но ничего не предпринимала.

В изрядной степени усмирил Марию...Глеб!

Улучил время, когда Майи не было поблизости, а парализованная в очередной раз "мыла ей кости", подошел и посоветовал заткнуться.

Мария заткнулась. На две секунды, пока переосмысливала сказанное. После чего выдала новую тираду.

Железнов нагнулся к ней и тихо спросил:

— Боли в мышцах после укола проходят? Или, все-таки, нет?

Та опять застыла в недоумении. Потом ответила:

— Если бы Майка не жлобилась, проходили бы.

— Она не хочет, чтобы ты стала наркоманкой.

— А кому от этого хуже будет? — краем рта ухмыльнулась Мария.

— Тебе, кому же еще?

— Ей будет хуже! — выдохнула та. — Совість беднягу замучает!

— А ты — ведьма, — беззлобно проговорил Глеб. — Моя мама тоже была ведьмой. И бабушка. Если хочешь, приготовлю отвар. Он должен тебя расслабить.

— А что ты обо мне озоботился? — сварливо спросила Мария.

— Во-первых, жалко Майю, — честно признался Глеб. — А, во-вторых, почему бы не помочь dame, даже если она — стерва?

Мария внимательно посмотрела на него и неожиданно улыбнулась.

Глеб действительно нашел требуемые корни — не забыл за столько лет! — и приготовил зелье. Если бы Майя узнала — убила бы. Но не узнала. Правда, зелье не слишком помогло. Боли чуть ослабли, но не исчезли. Однако Мария на Глеба не обиделась, более того, стала гораздо менее озлобленной.

А вот Глеба неудача сильно задела. Залез в Интернет, купил даже книгу, рекомендованную в сайте. И скоро в детдоме появилась лошадь — старая, откровенно говоря, кобылка, а в перечне медицинских назначений — новый термин: гиппотерапия.

Глеб подсаживал Марию на кобылку, и лошадь тихонько трусила со своей невесомой ношей, удерживаемая под уздцы твердой рукой сына лесника. Впрочем, кобылка вряд ли была бы резвее даже без твердой руки.

Теоретики метода объясняли лечебный эффект тем, что верховая езда заставляет мозг инстинктивно координировать работу почти всех мышц. В случае с Марией гиппотерапия явного лечебного эффекта не дала, но для нее, как и для всех остальных обитателей синдеевского детдома, кобылка стала очередным чудом, серьезно расширившим их возможности в жестоком и неласковом к ним мире.

На лошадке с восторгом катались и Федя с Маринкой, и девочка-цветочек Леночка, и даже самоуглубленный и самодостаточный аутист Петя. Они же за ней и ухаживали: конюх, дядя Витя, помнивший еще Глебова отца, лично прихо-

дил обучать детей. Кузнеца же пришлось привозить из соседней деревни — профессия стала редкой.

После появления рыжей кобылки в детдомовском сарае директор Майя Александровна впервые взглянула на Глеба... не то чтобы заинтересованно, но как-то иначе, чем прежде.

И это было ему приятно.

...Они втроем прошли в комнату. Майя заварила душистый чай с мятой, включила немодную лампу под тканевым абажуром и подала пирожные, привезенные Еремеичевым.

Тут только обратил внимание Глеб, что Еремеичев принарядился: в черном костюме приехал, что отродясь за ним не водилось.

А Иван честно выпил два стакана чая, прежде чем приступил к главному.

— Лучше бы, конечно, без москвича, — пробормотал он, поглядывая на Железнова. — Ну да ладно...

— Ты чего, жениться решил? — вдруг дошло до Глеба.

Еремеичев злобно взглянул на него, а потом улыбнулся:

— Типа того. Вот, Майя Александровна, при свидетеле прошу у вас руки и сердца.

— Их обычно предлагают... — откомментировал Железнов, — а не просят.

— Тебя не спрашивают, — мгновенно среагировал Иван.

Майя застыла, не зная, как себя вести.

— Я, пожалуй, еще не готова.

Еремеичев расстроился, но не очень.

— "Не готова" — не значит "нет", — резонно заметил он.

Чаепитие продолжилось как ни в чем не бывало. А перед уходом, покидая Майину квартирку, Иван вдруг обернулся и проговорил:

— Только на этого столичного жителя не клюнь. Парень он хороший, но я пока не уверен, что он здесь надолго.

— Вообще-то, я здесь родился, — почему-то обиделся Глеб.

— Можно, я пока незамужней побуду? — разрядила ситуацию Майя.

— Можно, — разрешил Еремеичев, и они с Глебом ушли.

Через час Глеб вернулся. Тихонько постучал в дверь. Почему-то ему показалось, что его примут. Было такое ощущение.

Дверь открылась.

Майя стояла на пороге, обмотанная полотенцем — видно, только из душа. Ойкнула, увидев Железнова: думала, кто-то из дежурных воспитательниц.

А Глеб, вдохнув в себя ее запах, вдруг на мгновение потерял голову и двумя руками забрался под полотенце.

Отрезвила его крепкая пощечина. Извинился, повернулся и пошел к себе на стройку — спать.

День получился какой-то, прямо скажем, сумбурный.

14

Давно так не зашивался Глеб, как этим летом. По Еремеичевским, а теперь уже и своим, делам носился, как угорелый: ему тоже стали сниться бледные поганки в огромных грибоварных чанах. Ягодные дела, правда, уже заканчивались, теперь впереди только брусника да клюква. Зато грибы будут чуть не до самой зимы.

А зимой, даст Бог, появится деликатесная колбаса с маркой "made in Sindeevka".

На тяжкие душевные переживания у Глеба теперь просто не было времени. Даже с Майей он после своего неудачного ухаживания встретился лишь через неделю.

Она прибежала к нему на стройку поздним вечером и выкрикнула только:

— Ленка умирает!

Железнов мгновенно собрался, и они отправились вдвоем к детскому дому.

На врачей из города рассчитывать не приходилось. Ураганный ветер еще вчера оборвал телефонные провода, да и добираться долго — путь не близкий. Вечно пьяный фельдшер из поселка за Большой Болотиной тоже вряд ли поможет. Даже если придет.

Почему Майка побежала за Глебом — сказать сложно: в детдоме-то как раз свои медики были — пожилая тетечка-педиатр и один специфический специалист — дефектолог. Они крутились вокруг бездыханной Леночки, и было видно, что обе дамы здорово напуганы. Несмотря на тяжелые анамнезы пациентов, это была первая смерть в их детском доме.

Девочка не дышала. Ее и так бледная кожа теперь приобрела синюшный оттенок, характерный для сердечной недостаточности.

Еще полгода назад, оказавшись Глеб свидетелем подобного, подумал бы про себя: "Слава Богу, отмучилась". Теперь же он не хотел отпускать Леночку без боя.

Разогнав мельтешащих медиков, Глеб приложил руку к груди ребенка и неожиданно ощутил слабые, еле заметные толчки. Если это и была смерть, то еще не окончательная.

Конечно, открытый массаж сердца плюс хороший дефибриллятор были бы очень кстати — Глеб проходил медицинскую практику, ведь его готовили в лесники, а в тайге плоховато с медпомощью. Но и без дефибриллятора с "неорганизованными" сокращениями сердечной мышцы можно попробовать побороться.

Он начал массировать Леночку прямо через грудную клетку, стараясь мощнее воздействовать на мышцы и в то же время не сломать хрупкие ребра. Майка в такт его движениям делала ребенку искусственное дыхание рот в рот.

Минут через пять сердце снова заработало. Сначала робко, с перебойями, потом все увереннее. Еще через четверть часа личико стало терять синий оттенок, обретая обычные краски.

Леночка открыла глаза и слабо пошевелилась. Глеб сидел рядом, ждал, не смотря на завтрашний ранний подъем. Майка тоже примостилась сбоку, в кресле.

Чудес после клинической смерти никаких не произошло. Леночка не заговорила и с койки бодро не прыгнула. Однако глазами с Глебом встретилась, и Железнову уже не надо было объяснять, с какой целью спасают таких вот перспективных детей.

В следующий раз с Майей он встретился у себя в новом доме. Теперь не только крыша была на месте, но и стекла в окнах, и двери в дверных проемах. Можно сказать, предварительное новоселье.

Гостей только немного: Майка да Еремеичев.

Еремеичев притащил японский телевизор, сам приладил антенну на шест. Майка принесла шторы и... трехлитровую банку собственноручно сваренного варенья, чем вызвала гомерический хохот присутствующих: им по долгу службы приходилось пробовать аналогичное постоянно, причем в таких количествах, что глаза бы уже на него не смотрели.

Кошка пришла сама, трехцветная, в репейнике, наглая и веселая. С энтузиазмом жрала все: от упомянутого выше варенья до свежих огурцов. Солеными тоже не брезговала. Наевшись, залезла Глебу на колени и громко замурлыкала.

Железнов чуть не прослезился: свой дом, свой телевизор, своя кошка. Гораздо более свои, чем все оставшееся в Москве. Злость на Томку прошла, почему-то чаще стала вспоминаться не "сцена с ногами", а все хорошее, что связывало их долгое время. Но обратно не хотелось. В одну и ту же воду дважды не входят.

А, может быть, дело в Майе? Страсти, честно говоря, Глеб не испытывал, но ему хотелось заботиться о Майке. К Тамаре он почти не испытывал такого чувства.

Посидели, поболтали. Потом Еремеичев засобирался. Его неактивно угovarивали побыть еще. Но он ушел, показав Глебу на прощание здоровенный кулак.

Глеб рассмеялся.

— Ты чего? — не поняла Майка.

Вместо ответа он обнял ее и... никто ему не врезал. Даже тогда, когда ладони полезли под мягкую шерсть свитера. Только захолодела немного Майка. Аж дышать на мгновение перестала. Испугалась, что ли?

Он притянул ее к себе, мягко растегнув молнию на боку брюк. Они легко соскользнули вниз, сделав Майку какой-то беззащитной, но очень желанной.

И в этот момент громко включился телевизор.

— Еремеичев, сволочь! Сам не женился, и мне не дает! — только и смог сказать Глеб.

А испугавшаяся вначале Майка засмеялась.

Глеб шагнул вперед, чтобы вновь обнять девушку, однако внезапно остановился. До него дошел смысл сказанного с экрана.

Телевизор включился на криминальных новостях. Очередное убийство. Погибла проститутка. Типичный случай — очень опасная профессия. Оставалось только почувствовать девчонке, так и не дождавшейся лучшей доли. Если бы убитую не звали Аня. И если бы жила она не в Екатеринбурге. Камера "наехала" на измазанное кровью лицо убитой, и у Глеба исчезла последняя надежда на совпадение. Бесстрастный голос за кадром рассказывал о том, что девушка "работала" в Москве, уехала неожиданно оттуда, а потом, по словам подруги, ее искали люди, приехавшие на машине с московскими номерами. Журналист предположил, что у девушки остались какие-то столичные долги.

— Ты что, знал ее? — спросила из-за спины Майя.

— Да, — глухо ответил Глеб.

— Широкий круг твоих контактов.

— Анька из-за меня погибла. Над ней издевались, а я вступился. Вот результат.

— Не думаю, что ты виноват. Но думаю, что они захотят и тебе отомстить.

— Как они меня найдут? — усомнился Глеб.

— Не знаю. Ее же нашли.

— Нет, меня не найдут. Да и зачем я им нужен?

— А вдруг они успели вытянуть из нее, где ты находишься. Ведь эти люди прощать не умеют. Сам убедился. Надеюсь, ты в драку ввязываться не собираешься? — спросила Майя.

— Н-не знаю, — промычал застигнутый врасплох Железнов. Именно об этом он сейчас напряженно размышлял.

— Прощу тебя не делать этого, — тихо проговорила Майя. — Ей уже не помочь. А зло лучше не трогать.

— Ты выйдешь за меня замуж? — неожиданно спросил Глеб, снова обнимая ее плечи.

— Не сию минуту, — сказала она, ловко выворачиваясь из его рук. — Сейчас мне пора возвращаться.

— Но вообще-то — не против? — крикнул Глеб вслед уходящей Майке.

— Вообще — нет, — обернувшись, ответила она.

15

Впервые за последние полгода Глеб отдыхал, можно сказать, и телом, и душой.

Он присел на корточках и гладил нежно-упругий, чуть подсохший мох, словно это была его любимая собака. Затем лег на зеленый ковер и пару раз перекатился через спину.

Ему хорошо тут. Ему, наконец, стало хорошо.

Внезапно среди деревьев мелькнула фигурка Майи.

— Майка! — окликнул ее Глеб.

Она резко остановилась, взмахнула руками и бросилась прямо к Глебу.

Он видел, что она чем-то очень напугана.

— Что случилось? — спокойно спросил Глеб, слегка сжав узкие Майины плечи.

Он с удовольствием сжал бы их и покрепче и не только плечи, но хорошо помнил прежние неудавшиеся попытки.

— Тебя убивать приехали!

— Ого! — присвистнул Железнов. — Откуда такая информация?

— Я не дура, — огрызнулась Майка. — Телевизор вместе смотрели.

— Кто приехал?

— Двое. Один высокий, спортивный. Лицо злое. Второй — небольшой, полный, в очках, глаза противные. Гном комплексующий.

Глеб вздрогнул: не такое уж детальное описание дала девушка, а юрист фирмы, сначала нанявший Аньку на работу, а потом произведший с ней окончательный расчет, предстал, как живой. Значит, все-таки вытянули из Аньки, где он собирался осесть.

— На чем прикатали? — спросил он.

— На джипе импортном. У них ружья.

— Охотничьи?

— Короткие. С толстыми стволами. Они сразу к твоему дому пошли.

— Не волнуйся. Даже если они за мной — лес велик.

— У них — собака, — выдохнула Майя. — Она легко найдет тебя по следу. Ты слышишь?

Вдруг напоенный запахом смолы и грибов воздух дважды прорезал собачий лай.

— Все, — принял решение Глеб. — Тебе — туда, — и показал рукой на натоптанную лесную дорожку, шедшую в городок в обход Большой Болотины.

— Я останусь с тобой!

— Да ну! — усмехнулся Железнов. — Поразил-таки московский бизнесмен сердце сельской красавицы?

— Об этом мы потом поболтаем, — сверкнула глазами Майка.

— Вот именно. Потом. — Глеб развернул девушку лицом к нужному направлению и слегка подтолкнул. — Не останавливайся, не кричи. Никому ничего не рассказывай. Через два часа я буду у тебя.

— Они тебя убьют! — отбивалась Майя. — Я никуда не уйду!

Он закрыл ей рот ладонью и приказал:

— Вперед!

И строптивая Майка послушалась. Не оглядываясь, побежала в сторону городка. Несколько секунд — и она скрылась за ельником. Теперь можно было и о себе позаботиться.

Глеб думал, что легко обманет городских киллеров, но просчитался. Они прекрасно ориентировались в лесу, не хуже своего пса — натасканного спаниеля.

Если бы не он, Глеб сумел бы быстро от них уйти. А так — рано или поздно догонят. Уже дважды над его головой, сбивая ветки и хвою, пронеслись смертоносные картечины.

Глеб вдруг понял, что обманул Майку. Не встретятся они через два часа. "Охотники" сумеют выйти на него.

И тогда он свернул к Большой Болотине.

Тут подстерегали две опасности: первая — довольно длинный открытый участок, где его вполне могли подстрелить, и вторая — если все же удастся проскочить открытое место и выскочить на древнюю гнилую гать, то восемьдесят из ста — что он навсегда останется в вязкой трясине. Гать с тех пор вряд ли стала крепче.

Однако двадцать шансов из ста — это не ноль. И Глеб из последних сил рванул к гати.

На открытом месте преследователи успели выстрелить дважды. Первый заряд ушел в сторону. Две картечины из второго чуть зацепили Глеба, впрочем, не став помехой для его передвижения.

Он бежал к гати, как к спасению, пока не достиг ее. Оказалось, Глеб ничего не забыл: ни одного поворота, ни одного провала.

Преследователи тоже ступили на полусгнившие бревна гати, но она петляла среди чахлая болотной растительности, и новых выстрелов не было: наверное, бергли патроны. А, может быть, судя по подготовке, и знали, что войти на гать можно, а выйти с другой стороны — нет. Так чего торопиться?

Осклизлые черные бревна "дышали" под мягкими шагами Глеба, норовя разойтись там, где скреплявшие их скобы совсем перегнули.

Вот и первый провал. Он и тогда был провалом. Его можно или перепрыгнуть — что опасно, или просто пересилить страх и широко ступить в зыбкую жижу.

Что Глеб и сделал.

А вот убийцы решили прыгать. Железнов, ушедший на две петли вперед, наблюдал за ними, втайне надеясь на конец погони.

Надежды его в очередной раз не оправдались. Юрист уже приготовился к прыжку, но длинный напарник его остановил. Медленно и осторожно, сначала болотным сапогом, потом — коротким, видимо, подобранным на ходу, шестом, промерил глубину. И, конечно, наткнулся на древнюю гать.

Глеб аж сплунул с досады. С его наблюдательного пункта они были видны, как на ладони. Будь у Глеба хотя бы "мелкашка", с которой его батя добывал белок, киллеры сами стали бы легкой добычей.

Но ведь Глеб пошел за грибами. Да и не за грибами даже. А просто насладиться воздухом и природой. В такие минуты не думают о карбине.

Погоня продолжилась. Второй разрыв был преодолен, как и первый. Идти пришлось аккуратней, в "нижней" гати имелись маленькие пробелы. Глеб прошел. Прошли и преследователи, только юрист остался без сапога: засосала-таки

трясина. Но упорный, черт, не остановился, пошел дальше. А, может, боялся в одиночку возвращаться?

Третий провал обходить надо было с помощью растущей на случайном острове высокой березы. На ней специально висела веревка, чтобы зацепить ее длинной палкой, ухватиться покрепче и пролететь разбитое место. Гать здесь тоже закруглялась, так что шансы остаться после полета живым были неплохие. Веревку последний раз менял еще батя, и у Глеба вдруг появилась уверенность, что все кончится хорошо.

Здесь же, на бревнах гати лежала длинная палка из лиственницы. Ее полагаюсь, после того, как подтянул к себе веревку, положить на гать, для следующих путешественников.

Палке было лет тридцать, но потому и выбрали лиственницу, что она чем дольше мокнет, тем тверже становится.

Глеб подтянул веревку, широко размахнувшись, забросил палку в болото — она, странно глюкнув, медленно скрылась в жиже — и, разом вдруг вспомнив, казалось, навсегда забытые слова молитвы, с разбегу метнулся через пролом.

Веревка с отвратительным звуком треснула, но выдержала, опустив Глеба на грязные бревна второй стороны провала.

— У-ух! — только и выдохнул Железнов.

Зря он рассчитывал на эту преграду. Толстяк с легкостью, подхлестываемой злобой, перелетел разрыв. Веревку они подтянули и без палки, связав шест, ружье и шомпол. Потом мастерски, как циркачи, обменялись "посылками": толстяк получил с того "берега" свое ружье, а туда ловко метнул веревку с привязанным шомполом.

Глебу надо было бежать дальше: ведь неизвестно, что ждало его впереди. Вряд ли Вовка погиб на этих препятствиях, заранее не раз оговоренных и нанесенных на "карту". Но ноги вдруг отказали, и он решил секунду передохнуть.

Длинный прыгнул без раздумий, хорошо оттолкнувшись от сохранившихся бревен. И будь желанная траектория прямой, упал бы точно на бревна. Но гать изгибалась, и веревка должна была эти изгибы повторять. Она их и повторяла, пока не лопнула.

"Привет от бати", — подумал Глеб. Упавший в трясины длинный киллер больше не думал о задании, медленно, но неумолимо погружаясь в полутвердую бездну.

— Тащи меня, сука! — кричал он юристу. Тот не торопился, спокойно оценивая ситуацию: напарник упал далековато от бревен, и спасать его было рискованно.

Длинный ушел уже по грудь. Поняв, что юрист не собирается помогать, дико закрутил глазами и попытался прицелиться в него из удерживаемого правой рукой "помповика".

Юрист не стал искушать судьбу и выстрелил первым. Потом спокойно дозарядил магазин.

Глеб тоже не стал искушать судьбу и рванул дальше. Он уже слышал шум машин на окраине городка. Еще метров пятьсот — и покажется их старенькая деревянная школа, ставшая офисом Еремеичева филиала.

Железнов шкурой ощутил возвращение жизни.

Поворот.

Еще поворот.

И...

Этот прогал и с веревкой не перепрыгнуть.

Вот где нашел свою могилу Вовка.

Десять метров буро-зеленой жути. Слева прогала параллельно шли три сухих на вид островка. Но, во-первых, сухих на вид. Во-вторых, до первого — метров десять, и между ними метров по семь, если не больше. Не допрыгнуть. Он же не Боб Бимон.

Может, сработает старый прием? Глеб, держась за бревна гати, ногой попытался промерить глубину жижи. Дна не достал, а вот ногу вытащил с большими усилиями, уже слыша, как сзади пыхтит преследователь.

“Жертва и убийца — на одном острове. Впрочем, оба — жертвы” — мелькнула мысль. Да нет, жертва будет только одна, второй начнет стрелять. Рано или поздно в городке услышат, принесут слезы, веревки, и счастливо спасенный турист будет рассказывать в Москве про свои приключения.

Нет, так не годится. Надо что-то придумывать.

Он лихорадочно осмотрелся по сторонам.

Что за черт! На первом островке довольно отчетливый волчий след. И на втором! И на третьем! Как они туда попали? Без разбега такой прыжок даже для волка невозможен!

“Значит...” — осенила догадка.

Глеб подошел к боковому краю гати и после пяти секунд поисков нашел старые бревна. Они вели к первому островку. Замазав веткой следы, также прямо по хляби, точнее, по скрываемым ею бревнам, он добрался до второго. Потом — до третьего. Оттуда, уже не рискуя, прыгнул на берег, уцепившись за ветви густо растущего ивняка.

Все. Спасен.

А вот и юрист.

Добрался до конца гати, растерянно завертел головой.

— Эй, ты! — закричал он в лес.

— Тут я, — вышел на открытое место Глеб, в любой момент готовый отскочить за толстый ствол.

— Как ты прошел?

— Сам догадайся, — рассмеялся Железнов.

— Сволочь, — выругался юрист. Но тут же сменил тон: — Послушай. Мы квиты. Покажи, как мне отсюда выйти, и мы квиты. Я даже денег заплачу.

— А Анька? — спросил Глеб.

— Что Анька? Какое тебе дело до Аньки? Она даже с тобой не поехала.

— Нет, Анька тоже в деле, — упрямо качнул головой Глеб.

— Хорошо, заплачу и за Аньку.

“Надо торговаться, — подумал Глеб. — А то не поверит”. И вслух спросил:

— Сколько заплатишь?

— Двадцать тысяч.

— А за Аньку? — не отставал Железнов.

— Десяткой обойдется.

— Итого — тридцать, — задумался Глеб. — Неплохой бизнес.

— Ты не ломайся особо, — крикнул юрист. — Здесь до города близко. Буду стрелять, орать, все равно кто-нибудь услышит.

— Вполне может быть. Утром помогут. Как тебе ночка на болоте? Да еще если дружок твой вылезет.

Юрист задумался. Действительно, начинало темнеть.

— Ладно, я согласен. Тридцать “кусков”, — пробурчал он.

— Американских.

— Понятно, что не монгольских. И мы квиты.

— Хорошо, тогда ствол — в воду.

Толстяк размахнулся и безропотно кинул помповик в жижу. Та алчно чавкнула, неторопливо приняв оружие в свои мягкие объятия.

Юрист ошибся — не надо было так размахиваться. Или, если уж выбросил ружье, выбросил бы и пистолет, мелькнувший под курткой в наплечной кобуре.

Теперь все понятно. Выйдет на сушу, убьет Глеба, затащит в болото — и вот тогда действительно квиты.

Нет, этот юрист определенно был мужик, хоть и со знаком минус. Вот почему его нельзя оставлять живым.

— Короче, здесь все просто, — усмехнулся Глеб. — Ты бы и сам догадался. Все, как на первом прогале. Можешь просто спокойно идти вперед. Прямо до берега. — И откровенно рассмеялся: — За тридцать-то тысяч долларов можно и по воде аки по су-ху!

Юрист побледнел от ярости, выхватил пистолет и, не разбирая дороги, рванул к берегу. Тонуть начал сразу. А поскольку шаг сделал широкий, то шансов у него не было. Никаких.

Он плакал. Ругался. Умолял. Стрелял по кустам, в которых прятался Глеб, и снова плакал и умолял.

Потом смолк.

Глеб, пошатываясь, пошел к городку. У окраины встретил участкового с карабином.

— Вы ничего не слышали, Глеб Павлович?

— Стрельба была на болоте, — честно ответил Железнов. — Не иначе приезжие охотники заблудились. Я пытался пролезть, да сами знаете, что такое Большая Болотина.

— Да уж, — согласился многоопытный милиционер, — местные сюда за деньги не сунутся. Надо бы оградить эту трясику.

— Надо бы. Если помощь понадобится — скажите. Всегда помогу.

— Спасибо, Глеб Павлович, — поблагодарил старлей.

Глеб зашел в магазинчик, купил водки и консервов, после чего усталой походкой направил стопы в Синдеевку.

Пошел дальней дорогой. По лесу — не хотелось.

16

В Синдеевке декабрьские вечера — длинные, тягучие. И если б не Майка рядом, можно было бы сказать — тоскливые. Особенно после летнего сумасшествия.

Грибы кончились только в начале октября, и то самые трудолюбивые сборщики пытались сдать добычу, изъятую чуть ли не из-под снега. Клюква шла до холодов. Когда морозы "подцементировали" болота, стало даже удобнее.

Примерно в это же время Глеб запустил колбасный заводик. Еще один запускал сам Еремеичев, но упаковкой и рекламой занимался все равно Железнов. Именно он уговорил Ивана потратить серьезные деньги на закупку флексоустановки, и теперь они не только печатали оболочку и наклейки для себя, но и для двух Ванькиных друзей-конкурентов. А это так приятно — получать живые деньги с конкурентов!

Впрочем, рынок пока был явно не насыщен, места хватало всем.

Но речь не об этом. А о том, что Глеб кое-чего не знал. Например, того, что Томка нашла его адрес, но писала и звонила не ему, а, быстро выяснив ситуацию, прямо Майе.

Тамара, как могла, — а она могла быть убедительной, — объяснила, что Глеб принадлежит ей, что он — ее, до кончиков ногтей, и что она его все равно заберет. А потому не следует затевать с ним ничего серьезного, так как все равно — не надолго.

Майка не боялась соперничества с Тамарой. Майка боялась соперничества с Москвой. Если Глеб вдруг ощутит, что настоящая жизнь — не здесь, он все равно не сможет быть счастливым.

Глеб не знал всех этих деликатных подробностей, но процесс некой "ломки" все-таки пережил. Правда, вовсе не так тяжело, как опасался. Во-первых, даже в зимнем застое дела все-таки были. Они с Еремеичевым не собирались останавливаться на достигнутом, да и достигнутое требовало постоянного пригляда. Во-вторых, он встал на подаренные ему Еремеичевым охотничьи лыжи и впервые после того дня, когда к нему приехали московские "гости", отправился в лес.

Ружье не взял. Пошел просто так, подышать. Вернулся только к вечеру, усталый, замерзший. Но — счастливый.

После этого похода Глеб успокоился окончательно. И время от времени проистекавшие скучные моменты пугали его гораздо меньше. Теперь он точно знал, что настоящей тоски не будет.

В данный момент Железнов был занят важным делом: укреплял лично срубленную пушистую елку на прочное основание-крестовину. Ему активно помогали человек десять воспитанников, и самое сложное было организовать эту помощь так, чтобы он все-таки мог заниматься делом. Елку Глеб принес с запозданием, очень долго выбирал. А ее еще надо украсить игрушками, потому что Новый год — это такой замечательный праздник, особенно для детей.

Ну, вот, елка укреплена. Он призвал на помощь "близнецов", и те начали украшать деревце, следя за справедливостью процесса: каждому должна была достаться часть приятного дела.

Хорошие ребята, еще раз оценил Глеб "близнецов". Все повидали, все испытали. Но не озлобились и не "скрысились". Может, вырастут — продолжат дело Майи Александровны, которую не просто любят — боготворят.

А вот и она сама. Подошла к елке, обняла кинувшихся к ней детей и повернулась к Железнову.

— Глеб, есть разговор.

Глеб напрягся, даже в животе заныло. Так же она начала, когда пришла сообщить о смерти Леночки.

— Что случилось?

— Нет, нет, ничего страшного, — поспешила успокоить его Майя. — Просто к тебе приехали.

— Кто?

— Иди домой, — уклонилась она от прямого ответа.

— Ружье брать? — спросил он, намекая на прошлых гостей.

— Не надо. Думаю, так справишься.

"Что за секреты?" — недоумевал Глеб, преодолевая четыреста метров до своего дома. Казалось, между ним и Майей уже и секретов не осталось. Он рассказал ей все. И в ответ тоже узнал много необычного. Например, то, что скрюченная баба-Яга-Мария — родная Майкина сестра. Старшая. Она родилась, когда родители были еще студентами. По настойчивым советам медиков они решили отдать большую дочку в соответствующее учреждение. Кто их за это осудит?

Потом родился мальчик, Сергей, совершенно здоровый ребенок. Сейчас торгует дорогими автомобилями. Превратился, как и папа, в крутого бизнесмена, не только

с деньгами, но и с большими связями — всем нужны “мерседесы”. Но при этом всегда оставался любящим братом — он уже приезжал: посмотреть, на всякий случай, на Глеба.

А еще через десять лет родилась Майка, любимица семьи, которая росла в нежности и уже в роскоши.

Но, как водится, не в коня корм. С детства таскала домой покалеченных кошек и птичек. Искренне страдала, когда вылеченная кошка жирала вылеченную птичку. Мучилась несовершенством мира, но вовсе не собиралась пускать его развитие на самотек.

И вот такой человек — добрый, чистый, и богатый! — вдруг узнает страшную семейную тайну.

Она перевернула Майкину жизнь, в итоге приведя ее сюда, в Синдеевку. Здесь деньги и связи ее семьи помогли строить тот мир, который Майе казался правильным.

Погруженный в раздумья, Глеб и не заметил, как подошел к своему дому, где его ждал сюрприз — прямо перед домом стоял голубой “лэндкрузер” Тамарки.

Ни в машине, ни рядом никого не было. Значит, Томка в доме. И, значит, встретила ее Майя — кто-то же должен был открыть дверь, а у Майки есть ключ. И последнее “значит”: значит, две женщины его судьбы друг с другом уже общались. Вот ведь забавно!

Он поднялся по ступенькам и зашел в дом. Снял дубленку, ботинки, развернулся и... на шею повисло теплое, родное существо! Томка целовала его в губы, в щеки, в глаза. И плакала при этом.

— Ну, ладно тебе, Томчик! — ласково успокаивал он жену. Злости уже не осталось, одна только жалость. Ведь наверняка готовилась Томка к встрече, а на макушке — седая прядка.

— И это все? — улыбнулась, подняв голову, Тамарка.

Нет, жалеть ее еще рано! Кошка! Точно кошка! Одним длинным движением скинула с себя и блузку, и юбку, прижалась к Глебу всем телом и... мир поплыл!

Остановился он только минут через пять. Они лежали в расстеленной постели, застланной нежным, шелковым, привезенным Томкой бельем, (“Все предусмотрено!” — мелькнула мысль), и курили одну на двоих сигарету.

— Ты мой милый, — шептала Томка. — Ты — мой, никому не отдам.

— А где водитель? — вдруг спросил Глеб.

— Нет водителя. Я сама за рулем.

— Как — сама? — поразился Глеб. — Ты же никогда далеко не ездила без водителя!

— Значит, когда-то надо начинать, — улыбнулась жена.

— Ну, даешь, — покачал головой Глеб. — Полторы тысячи километров!

— Ничего страшного, — озорно махнула головой Томка. — Вчера днем выехала, машина — автомат, только дави себе на педали.

— А если б сломалась в дороге?

— Новые “лэндкрузеры” не ломаются, — даже слегка обиделась Тамара.

— У тебя новый? — удивился Железнов.

— Ага. Просто того же цвета. Я ведь теперь богатая.

— С чего бы это? — недоверчиво хмыкнул Глеб.

— Слушай, Глебка, — серьезно начала Томка, сев на кровати. — Ты прости меня.

Я ведь никого не люблю. Только тебя. Я с ним ни разу не виделась после того, как ты ушел. — Имя не называлось, но и так все было понятно. — Мне больше никто не ну-

жен. Только ты. А деньги — по новым заказам. Это только моя работа. Никто не помог. Ты не веришь?

— Верю, — тихо ответил Глеб.

Томка попыталась еще раз приласкать мужа, но, не почувствовав встречного влечения, как ни в чем не бывало начала приводить себя в порядок.

— Сейчас мы чайку попьем, — сказала она, смешно выговаривая слова, так как мешали две длинные шпильки, — и поедем.

— Чайку попьем, — согласился Железнов.

Они сели за деревянный стол, сколоченный — и красиво сколоченный — лично Еремеичевым, и приготовили себе чай. Чайник, правда, в домостроевский стиль не вписывался — обычная бытовая электроника из магазина "колониальных" товаров. Зато варенье было Майкино, вручную собранное и на домашней плите сваренное.

— Вкусно, — похвалила Томка варенье.

— Ага, — подтвердил Глеб. И больше ничего не добавил, чувствуя почему-то какую-то непонятную неловкость перед Майкой.

— Здорово тут у тебя, — продолжила Тамара. — Дышится легко.

— Бревна сам выбирал, — похвастался Глеб.

— Да, у тебя оказалось много скрытых талантов, — согласилась жена. И вдруг спросила в упор: — Поехали домой, ладно?

— Как? — опешил Глеб.

— Встаем — и сразу едем. Паспорт только с собой возьми, если ночью останавливаться придется.

— Ну, ты даешь! Я не могу просто так взять и уехать.

— Почему?

— Потому что здесь моя работа, — начал перечислять Глеб.

— Она и останется твоей! — горячо заговорила Томка. — Я действительно заработала кучу денег. Выкупим у твоего партнера равную долю, найдем менеджеров.

— Потом, здесь мой дом.

— Будем приезжать сюда на лето. Да и зимой можно, на лыжах кататься. Дом очень хороший. А хочешь, — вдруг загорелась Томка, — его можно разобрать и перевезти в Подмоскowie. Участок купим, какой сам выберешь.

— Ты как ребенку игрушки сулишь, — беззлбно улыбнулся Глеб. — Но я уже не ребенок, Томка. У меня у самого тут дети, — неожиданно добавил он.

— Какие дети? — насторожилась жена.

— Настоящие. Двадцать семь человек. А было двадцать восемь, — горько вздохнул он.

— А-а, ты про этих, — облегченно произнесла Томка и тут же поправилась: — Я не против помогать этим детям.

— Им не деньги нужны, — скривился Глеб.

— Да, жизнь им посвятить я не готова, — честно созналась Тамара. — Но ведь и ты не готов! А зима только начинается, и она здесь длинная!

Они сидели, разговаривали, пили чай. После третьей чашки пить уже не хотелось. Но Томка боялась услышать окончательное "нет", а Глеб боялся его выговорить: он отлично помнил про ее порок сердца. "А, может быть, дело не в Томкином сердце? — мелькнула мысль. — Может, он тоже хочет оттянуть миг окончательного решения?"

— День-то к концу идет, — вслух заметил Глеб. Они вышли на крыльцо. Еще было светло, но солнце стояло низко, подкрашивая розовым облака на западе. Прият-

С ЮБИЛЕЕМ, КОЛЛЕГИ! ЖУРНАЛУ "ЖУРНАЛИСТ" ИСПОЛНИЛОСЬ 90 ЛЕТ

1 января 1914 года (14 января по н. ст.) в доме № 25 в квартире № 8 на Старом Арбате в семье Общества деятелей периодической печати от 44-летнего профессора Владимира Максимовича ФРИЧЕ родился журнал, названный простенько и со вкусом — "ЖУРНАЛИСТ".

А вот цитата из первого номера...

"...Если нелегка доля столичных журналистов, то в провинции, в особенности в ее отрезанных от культуры глухих уголках, положение работников пера часто равносильно нужде и несправии, которым нет конца"...

Когда это писалось? В 1914 году или в 2004-ом? Впрочем, сегодня "Журналист" выходит без белых цензурных дыр, которых в 1914 и 1915 гг. было множество (все-таки шла война).

А возродившись после революции, издание именовалось по-разному: и "Большевистской печатью", и "Советской печатью", пока в 1967 году не вернулось журналу родовое имя — "Журналист". С этого момента издание стало то прямо, то косвенно исповедовать демократические корпоративные принципы.

Сегодня это смелый и независимый журнал, с мнением которого считаются в журналистском сообществе, на который ориентируются и друзья, и конкуренты. С минувшего года с изданием можно знакомиться и на сайте: www.journalist-virt.ru.

Поздравляем с юбилеем все журналистское сообщество и, конечно, коллег из "Журналиста". Считаете себя ледоколом и флагманом? Тогда продолжайте колоть льды и быть впереди. Старикам везде у нас дорога. А мы уж с нашим 80-летием постараемся жить весело и свободно в вашем фарватере.

Редакция журнала "СМЕНА"

но пахивало дымком из труб. — Придется тебе оставаться на ночь. Хочешь — здесь, хочешь — в гостиницу поселковую отвезу.

— Нет, — тихо проговорила Томка. — Уеду я сегодня. Сейчас. С тобой или без тебя. Но хочу с тобой.

— Я тебя провожу, — твердо сказал Глеб, и слова стали ответом. Лицо Томки огорченно скривилось, как-то сразу состарилось. На глазах появились слезы.

— Ты, конечно, сам решишь, как тебе жить. Тем более, что я так обидела тебя. Но сделай для меня маленькое одолжение.

— Какое?

— Сядем в машину вместе, выедем вон туда, — показала она рукой за деревню, — и ты сам у себя спросишь. И сам себе ответишь. Остальное — дело техники.

— Я думаю, не стоит. И на ночь глядя ехать тебе тоже не стоит.

— Это уже мне решать, — мягко ответила Тамара. — Ты решаешь за себя, я — за себя. Сделай, как я прошу. Притворись, что уезжаешь со мной. И возьми с собой паспорт, это ведь не сложно.

Глеб оделся, Томка тоже мгновенно собрала вещи.

Через минуту огромный джип уже плавно пробирался по узким деревенским улочкам.

Внимание – радон!

Кора Земли с момента образования содержит радиоактивные элементы, которые создают естественный радиационный фон. Как оказалось, особая роль в этом фоне принадлежит радону, вклад которого составляет около 54%.

Радон — инертный тяжелый газ, в 7,5 раз тяжелее воздуха. Он не имеет вкуса, цвета и запаха, хорошо растворяется в воде. Радон входит в цепочку радиоактивного распада, начинающуюся с Урана-238 и заканчивающуюся Свинцом-206. Как и его "родители", является излучателем α -частиц. Следуя цепочке радиоактивного распада, он производит семейство других источников α -частиц. Их в целом называют дочерними продуктами распада (ДПР).

В замкнутое воздушное пространство (жилые дома, больницы, учреждения, магазины, закрытые манежи, подземные шахты) радон поступает либо через фундамент и пол из грунта, либо из материалов, примененных в конструкции. Уровни радона возрастают, если помещения не подвергаются вентиляции или если скорость ее недостаточна. В зонах с умеренным климатом концентрация радона в закрытых помещениях в 8 раз превышает наружную концентрацию.

Другой источник попадания радона и его ДПР в жилые помещения — наружный воздух, природный газ, используемый для приготовления пищи и отопления, вода для питья и других нужд. При этом особую опасность представляет вода из глубоководных колодцев или артезианских скважин. Следует помнить, что при кипячении значительная часть радона и его ДПР улетучивается. Существенную опасность представляет попадание паров воды с высокой концентрацией радона в легкие человека вместе с вдыхаемым воздухом в ванной комнате. При этом биологические последствия воздействия радона и его ДПР, содержащиеся во вдыхаемом воздухе, связаны с воздействием испускаемых α -частиц на бронхиальные клетки.

Для мониторинга содержания радона и его ДПР используют приборы, измеряющие объемную активность (длительность измерений — от нескольких минут до нескольких суток). Таковым является прибор, выпускаемый фирмой **"КВАРТА-РАД"**: детектор-индикатор радона **КВАРТЕКС РД 5400**.

В отличие от большинства аналогичных приборов детектор-индикатор радона **КВАРТЕКС РД 5400** прост в эксплуатации, а по техническим характеристикам не уступает им. В нем отсутствует принудительная промывка воздуха в камере. Анализируемый воздух поступает в измерительную камеру детектора через аэрозольный фильтр за счет свободной диффузии, что не требует специального устройства и удешевляет прибор. Прибор работает в трех режимах: пороговой индикации, текущей индикации и просмотра. В режиме пороговой индикации используется цветовая гамма, что упрощает работу с прибором. Автономное питание прибора позволяет эксплуатировать его в условиях, где отсутствует стационарное электропитание.

Детектор-индикатор радона **КВАРТЕКС РД 5400** может быть использован для оценки плотности потока (или скорости выхода) радона с поверхности (из почвы) земли, допустимые уровни которого не должны превышать 80 мБк/м²с.

Детектор-индикатор радона **КВАРТЕКС РД 5400** поможет вам в обеспечении радиационной безопасности. Не жалейте средств на его покупку. Помните, что радон с воздухом может попасть внутрь организма, что совсем нежелательно!

Наш адрес и контактные телефоны:

ООО "КВАРТА-РАД"

115409, Москва, Наширское шоссе, дом 31, корп. 44А

Тел.: (095) 323 91 14, тел/факс: (095) 324 54 62

Железнов не стал оборачиваться или смотреть в зеркальце. Он и так знал, что из детдомовского окна на темную в начинавшихся сумерках машину пристально смотрит как минимум один человек.

“Лэндкрузер” остановился прямо на пустынной дороге. Томка выключила мотор. От деревни — километр. От леса — десять метров: над дорогой нависал поросший сосняком и ельником высокий холм.

— Ну, вот, милый, — начала она. — Решай. Неужели ты сможешь жить тут всю жизнь?

Глеб обернулся. В избах зажглись желтые электрические светлячки. В дальнем конце деревни ярко светились окна детского дома.

Ему вдруг и в самом деле захотелось пройтись по запруженной народом, ярко освещенной Тверской, спуститься в феерические катакомбы Охотного ряда, оказаться в строгой роскоши Большого.

— Поехали, Глебка! — взмолилась Томка. — Все плохое забудется. А мы останемся. Хочешь, я попробую тебе родить?

— Тебе опасно рожать, — машинально ответил Глеб. Конечно, дело не в опасности. Жить тоже опасно, но живут же.

— Придумаем что-нибудь! — на подъеме продолжала Тамара. — Тройх тебе рожу. Вот! Ну, поехали, Глеб? — И, не дожидаясь ответа, включила мощный двигатель.

— Нет, Томка. Я остаюсь, — мягко, но твердо произнес Глеб. Открыл дверцу, легко прыгнул на снег. — Пассажира сошел, Томка.

Тамара тоже вышла из машины, обогнула огромный “лэндкрузер” и подошла к мужу. Теперь она плакала, не скрываясь и не боясь, что слезы испортят макияж. Она обняла его, он — ее.

Томка подняла голову:

— А если я здесь останусь?

— На ночь? Конечно! Не в темноту же ехать.

— Ты все понял, Глебка, не придуривайся, — всхлинула Тамара. — Если я навсегда здесь останусь?

— Нет. Этого делать не стоит.

— Ну, значит, так тому и быть, — улынулась Томка сквозь слезы. Эта женщина умела держать удар. — Я поехала, Глебка.

Она закрыла глаза, прижалась губами к его губам. И сама же первая отшатнулась. Села за руль и помахала ему рукой в перчатке. Слоноподобный джип, фыркнув мощнейшим дизелем, тронулся по скрипучему снегу, разрывая перед собой тьму двумя ксеноновыми снопами света.

Железнов остался один. Постоял немного, пока совсем не исчез шум удалявшейся машины.

Темнота и тишина навалились одновременно. Но если темнота хоть чуть-чуть разбавлялась небесным светом, да дальними огоньками Синдеевки, то тишина была полной.

Глеб повернулся и зашагал в сторону дома. Его шаги гулко отдавались в темноте. Сверху на него смотрели густо высыпающие звезды и еще не набравший силу серпик луны.

А с заросшего лесом пригорка — внимательные желтые глаза, одинаково хорошо видевшие и днем, и ночью.

Волк дождался, пока Глеб дошел до околицы, после чего неуловимым и абсолютно бесшумным движением исчез, растворился в ночи.

А, может, его и не было вовсе...

МОЛОДОЙ БУЛЬВАР

133-185 стр. ↑

Проект
осуществляется
при поддержке
Министерства
Российской
Федерации
по делам печати,
телерадиовещания
и средств
массовых
коммуникаций

Сергей Борисов

Николай Куракин

Полина Теслер

**"СМЕНЕ" -
восемьдесят!**
Много или мало?

Если говорить о человеке, то, наверное, много. Если о "Смене", то нет. Она, безусловно, молода и в расцвете сил. **Год назад у нее появился ребенок "Молодой бульвар". И от его имени мы поздравляем наше любимое издание и желаем ему долгих, счастливых лет жизни, творческих удач и благополучия. Мы хотим видеть "Смену" красивой, доброй и мудрой.**

В начале прошлого века поэт Владимир Маяковский сказал: *Шагать еще далеко, Надо взять не одну стену. Будь готов сменить стариков, Читай и выписывай "Смену"!* "Молодой бульвар" всегда готов! И не только "читать" и выписывать журнал "Смена", но и писать для него материалы о замечательных людях, увлекательных событиях, рассказывать на его страницах обо всем новом, интересном и стильном. Нам хорошо с тобой, "Смена"! С днем рождения, дорогая!

Авторы "Молодого бульвара"

A portrait of a young woman with dark hair and sunglasses on her head, set against a large, stylized orange and red flower background.

Софья Стебловская

A portrait of a young woman with blonde hair, set against a large, stylized blue flower background.

Светлана Большакова

A portrait of a young man with glasses and a beard, set against a large, stylized green and white flower background.

Александр Лебовский

A portrait of a young man with dark hair, set against a large, stylized yellow and orange sunflower background.

Алексей Ключников

A portrait of a young woman with reddish-brown hair, set against a large, stylized pink and white flower background.

Марина Фетисова

A portrait of a young woman with short dark hair, set against a large, stylized purple flower background.

Татьяна Красносельская

■ Надо сказать честно, чего уж тут скрывать, — большинство моих сверстников — типичные прожигатели жизни или, проще говоря, бездельники: болтаются по клубам, кино, кафешкам, боулингам и прочим развлекательным заведениям или тусуются по домам, когда сваливают предки. Как ни странно, среди тусующихся большинство мальчиков, которые, по идее, уже сейчас должны упорно прокладывать себе дорогу в будущую жизнь. Ведь именно им придется содержать семью, отвечать за ее достаток. Девочкам же, как считалось раньше, намного проще в этом плане, потому что у них есть всегда один запасной вариант — удачно выйти замуж. Однако, то ли девочки насмотрелись на бездельников-мальчиков и поняли, что ждать от них нечего, то ли с мозгами получше, но большинство девушек пекется о своей работе гораздо больше, чем представители сильного пола. Некоторым приходится преодолевать множество трудностей, менять работу за работой для того, чтобы, наконец, стать независимой от родителей и самостоятельной во всех отношениях. Другим удача сама идет в руки, но, думается, тоже не случайно.

Знакомьтесь, Ирина Авруцкая — одна из них.

— Ирина, ты считаешь себя удачливой?

— Для меня удача — это не счастливый случай, посланный Провидением, а мои способности и кропотливый труд, приложенный для достижения цели. Со стороны может показаться, что я и пальцем не пошевелила для осуществления своих планов. Однако за всем моим везением стоит огромная работа.

— Докажи!

— Без проблем. Все началось в седьмом классе, именно тогда я стала отличницей. Мой папа окончил школу с серебряной ме-

Удачливая

далью, и я решила, что такая медаль должна быть и у меня. Поставила себе цель и добилась ее, хотя, порой ленилась и жалела, что связалась с этой чертовой затеей. Со стороны всем казалось, что я очень способная и мне все легко дается.

— А почему тянула не на золотую?

— Ну, я ж пообещала себе серебряную, как у папы, чем и горжусь. Потом в нашей стране серебряных медалей намного меньше, чем золотых, и это уже уникально. И вообще серебряные медали вызывают большее доверие. Они надежнее, что ли.

— Итак, ты окончила школу с серебряной медалью...

— И еще в одиннадцатом классе поступила в Академию туризма, очень быстро начала лидировать там по всем предметам, несмотря на занятость в школе, чем завоевала всеобщее уважение и у сокурсников, и у преподавателей. Казалось, что все решено и нет проблем. И вот здесь мне стало ужасно скучно. От Академии туризма я ждала большего. Тогда сформулировала для себя вторую большую цель: свалить отсюда.

Я узнала о существовании Международного университета, что там есть факультет: предпринимательство в культуре. Я записалась на собеседование к декану, принесла ему свой пятерочный аттестат, зачетку из Академии, тоже с хорошими оценками, и сертификат об окончании кембриджских курсов английского языка в Москве. Этого оказалось достаточно, чтобы меня зачислили на второй курс.

— Второй курс, новая программа. Наверное, нелегко пришлось?

— Первое время было очень трудно. Сдавала огромное количество предметов за первый курс, параллельно изучала програм-

девочка

му второго. Но нет худа без добра. Благодаря знанию двух иностранных языков (я училась во французской школе, и язык мне давался достаточно легко), мне предложили участвовать в практических заданиях.

— И в чем же заключалась практика?

— Ну, например, участвовала в презентации валюты еуро в театре Васильева. Жутко пафосное мероприятие. Послы всех европейских государств, куча VIP-персон. В мои обязанности входила встреча гостей и координация работы обслуживающего персонала. Потом организовывала рекламную акцию — вечеринку для крупнейшей обувной компании. Познакомилась там со многими известными людьми, с некоторыми до сих пор поддерживаю партнерские и дружеские отношения.

В 2002 году стала работать на конкурсе Чайковского. Из всех практикантов я заняла самую высокую должность, работала в дирекции. За месяц столкнулась не только с известнейшими российскими музыкантами, дирижерами, музыкальными критиками, но и с крупными продюсерами, спонсорами. Когда конкурс подходил к концу, встал вопрос — кто будет преподносить награды лауреатам. Директор конкурса подошел ко мне и предложил выйти на сцену во время церемонии официального закрытия и преподнести награды победителям. Я согласилась. И 24 июня 2002 года все друзья и родственники увидели меня в прямой трансляции на телеканале "Культура".

— Ира, извини за бестактный вопрос, тебе никогда не приходилось как-то подмазываться к вышестоящим лицам для достижения своей цели?

— Нет, пока ни разу. К своему стыду, даже не преподнесла ни одного подарка школьным преподавателям.

— И как ты трудоустроилась после курса?

— Я решила, что мне необходимо найти работу, связанную с классической музыкой. Мечта казалась, в общем-то, несбыточной, так как я еще продолжала учебу, да и никаких конкретных предложений не поступало. Стала расспрашивать знакомых, не могут ли они помочь. В конце концов, нашла теле-

фон одного музыкального деятеля, организатора многочисленных концертов и фестивалей. Вскоре я отправилась к нему в офис с надеждой получить хоть какую-нибудь работу. Однако он разговаривал уклончиво. Заметил, что в его фирме работают высокие профессионалы, и очень жаль, что я никогда не жила и не училась за границей. Разозлившись, я решила, что буду работать именно в этой компании.

А для этого надо срочно уехать из Москвы и как можно дальше.

— Твои родители были готовы раскошелиться, ведь обучение за границей не дешевое мероприятие?

— Оплачивать они, конечно, ничего не хотели. Но я вспомнила, что в прошлом году один наш студент ездил на стажировку в Ка-

наду, и поездка ему практически ничего не стоила. Так у меня появилась очередная мечта. Но как ее осуществить, не знала. И произошло чудо! Мне позвонили из деканата с предложением поехать в Канаду. Наверное, именно в этот момент я поняла, что судьба всецело принадлежит мне, и что мысли и мечты способны воплощаться в реальность, если этого очень хотеть. Как выяснилось позже, на стажировку в далекой Канаде претендовали еще шесть человек с моего факультета. Декан предложила тянуть жребий. Я взяла бумажки, нарисовала на одной из них крестик, скрутила и положила в большую кружку. Все претенденты моментально их расхватали. Лишь я так мандражировала, что никак не могла подняться с кресла. Потом подошла, взяла последний оставшийся рулончик, развернула его,

а там моей рукой нарисован крестик. Не помню, что было дальше, но точно помню, что говорить в течение нескольких минут от счастья просто не могла.

— Тебя ждала другая страна, совершенно новая жизнь. Как там приживалась, с какими трудностями столкнулась?

— В Канаде я оказалась совсем одна, никаких связей, ни одного знакомого. Университет был высокого класса, еда и жилье тоже. А к хорошему привыкаешь быстро. Я как-то органично влилась в среду, и все нравилось. Однако все чаще задумывалась, что будет дальше, чем предстоит заниматься по возвращении в Москву. Хотелось работать в том самом артистическом агентстве. Но эта мечта казалась мне абсурдной, а работа там идеальной и заманчивой.

Прошло месяца два, и однажды раздался телефонный звонок.

Звонила моя тетя из Нью-Йорка, о которой я практически ничего не знала и даже ни разу ее не видела. Она сообщила, что ее сын, то бишь мой двоюродный брат Марк, прилетает в Торонто на несколько месяцев. Естественно, мы с ним встретились, и за восемь тысяч километров от родного города я вдруг обрела нового родственника.

К тому же обучение проходило очень интересно! Одним из курсов, предложенных на выбор, был французский. Я выбрала его лишь для того, чтобы получить хорошую оценку в диплом. Уже на первом занятии акцент преподавателя показался мне до боли знакомым. Выяснилось, что он закончил минский инязы. Сложно было представить, что в самой продвинутой группе французского языка, в одном из наиболее престижных университетов Канады, французский язык преподает наш брат — славянин.

— А как обстоят дела с канадскими тусовками?

— Конечно, было место и празднику. Несколько раз выбиралась из маленького городка под названием Лондон, где жила, в Торонто. Это все равно как из Москвы в Питер съездить на выходные. До отъезда в Канаду ребята из панк-группы "Ленинград" виртуально познакомили меня с некой русскоязычной музыкальной командой "Кубзавод" из Торонто, с которыми им как-то пришлось выступать на концерте в Бостоне. И вот, когда лидер группы Тема организовывал концерт Чиха и его команды в одном из клубов Торонто (сам "Кубзавод" играл на разогреве), я с ним связалась и меня вписали в guest-лист.

Перед входом в клуб толпилось около тридцати человек, на лестнице еще больше, все говорили по-русски. Посреди Канады такое не могло не удивить. Растолкав локтями толпу, я поднялась на второй этаж. Русские охранники сразу же пропустили, и тут кто-то резко схватил меня за руку: "Ириска, привет!". Дальше последовали искренние дружеские объятия с солистом Темой. Мы вошли в гримерку, возникло такое ощущение, что меня здесь давно ждут. Казалось, эти ребята знают обо мне намного больше, чем я успела сооб-

щить в своей короткой переписке по асд с Темой. Тут же получила в подарок бутылку канадского виски, а в руки стакан вина. Во всем чувствовалась родная московская атмосфера андеграунда. Концерт начался с опозданием, так как солист Чиграков потерял по дороге из Нью-Йорка свою группу и прибыл на выступление в гордом одиночестве. Кстати, заранее о жилье в незнакомом Торонто я не позаботилась, полагаясь, как всегда, на счастливый случай. И тут тоже все сложилось удачно. После концерта обо мне не забыли, и я провела ночь у певицы группы — Кати, за что ей огромное спасибо.

А вот еще одна забавная история. Как-то раз, упаковывая рюкзак для очередной поездки в Торонто, я, между сборами, общалась со своей московской знакомой по аське. Она сказала, что у нее в Торонто есть приятель и скинула мне номер его аськью. В тот же миг я написала: "Привет, меня зовут Ира, через три часа приезжаю в Торонто, встречай на автовокзале, на перекрестке Dundas и Bay". Ответ последовал незамедлительно: "Хорошо!". Выходя из автобуса, сразу же заприметила робко стоящего молодого человека с рюкзаком за плечами. Тогда я еще не знала, что он талантливый фотограф, журналист и дизайнер. Позже мы стали большими друзьями, и сейчас моя фотография висит на его выставке в Киеве.

— Когда вернулась в Москву, чем стала заниматься?

— В институте меня ожидала новая практика, заботливо припасенная самим деканом. Гастроли французского национального оркестра в Москве. Вместе с еще одной девушкой, тоже владеющей французским, предстояло сопровождать оркестр в течение всего его пребывания в городе. Для того, чтобы ввести нас в курс дела, французы попросили приехать в офис компании — организатора концерта. Какое же было мое удивление, когда я оказалась в том же самом офисе, из которого ушла в расстроенных чувствах почти год назад. Мне выпал потрясающий шанс показать себя с самой лучшей стороны и продемонстрировать знания, приобретенные за границей. И мне это удалось. Сразу же после отъезда оркестра меня пригласили на постоянную

работу, и вот уже пять месяцев я тружусь над организацией крупного проекта.

— Ира, а тебя никогда не воспринимали как зубрилу, карьеристку или зануду?

— Могу сказать точно, никто из моих знакомых так не считает. Потому что, даже при высокой занятости, я всегда найду время, чтобы повеселиться и встретиться с друзьями, посетить концерты моих любимых андеграундных команд.

— А как складывается твоя личная жизнь, отношения с молодыми людьми?

— Можно сказать, что личная жизнь развивается по той же схеме, что и деловая. Добиваюсь, чтобы мечта, даже если она кажется абсолютно нереальной, стала действительно

стью. Могу добиться внимания любого молодого человека, стоит только этого по-настоящему захотеть.

— Пожелай что-нибудь на прощание таким же, как ты, девушкам, страстно жаждущим исполнения своих мечтаний.

— Считаю, для того, чтобы задуманное осуществилось, необходимо четко сформулировать для себя, чего ты хочешь. Представить это в мельчайших деталях и, конечно, не только оказаться в нужное время в нужном месте, но и сделать правильный шаг. При этом необходимо учесть: ты получишь то, чего достоин. Главное, выстави соответствующую высоту планки. Желаю удачи! ■

Беседовала **Наталья КОНЦЕВАЯ.**

Профессия актер — не только слава, деньги, цветы и любовь поклонников. Это прежде всего труд над собой, над ролью. И постоянная борьба с обстоятельствами. Далеко не всех молодых актеров подхватывает волна фортуны, карьера не делает резких скачков вверх, а просто медленно развивается. Иногда очень медленно.

Дмитрий Ошеров — не баловень судьбы. Но он влюблен в сцену, счастлив в своей актерской работе и не теряет надежду.

В детстве многие хотят стать актерами, певцами, ведущими телепередач. Но не каждый может решить для себя, что актерская профессия — единственное, чем он станет заниматься в жизни. И нередко мальчик, в детстве мечтавший о сцене, становится юристом, а девочка, устраивающая маме с папой концерты каждые выходные, работает впоследствии бухгалтером.

Дмитрий Ошеров еще в детсадовском возрасте придумал замечательную штуку: чтобы быть, когда вырастет, и врачом, и космонавтом, и спортсменом, он станет актером и таким образом сможет время от времени менять свою профессию, даже имя и характер.

Как-то маленький Дима выступал на празднике в родном городе Долгопрудный. "Миру мир, войны не нужно, жить на свете мирно нужно!" — читал он. Его заметила Ирина Николаевна Тихонова, режиссер детской театральной

студии, и пригласила на занятия. Ему было тогда 13 лет.

— Я помню, пришел первого сентября в театральную студию "Вперед" и увидел много народу. Все хотели попробовать себя в актерской профессии. Я испугался и ушел домой. Пришел вновь только в ноябре. Тогда-то и началась моя жизнь в театральной студии. Помню свою первую роль в спектакле "Белоснежка и семь гномов". Я играл ворона. В черной водолазке, черных колготках, черном плаще и с черным зонтом я бегал по сцене: "Кар-кар, бонжур, оревуар", изображал ворона и очень волновался.

Потом Дмитрий сыграл в студии "Вперед" много ролей, в том числе, главных. Каждый вечер после уроков с радостью бежал на репетиции. И совсем не гулял со своими сверстниками, которые в те годы уже баловались сигаретами и пивом. Коллектив театральной студии был дружный, и каждая репетиция для мальчика Димы становилась праздником. Многие ребята, занимавшиеся вместе с ним, связали навсегда свою жизнь со сценой. В том числе и подруга детства — Мария Аронова.

Незаметно подошли выпускные экзамены. Больше раздумывать было некогда. Тогда-то Дима Ошеров понял окончательно, что хочет стать только актером.

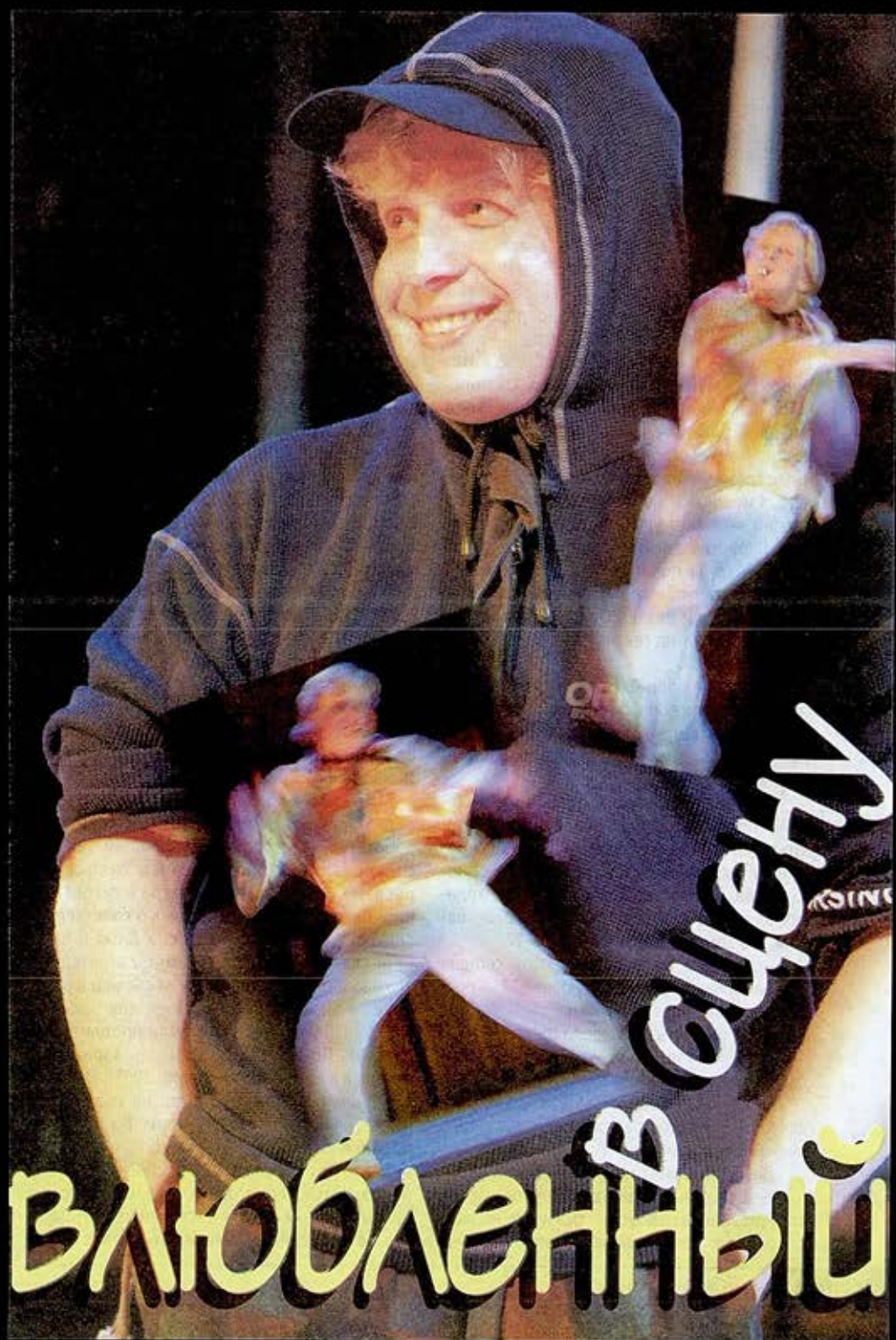
Знакомые ему твердили: "Ну куда ты? Не поступишь ведь — там нужны красивые, пластичные. А ты ростом не вышел, нескладный, полноватый". Вопреки предсказаниям недоброжелателей Дима поступил в ГИТИС на курс к Павлу Хомскому. И поступил не случайно. Те, кто пророчили начинающему актеру провал, не заметили его достоинств. Обаятельный "блондинчик-херувимчик", как называют его сейчас в спектакле "Ошибки одной ночи", имел немало привлекательных черт. Запоминающийся приятный голос, характерная фактура, а главное —

глаза. Глаза, горевшие желанием играть, в них за секунду отражалось столько чувств, что хватало бы на пятерых. Они готовы были в любой момент наполниться слезами, увеличиться от страха, сжаться в щелочки от смеха. И все

**Надо верить в удачу,
и твоя мечта сбудется**

фото Владимира Чейшвили

В ЛЮБЛЕННЫИ
В ОЩЕКУ

искренне, потому что он верил во все, что делал. Ведь именно так завещал Станиславский: "Актер на сцене — это "Я" в предлагаемых обстоятельствах".

Сегодня Дима работает в труппе театра Моссовета. Он занят в 10 спектаклях, но большая роль, к сожалению, всего одна. Спектакль "Белая гвардия" поставил художественный руководитель театра Павел Хомский. Режиссер очень точно подобрал всех актеров на роли. В том числе, на роль Лариосика — Диму Ошерова. В образе житомирского кузена он неподражаем. Он только появляется на сцене — весь укутанный в смешной тулуп и в шапку, с варежками на резиночках, с огромными наивно-удивленными глазами, а зрители уже влюбляются в него. Смешной и непосредственный, он невольно вызывает улыбки радости и удивления. Лариосик влюбляется в хозяйку дома Елену, а когда понимает свою трагедию (у нее уже есть любимый), искренне расстраивается, злится и плачет. Он взрослеет прямо на сцене, но ни на секунду не теряет своего очарования.

Остальные роли Димы Ошерова намного скромнее: слуга, воин, скоморох... Правда, и в массовке он выделяется и запоминается — умеет создать яркий образ даже в тридцатисекундном эпизоде.

Одни из постоянно "достающих" актера — поклонницы. Ничего удивительного, что у Димы они есть. Причем их очень много. Они дарят ему цветы, ждут у служебного входа, узнают номер домашнего телефона, звонят и молчат в трубку. В основном, это милые девчушки лет 15-17.

— Дима, а вы можете сделать сегодня контрамарки на "Двенадцатую ночь"? — робко спрашивают две подружки.

— Вы уже пять раз видели спектакль.

— Ну, пожалуйста... — и преданно-преданно смотрят на актера.

Ну как можно им отказать? И довольные девчонки в шестой раз разглядывают своего любимчика в бинокль.

Другая история с поклонницей.

— Дима, вы такой удивительный актер, вас увидишь на сцене один раз и уже не забудешь. У вас такое счастье в глазах, когда вы

перед зрителем. Я привезла вам печенье, возьмите, пожалуйста.

И немолодая женщина протягивает ему два килограмма песочного печенья. При дальнейшем выяснении оказывается, что она — фанатка Александра Домогарова с многолетним стажем. Живет в Екатеринбурге, но на каждый спектакль с участием своего кумира приезжает в Москву. На спектакле "Сирано де Бержерак", где у Димы скромная роль барабанщика, она заметила его и не могла не запомнить. Теперь Дима иногда получает от нее небольшие душевные презенты перед "Сирано".

Как актеру добиться хорошей роли? Разные актеры действуют по-разному. Некоторые дружат с дирекцией. Дима врагов в театре среди начальников не нашёл, но и близких друзей тоже не завёл. Просто не умеет заигрывать с вышестоящими должностными лицами. "Надо ждать и работать, — считает он, — потому что трудоспособность для актера — одно из главных качеств. Режиссер видит, что актер горит желанием работать по-настоящему, и в конце концов дает ему важную роль".

Так Дима и поступает. Ждет-поджидает, когда известность свалится ему на голову. Ни от какой работы не отлынивает, даже от самых маленьких ролей не отказывается.

Он настолько увлечен театром, что нередко упускает хорошую возможность заработать "на стороне". Последний такой случай связан с предложением сняться в рекламе. В тот момент в театре Моссовета шли рядовые репетиции нового спектакля "Роковая опечатка", в которой Дима играет не главную роль. В рекламном агентстве его неожиданно утвердили на съемки в рекламе — он идеально подошел для рекламы пива. Съёмки должны были продлиться два дня. По 700 \$ за каждый. (А зарплата актера в театре около 200\$). О том, что днем он должен улететь на съемки в Киев, Дима узнал только утром. В срочном порядке отпросился у режиссера, объяснив, что эти съемки для него очень важны и продлятся недолго. Но, видимо, отпрашивался он не очень настойчиво. Потому что не объяснил, что самолет вот-вот уле-

тит. Из-за ответственного отношения к репетициям так и не смог уйти пораньше. В итоге самолет улетел без него. После такого опоздания рекламное агентство нашло менее проблемного актера на ту же съемку. Теперь Дима видит эту рекламу по телевизору и горько вздыхает: "А мог бы сняться я..."

Как объяснить эту ситуацию? Вряд ли ее можно объяснить только ответственностью актера. Есть и другая причина, из-за которой сорвались съемки. В театре всегда существует возможность потерять роль. Отсюда появляется страх, особенно, кто не имеет больших ролей. Заменить актера в эпизоде и массовке несложно. Если заменить один раз, актеры будут играть в очередь. А тут недолго и до снятия с роли совсем. Даже если она состоит из тринадцати слов и пяти улыбок, ее страшно потерять. Вот и пытаются актеры всеми способами показать и доказать свою преданность театру. И нет однозначного ответа, где больше теряет актер. Сидит ли он на мелких ролях, не пропуская ни одной репетиции и ожидая своего часа, который не факт что наступит, или же рискованно идет в новые проекты, хватается за выгодные предложения сниматься и из-за неуспеваемости (то есть за халатное отношение к театру) убирается с одной-двух ролей в массовке. Дима пока выбирает первый вариант. Дай Бог, его упорство будет вознаграждено.

Зам. директора театра имени Моссовета Юрий Проданов обещает Диме славное будущее: "Тебе, — говорит, — надо только сняться в одном фильме в хорошей роли, и тогда у тебя отбоя от предложений не будет". Одна роль... И появится новый комедийный актер, который, может быть (тьфу-тьфу), потом станет в один ряд с Леоновым, Никулиным, Вициным... Но чтобы это произошло, надо действовать.

— Дим, ты отвез свои фотографии на "Мосфильм"? — спрашиваю я.

— Сейчас некогда, мы репетируем "Короля Лира". Как только выпустим, я отвезу.

Спектакль вышел, прошли премьерные показы... И снова начались будни — репетируют "Роковую опечатку". Опять те же

отговорки: "Как только выйдет спектакль, займусь кинокарьерой. А вдруг меня сейчас вызовут на пробы, а я не могу". Он репетирует небольшие роли, делает из них "конфетки". Даже эпизод с его участием оставляет в сердце след. Каждая мелочь, каждая деталь продумывается им тщательнейшим образом. Без актерской работы он не может жить, не представляет себя без театральной суеты, без гримерки, которая стала роднее, чем комната в квартире. Без звонков перед спектаклем и без голоса помощника режиссера по громкой связи: "Было три звонка, было три звонка, актеры приходите на сцену..."

Однажды Дима выиграл театральный конкурс. Тургеневский "Разговор на большой дороге", поставленный Анатолием Адоскиным, завоевал в "Доме актера" один из главных призов. Счастливые победители — Дмитрий Ошеров, его коллега Андрей Межулис и еще 12 счастливицков из России полетели в Англию на фестиваль имени Михаила Чехова. Там поляки, датчане, англичане изучали разные методики великого русского актера. А преподавателями были Сергей Юрский, Олег Ефремов и другие педагоги из России и зарубежья.

— Это мой первый выезд за границу. Мы жили под Лондоном, и меня удивил тот факт, что там везде растет ежевика. Но больше запомнилось, как нас принимали. Иностранцы очень любят русский фольклор, а наш мини-спектакль закончился русской народной песней. "В темном лесе, в темном лесе" — принимали на ура! Успех — ошеломляющий. От волнения ноги тряслись на сцене.

Его киножизнь не сильно богата событиями. Самый запомнившийся зрителям фильм — "Клубничка". Дима сыграл Васю, жениха Лолиты.

— Съемки в этом сериале — счастливое время моей жизни. Я пообщался с замечательными актерами — Александром Демьяненко, Галиной Польских, Натальей Крачковской, Александром Белявским. А на съемки я попал очень интересно. Во время работы над передачей Виктора Мережко "Мое кино", где мы с Машей Ароновой

изображали абитуриентов театральных вузов, я обнаглел и подошел к режиссеру сериала Юрию Бельякову: "Юрий Михайлович, я хочу у вас сниматься". Он улыбнулся в ответ: "Вы, наверное, и будете сниматься, потому что я как раз сейчас о вас думаю".

"Клубничный" сериал, конечно, далеко не шедевр в мире кинематографии, но именно благодаря ему Диму заметили и стали приглашать в серьезные картины.

Позже он снимался в сериалах "Московские окна", "Лучший город земли". Последняя его работа в кино в проекте Сергея Юрского. Фильм называется "Случай с доктором Лекрыным" и ожидается под Новый год на канале "Культура".

В жизни Дима большой романтик. Даже комплименты делает необычно. В простые слова: "Ты хорошо выглядишь" вкладывает столько чувства, столько восхищения, что невольно принимаешь их на веру и от этого выглядишь на самом деле лучше.

Ради девушки, в которую влюблен, он способен совершать безумные поступки. Как-то его девушка Лена уехала на море. Она вот-вот должна была вернуться, и Дима хотел непременно встретить ее с цветами. А денег в тот момент у бедного студента вообще не оказалось. Тогда он предпринял следующее: рано-рано утром, пока все знакомые и незнакомые люди еще спали, он собирал по улицам родного города ... бутылки из-под пива. И насобирав столько, что букет получился шикарным. Лена так никогда и не узнала историю его покупки, но приятно удивилась, получив розы из рук влюбленного прямо у вагона поезда.

Нередко актеры готовят для поступления в театральные вузы своих знакомых или друзей знакомых. И даже не берут за это деньги. Просто хотят передать свое мастерство и помочь зажечься новым звездам. Дима — не исключение. В основном его ученицы — девушки. К сожалению, ни одна, подготовленная Димой, в театральное училище не поступила. Все абитуриентки были в большей или меньшей мере талантливы, но на конкурсе доходили максимум до третьего тура. Почему так получалось — отдельная история, но, насколько я

знаю, ни одна девушка не жалела о времени, потраченном на бесчисленные репетиции с Димой. Отрывки прозы, стихотворения очень подробно разбирались и прочувствовались. Когда ученица читала, Дима порой переживал отрывок сильнее, чем чтица. Он был готов заплакать, когда слушал про беды Козетты, смеялся, когда слышал про тридцатому разу детский стишок про слоненка, и переживал, когда слышал, как Женька Комелькова из "Зори здесь тихие" отвлекала на берегу немцев.

Если ученица схватывала и читала с теми чувствами, которых добивался учитель, он готов был прыгать и танцевать от радости — получается ведь! "Ты талантлива!" — кричал Дима. Потом спохватывался и серьезным голосом заявлял: "Дальше..."

Однажды взялся подготовить мальчика к поступлению в театральное училище. Тот поступил в Школу-студию МХАТ. Отучился четыре года и был принят в труппу МХАТ имени Чехова.

У Димы удивительная манера декламации. Помню историю, как он читал "Алхимика" Паоло Коэльо. Эту книгу можно прочитать за день. Он же штудировал ее почти два месяца. Не потому, что читал по слогам, за это время он придумал более пяти версий, как снять фильм по книге, и читал каждую страницу, каждую фразу по несколько раз, представляя себе разные картины.

— Я не могу по-другому, — оправдывается Дима. — Мне надо все увидеть, представить, что чувствуют герои. И только после того, как проживу какой-то фрагмент, проиграю его, я иду дальше.

Наверное, поэтому в основном он читает пьесы. Они наиболее приспособлены к образному прочтению и непосредственной расстановке героев по мизансценам.

Когда-нибудь в будущем Дима хочет снять фильм. Скорее всего он будет иметь не сюжетную основу, а ассоциативную. И должен получиться очень красивым, немного непонятным, загадочным, но завораживающим, притягивающим. Смешным и одновременно немного грустным. Как сам Дмитрий Ошеров. ■

Вот вы говорите: жизнь тяжелая пошла, способности свои деть некуда, все на деньгах свихнулись, ничего святого. Неинтересно, мол, живем. Пусто как-то. Но есть на свете место, которое способно перевернуть все ваши наработанные годами представления. Это — армия, товарищи. В армии все наоборот. Молодой мечтает стать "дедом". Никто не работает ради денег. Все поют, но ни от кого не требуется музыкального слуха. Здесь все одинаково одеты, одинаково подстрижены, но при этом каждый самовыражается, как может. Только в армии красят зеленой краской пожелтевшую траву, стригут деревья и постоянно играют в "зарницу". И только здесь рабочий день начинается зачастую с заходом солнца. Наша армия — единственное место, откуда большинство стремится вырваться, но потом вспоминает эти годы как самые счастливые в жизни. И, наконец, армия — это весело. Как говорят, "кто служит в армии, тот в цирке не смеется". Кстати, если вас обидело обращение "товарищи", простите — в нашей армии господ нет и, надеюсь, не будет. Вот и вырвалось по привычке. В общем — вперед, в сказочный и противоречивый мир людей в зеленом, давайте заглянем в него краем глаза, может, кому-то и захочется остаться там навсегда. Но сначала, так сказать, чистилище — военкомат. А уж раем или адом станет место, куда вы затем попадете, зависит только от вас...

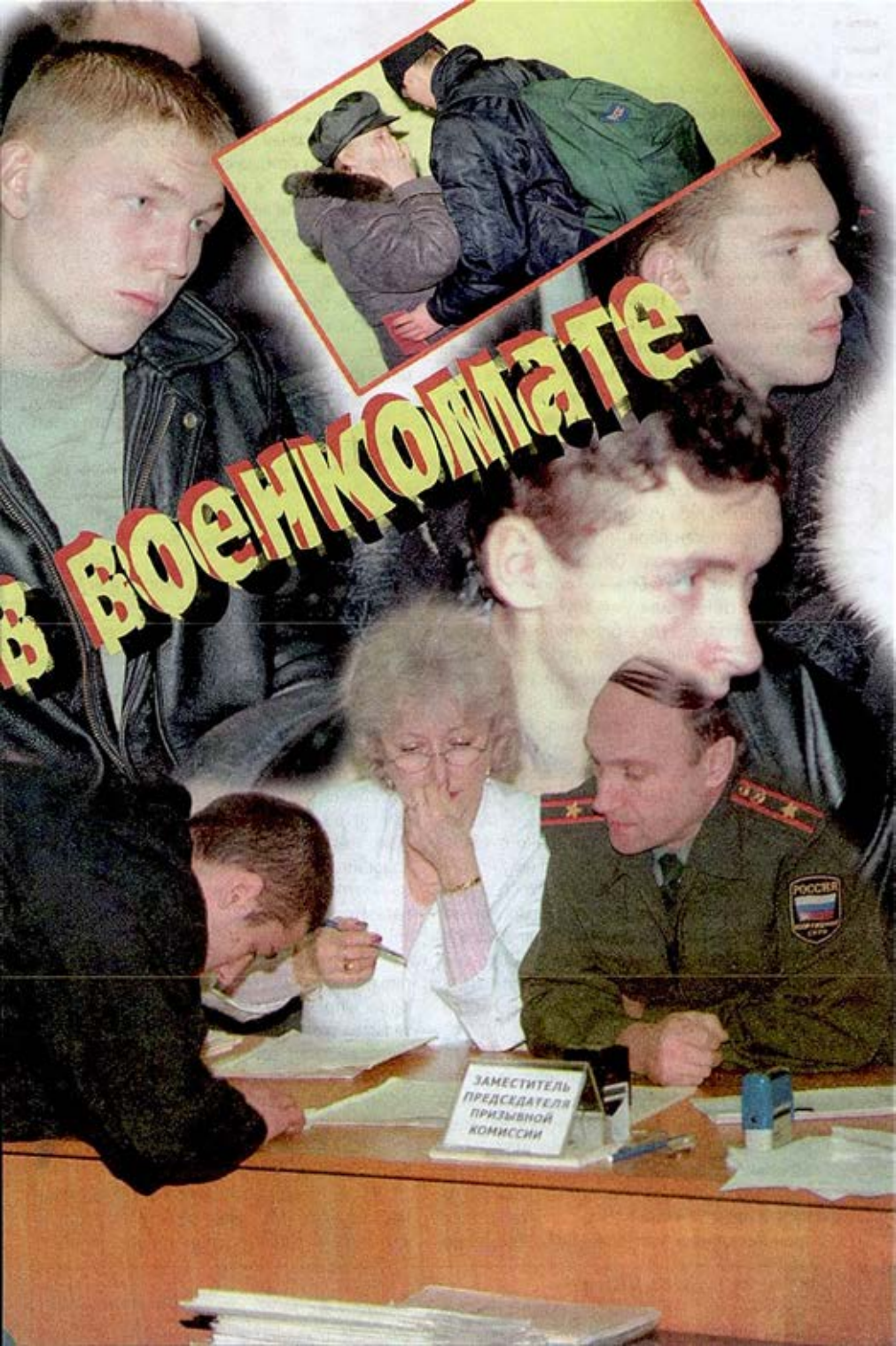
■ Поистине удивительное место — городской военкомат! Особенно в дни осеннего и весеннего призывов, когда толпы молодых людей с повестками в руках и встревоженными лицами собираются на крыльце за несколько минут до открытия и начинают строить догадки на тему: "Что день грядущий нам готовит?"

Сразу хочу пояснить, что автор этих строк не так давно сама была призывником (устраивалась на контрактную службу) и видела всю

фото Владимира Чейшвили

Екатерина ПОСТНИКОВА

Чуждеса

В ВОЕНКОММАТЕ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
ПРИЗЫВНОЙ
КОМИССИИ

эту кухню, так сказать, изнутри. Интересного там море! Но самое интересное, пожалуй, то, что стать обычным солдатом (не по контракту, а призыву), оказывается, не так-то просто.

Итак.

история первая. Назовем ее "Мальчик-девочка"

В середине февраля 2002 года Антону исполнилось 18 лет. В институт он поступать не планировал, после школы тихо-мирно работал на московском заводе слесарем, здоровье имел крепкое, а потому, само собой, стал ждать неминуемого весеннего призыва "под знамена". Однако — время шло, весна главно кончилась, пролетел июнь, июль, а повестки все не было. "Наверное, осенью придет", — рассудил Антон и на время успокоился. Уж кто-кто, а военкомат о тебе не забудет, думал он. Уж он-то тебя из-под земли достанет.

Первого сентября, проведив в восьмой класс младшую сестру Олю, молодой человек занервничал снова. Большинство его бывших одноклассников или уже служили в армии, или собирались туда в ближайшем будущем. А о нем всемогущий военкомат словно забыл.

Нельзя сказать, что Антон так уж мечтал о службе, но и "уклонистом" быть не хотел. Поэтому, все обдумав, спросился с работы и явился в военкомат сам. Тормознули его уже на входе, не дав сделать и трех шагов: "Сегодня неприятный день, в понедельник приходите". "Да мне только узнать насчет повестки... — залепетал Антон, преданно глядя на строгого дежурного. — Узнать, почему не присылают". Дежурный проявил чуткость: "Данные свои оставь, я передам". Обрадованный Антон продиктовал свое "ФИО", адрес с индексом, все телефоны (домашний, рабочий и мобильный) и даже адрес электронной почты (на всякий пожарный). "Угу, — офицер все записал. — Жди, тебя вызовут".

В декабре терпение лопнуло у отца Антона. "Сходи еще раз, — посоветовал он. — Что-то там не так". Антон пошел — на этот раз в приемный день. И сразу наткнулся на изумленный взгляд сотрудницы военкомата, чрезвычайно деловой дамы: "Ничего мне не передавали! А ты кто?" Пришлось снова диктовать и даже объяснить, что "собака" в электронном адресе — это вовсе не барбос, а про-

сто значок такой. Наконец, дама кивнула: "Хорошо, что ты пришел. Вот тебе направление, пройдешь врачей. Потом явишься ко мне. Может, в этот призыв еще успеешь".

Естественно, "в этот призыв" Антон не успел: наши поликлиники — вообще тема для отдельного разговора. Справки ему удалось собрать лишь к Новому году. "Ничего, — утешила дама, — весной призовешься".

...Я встретила Антона уже в сентябре 2003 года. Он зашел в военкомат скорее по привычке, чтобы "поставить галочку". События он не форсировал: умные люди уже растолковали ему, что высовываться не надо. Не призывают — и хорошо. Так и до двадцати семи лет дотянуть можно.

"А знаете, в чем фишка-то? — рассказал он кучке любопытных, среди которых оказалась и я. — У них по бумагам мы с сестрой записаны наоборот. То есть Ольге сейчас якобы девятнадцать, как мне, а мне — пятнадцать, как ей. Я уж и паспорт показывал, и выписку из домовых книги приносил... Кивают, соглашаются, а дело стоит". "Ничего, — успокоили его менее везучие товарищи, — через три года сдвинется". Антон только вздохнул.

история вторая. "К строевой годен!"

Незадолго до совершеннолетия Миша понял, что в его жизни есть две взаимоисключающие вещи: острое желание служить в армии (и даже в горячей точке) и эпилепсия. Приступы случались нечасто: Миша принимал хорошие лекарства, соблюдал режим, почти не смотрел телевизор и старался не нервничать. Но врачи развели руками и сказали: нязя! А служить хотелось.

Почти полгода ушло на бесконечные препирательства, уговоры, медосмотры, консультации и прочую беготню. Доктор по месту жительства (который, как известно, цветы и конфеты не пьет) согласился за определенное вознаграждение помочь бедняге, но вот местный психдиспансер уперся намертво: "Нам из-за тебя проблемы не нужны". А справка о том, что Миша не стоит у них на учете, нужна была позарез.

Выход пришел сам собой и совершенно неожиданно. Мишины родители решили улучшить жилищные условия и обратились к

риэлтору, чтобы тот помог им продать московскую квартиру и подыскал другую (на одну комнату больше) в области. Вариант подобрали буквально за неделю, еще дней десять ушло на формальности. За отдельную плату бойкая девушка-риэлтор быстренько уладила вопросы с паспортным столом и прописала всю семью, включая Мишу, по новому месту жительства.

И что же? Оказывается, Москва и Московская область — не только разные субъекты федерации, но фактически и разные государства. Миша, страдающий тяжелой формой эпилепсии, не только без проблем взял в психдиспансере вожденную справку, но и прошел всех врачей, и никто из них даже из любопытства не поинтересовался: "А где твоя медицинская карточка из московской поликлиники?". Ему просто завели новую карту, совершенно чистую, и все.

Но самое удивительное случилось на медицинской комиссии в военкомате. Миша не спал всю ночь, трясая от ужаса при мысли о врачебном осмотре, пил таблетки и молился, чтобы припадок не настиг его в первом же кабинете. Оказалось — напрасно. Доктора собирались обедать и уже рылись в сумках и звенели мелочью, когда несчастный призвыник переступил порог и робко протянул им свои бумажки. "Жалобы есть?" — едва подняв на него глаза, поинтересовалась женщина-терапевт. "Нет!" — затряс головой Миша. "Годен!" То же самое повторилось и у остальных. Более того, ни невропатолога, ни психиатра вообще не было на месте, и за них в бумагах расчеркнулись другие врачи. Поэтому в последний кабинет, к хирургу (единственному мужчине в пестром цветнике дам) Миша вошел совершенно спокойно.

Хирург пребывал не в настроении. "Жалобы есть? — буркнул он. — Травмы, переломы, полостные операции?". "Нет!" — сияя, ответил Миша. "М-да? — задумчиво пробормотал доктор. — Ну-ка, спиной повернись. Нагнись. Лопатками подвигай. Э-э, да у тебя, кажется (длинное латинское название), второй или даже третьей степени! У тебя позвоночник весь в шахматном порядке!". Миша похолодел. На колени перед хирургом он не грохнулся, наверное, лишь потому, что ноги

отказались ему подчиняться. "Доктор! — в его голосе зазвучали слезы, — не надо, я очень, ОЧЕНЬ хочу в армию!!!" Впрочем, руки Мишу еще слушались — они торопливо расстегнули рюкзаки и выудили оттуда бутылку настоящего виски, припасенную на самый крайний случай. "Ну-у, — смилостивился доктор, — раз ОЧЕНЬ хочешь, тогда ладно".

И Миша пошел служить. А через три месяца его комиссовали: прыгнув с верхнего яруса койки в казарме, он сломал бедро и был признан негодным к строевой службе.

История третья, коротенькая.

"Сами мы не местные"

Рустам, наверное, может считаться настоящей живой легендой. Этому молодому человеку двадцать четыре года, никакими болезнями он не страдает, но служить, скорее всего, не будет никогда. Причина проста: Рустам — бомж. У него нет регистрации, даже временной, хотя живет он вовсе не в картонной коробке, а в отдельной однокомнатной квартире в 300 метрах от военкомата. Квартиру он снимает на деньги, заработанные частным ремонтом автомобилей. Как ему удастся решать вопросы с милицией — неизвестно. Рустам ни от кого не прячется, наоборот, даже живет через стенку с участковым инспектором. И паспорт у него есть. Вот только регистрации нет. А значит — для военкомата он не существует.

На призывную комиссию Рустам привел друга, а сам скромно присел в уголочек и стал набирать кому-то СМС-сообщение на своем мобильнике. Выглядел он вполне благополучно, и не скажешь, что бомж. О его статусе, наверное, никто бы и не узнал, если бы он сам вскользь не заметил: "Я вот тоже как-то хотел послужить... Мужчина же, как без этого? Сунулся сюда, а мне говорят: мол, понаехали, гости дорогие, и без вас тут работы по горло. Я и ушел. А теперь уж раскотел, ну ее в банку эту армию".

Вот такие истории. Конечно, все это единичные случаи. Но — и на моем собственном примере, в том числе — можно все-таки сформулировать Первый Закон Военкомата: "Чем сильнее ты хочешь служить в армии, тем труднее тебе будет туда попасть".

Шагом марш!!!

А бывает и наоборот.

На медкомиссии мне стало плохо: голова заболела. Хорошо одетые супруги средних лет вызвались подвезти меня до дома на машине, и по дороге мы разговорились. Оказалось, что они — родители призывника, а рослый парень, сидящий на заднем сиденье рядом со мной — и есть призывник по имени Леша. Ему восемнадцать. Тяжелый порок сердца. Служить не будет — это почти решенный вопрос.

Я прониклась к парню сочувствием: "Какой ужас! всю жизнь — лекарства, диета, больницы!" Папаша хмыкнул, не отрываясь от дороги. Мама же поглядела на меня, как на идиотку: "Вот будет у тебя сын, и ты начнешь вертеться!" "Жить захочешь, — не так раскорячишься, — солидно добавил тяжело больной мальчик. — Знаешь, сколько стоит плохая кардиограмма?" Наверное, у меня вид такой — вызывающий на откровенность. Буквально за пятнадцать минут я узнала средние расценки:

Плохая кардиограмма — **от 100 долларов** (зависит от диагноза)

Лейкемия (только анализ крови) — **от 150 долларов**

Инсулинозависимый диабет (комплексный диагноз) — **от 500 долларов**

Эпилепсия — **от 500 долларов**

Шизофрения — **до 1000 долларов**

Энурез — **100 долларов** (скромненько так...)

Опухоль головного мозга — **до 1000 долларов**

Тяжелое искривление позвоночника — **500 долларов**

Список болезней очень длинный, поэтому остальное опускаю.

Подпись главного врача поликлиники — **от 100 до 300 долларов**

Подпись обычного врача поликлиники — **от 200 рублей до 50 долларов**

Подпись главного врача ВВК — **до 1000 долларов**

Подпись обычного врача ВВК — **около 100 долларов**

Подарок военному комиссару — **сумма не ограничена**

Мелкие подарки сотрудникам — **от коробки конфет до немецкого унитаза.**

Естественно, данные эти непроверенные. Может быть, состоятельные родители больного мальчика просто хотели произвести на меня впечатление и все до последней цифры придумали. Я бы им и не поверила, если бы сама прошла медкомиссию бесплатно. Нет, в военкомате с меня не взяли ни копейки, но зато уж вдоволь оттянулась районная поликлиника и два диспансера впридачу.

Поэтому позволю себе сформулировать Второй Закон Военкомата: **"Чем меньше тебя привлекает служба, тем труднее тебе будет от нее откосить"**.

Вообще, все посетители военкомата делятся на пять категорий, и каждая категория имеет свои особенности.

1. **"Добровольцы"**. Здоровы и хотят служить. Приходят сами. Денег у них, как правило, нет. Ко всему относятся философски. Военкоматовский конвейер воспринимают спокойно.

2. **"Скрытая угроза"**. Служить хотят и даже ОЧЕНЬ, но чем-то больны и пытаются это скрыть. Поддельвают справки, охапками приносят сувениры сотрудникам, заискивающе смотрят в глаза врачам и всячески демонстрируют свое отменное здоровье. Опасны тем, что в армии, как правило, "прокальваются", вылетают на "гражданку" и портят военкомату репутацию.

3. **"Уклонисты"**. Здоровы, но служить не хотят, поэтому либо упорно прячутся от призыва, либо отказываются служить по убеждениям, либо покупают себе болячку позаковыристее. Приходят обычно с родителями, которые и ведут переговоры. У всех этих юношей вполне определенное, обеспеченное будущее, хорошая работа или учебное заведение, и армия в их планы не входит.

4. **"Доходяги"**. Больны и не хотят служить. Ну, тут без вопросов.

5. **Кандидаты на службу по контракту**. Самая зловредная публика. Как правило, это девушки, неглупые и юридически грамотные. Служить просто рвутся. Любят качать права, потому что время для них — деньги. Этим гоняют по пять раз за каждой бумажкой, часами маринуют в коридорах или просят "зайти после 29 числа" (когда на дворе, допустим, 14-е). Наверное, это для того, чтобы за-

ранее приучить их к "тяготам и лишениям военной службы".

А вот отрывки из разговоров, случайно подслушанных в военкомате.

Призывник ростом около 160 сантиметров с внешностью хилого подростка:

— ... я им говорю: хочу только в ВДВ, а вы мне трубопроводные войска предлагаете! Вы бы еще горно-водолазные предложили! А они мне: как же ты такой маленький с парашютом будешь прыгать? А я им: да кто меня спрашивать будет! Пинка дадут, и полечу, как миленький...

ЛОР-врач и призывник:

— Где ты, говоришь, учишься?

— В "Гнесинке".

— А факультет?

— Вокал.

Изумленно:

— Поешь, что ли?!

— Пою.

— Да как же ты поешь с хроническим тонзиллитом? Ты с ним даже служить не можешь.

— А вот так и пою, остороженько...

Юноша интеллигентной внешности:

— ... собак боюсь, крыс, пауков и замкнутого пространства. Из дома выхожу, дверь десять раз проверяю, краны, розетки. Пить не могу: полстакана пива, и глюки начинаются. И еще кошмары снятся, что я в женщину превратился. Так вот, когда я психиатру про сны рассказал, он так, знаете, поморщился и говорит: "Нет уж, ты определись, под кого ты кошишь, под шизофреника или под "голубого", а то я понять не могу".

Парнишка, чем-то похожий на Леонардо ди Каприо, объясняет сотруднице лет сорока:

— Да у меня честно трое детей! Ну, они не совсем родные, но документы об усыновлении в порядке. Можете проверить. Ну и что, что жене тридцать пять. У меня, может быть, влечение к старушкам!

Еще надо сказать, что боятся будущие защитники Отечества даже не самой армии, а пресловутой "дедовщины", о которой у нас столько говорят и пишут. Как признался мне мой сослуживец, ефрейтор срочной службы, поначалу ему казалось, что в армии его будут непрерывно бить и непрерывно издеваться. Он, конечно, ошибся, — но об этом в следующем раз.

И напоследок — немного солдатского фольклора.

■ "Военкомат — страна чудес, туда попал — и там исчез".

■ "Армия — единственное место, где молодой мечтает стать дедом".

■ "Кто не умер в пеленках, не умрет и в портянках".

■ "Армия не дает ума, армия вышибает дурь!"

■ "Армия — дело добровольное, хочешь — служи, не хочешь — заберут".

От себя могу добавить: если вам не удается чего-то избежать, относитесь к этому с юмором. Поверьте: армия, несмотря на все свои недостатки, тяготы и лишения, место все-таки веселое. Но об этом — тоже в следующем раз.

Шагом марш!!!

страшно,

В последнее время все телевизионные каналы обрушили на ошеломленного зрителя поток различных игровых шоу и русских сериалов. Стало модно обсуждать и комментировать их в периодической печати. Не остался в стороне и наш "Молодой бульвар" в лице Ника Сигарищенко, который в нетрадиционной форме решил вместе с вами тоже попутешествовать по телевизионным каналам. Начинает он свой обзор с набирающей рейтинг передачи "Фактор страха".

Не ешьте дамы сырые бычьи яйца. Никогда! Иначе вас стошнит при всей огромнейшей аудитории канала НТВ. "Фактор Страх"!.. Я вас умоляю. Да за 100 000 долларов в нашей стране всегда можно найти десяток-другой миллионов милых дам, которые и быка на ходу остановят, и у живого вырвут желудок и съедят, выдают глаза и тоже употребят. Я уже не говорю об этих самых ЯЙЦАХ! Это же покруче чем хит "ЯЙЦА" у дискотеки "Авария". Тараканы, черви, сверчки там всякие уже дав-

но в кулинарии не ФАКТОР и уж тем более не СТРАХ. При чем тут пресловутое "боюсь"? Люди даже деньги платят (французская кухня), чтобы поесть жареных пиявок. Не просто пиявок! А уже насосавшихся крови животных! Говорят, Людовик, не помню нумерацию, тот ставил пиявки на живот своей фаворитке Розалинде, затем снимал их и ел. Мерзавец! Кровопиец! Точнее, кровосос!

Нет, что ни говори, а шоу замечательное. Я и мой сосед по лестничной площадке — двери наших квартир смотрят глазками друг в друга — бар-менеджер, Виктор Павлович Гирькин, по прозвищу "Недовес", всегда это шоу смотрим. Я вас умоляю! "Недовес", несмотря на свои двадцать три, страшнее не то что тараканов, которых поедали в шоу у спортсмена "Динамита" господина и дамы, прибывшие в Бразилию, где много обезьян, из России, где их тоже хватает, но у него и мысли вместе с головой на бычьи яйца похожи, а девчонки его любят и "едят" его за это поедом. Вот такие-то дела.

Ник СИГАРИЩЕНКО

аж жуть!

А вообще-то, я не понимаю страха в телевизионном Факторе Траха. (Фу ты! Страха, страха, конечно же. — Н.С.). Ну что тут страшного за такие деньги? Моего соседа "Недовеса", буквально неделю назад, повалили на пол в подъезде, занесли над головою лом и спросили:

— Ты собираешься возвращать пятьсот долларов, что взял в долг, или нет?

А он им отвечает. Боится, но отвечает:

— Нет.

Те прямо с ломом и остолбенели. А он встал и пошел домой. Ну и куда там этим господам и дамам из Фактора, как его там, конечно, Страха, с их бычьими яйцами и глазами на десерт? Я вас умоляю. Да если вы услышите, как мне пришлось сдавать зимнюю сессию, так вы вообще... Я эту сессию сдавал так, как будто с парашютом из подводной лодки на глубине четыреста метров выпрыгнул. Если я вам расскажу, как я ее сдавал, то ведь не поверите. Поэтому я вам ничего рассказывать не буду.

Буэнос-Айрес, герои, ёлы-палы, в Аргентину из России приехали, по канализационным трубам пробежали, сырых бычьих внутренностей и яиц с выдавленными глазами наелись, на вертолет с катера по веревочной лестнице взобрались и самый шустрый сто тысяч баксов получил.

Господин "Динамит"! Уважаемый Владимир Турчинский. А у меня тетка под Саратовом, между прочим, в деревне, в самой глуши, можно сказать, живет. Пять километров вдоль шоссе — рукой подать до Саратова, что вы на это скажете? Уже сорок семь лет живет. Последние десять лет без газа, электричества и регулярного транспортного сообщения с Аргентиной. И ни фиги не боится. Так где, скажите мне, уважаемый господин Турчинский, ее сто тысяч долларов? Нет мне ответа. Так что не надо, я вас умоляю, не надо ля-ля. Какой же это Фактор Страха, если в нем в слове "Страх" не озвучивается и не просматривается буква "С"? ■

Телегид Ник СИГАРИЩЕНКО

как трудно

Анна ШЕРКУОВА

...Это случилось два года назад. Если бы Даша осталась жива, ей сейчас исполнилось бы семнадцать лет. Она была веселая, жизнерадостная, но, видимо, слишком многое навалилось на ее юную, неокрепшую душу. Часто взрослые люди не понимают подростков, и из-за этого человек запутывается в себе. Не может понять всего, что происходит вокруг и, конечно же, с ним самим. Такая же ситуация произошла с Дашей. В ее поступке не было веской причины. Протест? Возможно. Безысходность? Наверняка. Не в этом суть. Она ушла навсегда. И самое непостижимое — добровольно. Так что же толкает человека, едва начавшего жизнь, уйти из нее? Неужели смерть, по их мнению, является единственным шансом покончить со всеми проблемами? Увы, ответить на эти вопросы просто некому, ведь человека уже нет в живых...

Корни детского суицида

Суицид (от англ. suicide) — акт самоубийства, совершаемый в состоянии сильного душевного расстройства, либо под влиянием психического заболевания; осознанный акт устранения из жизни под воздействием острых психотравмирующих ситуаций, при которых собственная жизнь как высшая ценность теряет смысл. Причины суицида многообразны и коренятся не только в личностных деформациях субъекта и психотравмирующей обстановке, окружающей его, но и в социально-экономической и нравственной организации общества. В нашей стране и за рубежом для предупреждения суицида созданы специальные службы, "телефоны доверия".

По данным Детского фонда ООН, наиболее высокий процент самоубийств наблюдается в Латвии, Литве, Новой Зеландии, России, Словении и Финляндии. Среднестатистические данные показывают, что 25% всех погибших — юноши, 17% — девушки. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), в промышленно развитых странах число

юношей, совершивших самоубийство, в четыре раза выше, чем у девушек. Если же взять показатель неудавшихся попыток самоубийств, то он в среднем в десять раз выше показателя состоявшихся самоубийств.

Четыре главные категории самоубийства:

Эгоистическое самоубийство: коренится в отчужденности. Люди, склонные к такому виду ухода из жизни, предоставлены главным образом сами себе, их мало что связывает с окружающим миром, у них малая зависимость от близких людей. Они предпочитают одиночество.

Самоубийство, совершенное ради определенной цели: когда человек тесно связан с другими людьми, коллективом и готов пойти ради него на все. Например, летчики-камикадзе времен Второй мировой войны или люди, совершающие теракты по всему миру, чтобы привлечь внимание к какой-либо проблеме.

Фатальное самоубийство: как правило, вызывается чрезмерно строгим контролем над личностью, ее свободой. Жертва не видит перед собой будущего, не может терпеть действительность, считает, что жить больше незначит. Чаще всего это люди психически неуравновешенные.

Аномическое самоубийство — совершают люди, которые не могут рационально справиться с трудностями и видят один выход — лишить себя жизни. Такое происходит, когда внезапно меняется отношение человека с обществом.

Например, у прилежного ученика случается ряд срывов на одном из предметов, а учитель не смог или не захотел поддержать его.

Некоторые признаки желаний покончить с собой:

1. **Проблемы со сном, потеря аппетита, апатия.**
2. **Склонность к уединению и отчуждению.**
3. **Побеги из дома.**
4. **Резкие изменения во внешности и поведении.**

просто жить

5. Злоупотребление алкоголем.
6. Разговоры о смерти, записки в самоубийство, рисунки в черном цвете, отбражующие жестокость, особенно направленные на себя.
7. Чувство безнадежности, тревога, депрессия, плач без причины.
8. Утрата интереса к любимым занятиям.
9. Членство в какой-либо группировке или секте.

Это основные признаки. Но бывают и другие. Так, одна пятнадцатилетняя девушка написала, почему она хочет умереть: "Я всегда всего боюсь, боюсь родителей, учителей. Ядерной и простой войны, экологической катастроф, терактов. Я не удалась внешне, думаю, что не выйду замуж, у меня не будет детей. Лучше мне не жить".

Страх есть у каждого человека, но многие находят себе цель в жизни, не боятся окружающего мира... Люди же, которые добровольно лишают себя жизни, чаще всего бывают непоняты даже родственниками.

По данным исследований, проведенных институтом Гэллага среди 16-24-летних, в последнее время к самоубийству приводят растущая пропасть между богатыми и бедными, доступность огнестрельного оружия, жестокое обращение с детьми и общее "неверие в завтрашний день"...

Профилактика суицидов

Некоторые попытки самоубийства и завершённые суициды оказываются полной неожиданностью и шоком даже для ближайших родственников и друзей. Однако в большинстве случаев самоубийцы ясно дают понять свои намерения или же добровольно обращаются в службу помощи при кризисных состояниях. Центры неотложной помощи по предотвращению суицидов пытаются поддержать беседу, оценить реальный риск, предложить помощь в разрешении проблем.

Поскольку депрессии часто связаны с суицидами, то врач просто обязан еще на первой стадии заболевания распознавать недуг, чтобы вовремя принять меры для лечения депрессии. Каждого пациента, а тем более подростка, следует осторожно расспрашивать, чтобы выяснить: не появлялась ли у него мысль покончить с собой.

Опасения, что даже весьма деликатный расспрос невольно наведет пациента на мысль о самоубийстве, лишены оснований. Цель расспроса — получить ясное представление о глубине депрессии, насколько он переживает, пребывает ли в состоянии отчаяния, безнадежности.

В большинстве случаев депрессии носят невротический характер, хотя иногда причи-

ной ее могут быть и несчастная любовь, конфликты с родителями, тяжелые утраты, потеря близких, друзей. А иногда и сочетание депрессии с физическим недугом, хронические или мучительные заболевания.

Часто самоубийство совершают психически больные. При хронической шизофрении к суициду могут привести вспышки приступов, связанных с этой болезнью. Поэтому уже на начальной стадии шизофрении необходимо серьезно относиться к психическому расстройству, когда пациент еще осознает возникшую у него проблему.

Алкоголь и наркотики

Алкоголь предрасполагает к совершению суицида, усиливает депрессию и снижает самоконтроль. Примерно 3 случая суицида из 10 совершаются под действием алкоголя и наркотиков. Среди подростков особенно распространены так называемые "допинги" для "большой смелости". Дети, употребляющие наркотики в 3(!) раза чаще решаются на отчаянный поступок... Под действием дурмана человек перестает контролировать свои эмоции, что нередко приводит к летальному исходу...

Влияние самоубийства на окружающих

Любое самоубийство оказывает на окружающих сильное эмоциональное воздействие. Лечащий врач, родственники и друзья испытывают сложные чувства вины, стыда и угрызения совести, потому что не смогли предотвратить случившееся.

Даже попытка самоубийства так же глубоко ранит близких людей. Хотя, конечно же, у них появляется возможность помочь, облегчить душевные страдания, откликнуться на "крик о помощи".

Невозможно описать чувства, которые испытывает человек, потерявший своего близкого от самоубийства. В России зарегистрировано более 15%, когда люди, потерявшие своих друзей, близких тоже кончают жизнь самоубийством.

Когда человек идет на этот опрометчивый шаг, он должен прекрасно понимать, что в бу-

квальном смысле "убивает своих близких"! Мало кому из родителей самоубийц удается нормально существовать после такого страшного происшествия...

Люди, толкающие на самоубийство

Это отдельный вид самоубийств. По сути, на него толкает любая причина, но есть случаи, когда человека просто вынуждают покончить с собой. Особенно это распространено среди молодежи. На детские неокрепшие умы часто влияют секты, различные экстремальные группы, а в некоторых случаях друзья-приятели. Опытные психологи знают методы воздействия на психику человека так называемым способом "упора", то есть доведением человека до мыслей о самоубийстве...

К сожалению, с всемирной доступностью многих книг и учений данный процент суицидов с каждым годом возрастает...

Статистика:

процент самоубийств, совершенных под воздействием:

Сект — **45**

Экстремистских обществ — **22**

Общественных организаций — **10**

Ровесников — **4**

Групповое самоубийство

В Балашихе случилось групповое самоубийство, которое потрясло всю Россию. Из окна 8-го этажа выбросились сразу три девочки — Алена Струкова, Маша Павлюченко и Таня Кузнецова. Самой старшей из них Тане было 13 лет. Алене и Маше всего 11.

Примерно в 18 часов все трое собрались на кухне у Алены — ее родителей не оказалось дома в тот вечер. Девочки вместе сочинили предсмертную записку. Около 21 часа они выпрыгнули из окна. (Спустя время эксперты доказали, что записка не была написана рукой ни одной из девочек...)

Групповое самоубийство, безусловно, отдельная часть суицидов. Вообще они совершаются чаще всего под влиянием сект и случаются довольно редко. По общим подсчетам, из 200 только 10 оказываются групповыми.

Сейчас подавляющее большинство групповых самоубийств совершается детьми...

Жизненный инстинкт обостряется только тогда, когда жизни угрожает опасность. В Освенциме уровень самоубийств среди охранников был в несколько раз выше, чем среди заключенных. Современному человеку, которому повезло родиться в благополучной, сытой стране, жизненный инстинкт не очень-то нужен. Он знает, что почти наверняка будет жить в комфорте и умрет от болезни Альцгеймера в 94 года. Такая уверенность приводит к утрачиванию инстинкта самосохранения, а это — первый шаг к атрофии, к преобладанию инстинкта смерти. Последствия налицо — и это признак старения человечества.

Религия и суицид

Вернемся к нашим российским реалиям. В последние годы можно наблюдать возрождение христианства в посткоммунистической России. Так всегда бывает по закону маятника: чем дальше отклонен в одну сторону, тем больше затем отклонится в другую. Церковь и вера начинают играть существенную роль в нашей жизни (даже власть заигрывает с верующими, причем, в большинстве случаев делают это лишь напоказ). Каково же отношение церкви к суициду? Приведем краткие факты. Христианство сформировало безоговорочно отрицательное отношение к суициду через 500-600 лет после своего возникновения, когда антисуицидальные церковные соборы V-VII веков ввели в христианство тезис о недопустимости самоубийства. Вспомним высказывания Н. А. Бердяева по этому поводу: "Самоубийство есть измена Христу"; или слова В. С. Соловьева: "Можно сочувствовать самоубийце, но нельзя сочувствовать самоубийству. Самоубийство вызывает жуткое, почти сверхъестественное чувство, как нарушение Божеских и человеческих законов, как насилие не только над жизнью, но и над смертью".

Философия самоубийства

Рассмотрим кратко философию этого феномена. Кстати, в каталогах российских

библиотек суицидологическую литературу относят к общей философской категории "Смысл жизни".

Не умаляя значения философии и достоинства философов, стоит вспомнить высказывание Фрейда: "Если человек начинает интересоваться смыслом жизни или ее ценностью, это значит, что он болен". И афоризм сатирика Леца: "Человек задумывается о смысле своего существования; возможно, устрицы задумываются о том же, если только им не открыл этого какой-нибудь офицант".

Спор философов о самоубийстве продолжается по меньшей мере два с половиной тысячелетия, со времен античности. Однако, корректной (то есть оперирующей одной и той же системой аргументации) дискуссия была недолго: сначала в дебаты о смысле и целесообразности этого деяния вкрался этический фактор, не поддающийся логическому анализу. Затем в спор вмешалась религия — с этого времени сторонники и противники суицида заговорили на совершенно разных языках.

Действительно, кем является человек по отношению к собственной жизни — хозяином или сторожем? Если он — хозяин, то имеет ли право на добровольный отказ от нее?

Как помочь человеку, решившему покончить с собой?

Выслушайте — "Я слышу тебя". Не пытайтесь утешить общими словами типа: "Ну, все не так плохо", "Тебе станет лучше", "Не стоит этого делать". Дайте человеку возможность высказаться. Задавайте вопросы и внимательно слушайте.

Обсуждайте — открытое обсуждение планов и проблем снимает тревогу. Не бойтесь говорить об этом — большинство людей чувствуют неловкость, говоря о самоубийстве. Не стоит отрицать или делать вид, что такая тема не существует.

Будьте внимательны к косвенным проявлениям. Даже каждое шутивное упоминание о суициде следует воспринимать всерьез.

Подчеркивайте временный характер проблем — признайте, что его чувства очень сильны, проблемы сложны — узнайте, чем вы можете помочь, поскольку вам уже доверяют.

Причины детского суицида

Подводя итог, хотелось бы задать самый главный вопрос. Зачем?

Зачем люди делают это? Что действительно толкает в пропасть? Некоторые ведь совсем не хотят умирать. Просто хотят обратить на себя наше внимание. Показать, что в мире, кроме всех прочих, есть еще и они! А быть может, им просто уже не остается другого выбора...

Возможные мотивы

Поиск помощи — большинство людей, думающих о самоубийстве, не хотят умирать. Самоубийство рассматривается как способ получить что-либо, например, внимание, любовь, или же освободиться от проблем, от чувства страха, отчаяния.

Безнадежность — жизнь бессмысленна, а на будущее рассчитывать не приходится. Потеряны всякие надежды изменить жизнь к лучшему.

Множественные проблемы — все проблемы настолько глобальны и неразрешимы, что человек не может сконцентрироваться, чтобы разрешить их по одной.

Попытка сделать больно другому человеку — "Они еще меня пожалеют!" Иногда человек считает, что, покончив с собой, унесет проблему и облегчит жизнь своей семье.

Способ разрешить проблему — человек рассматривает самоубийство как показатель мужества и силы.

Порой мы замыкаемся в себе. Не чувствуем силы разрешить какие-то проблемы, не чувствуем помощи со стороны окружающих. Но это не обозначает, что нужно замыкаться в себе! Ведь, пожалуй, это и есть главная причина детского суицида. Самоубийство — самый легкий способ выйти из сложной ситуации. А вот разрешить ее, прийти к какому-то завершению, действительно, сложно! Самоубийство — страшный шаг. Как бы тебе ни было плохо, всегда нужно находить правильное решение, даже самых сложных проблем. Запутываемся мы в себе часто, а вот жизнь нам дается одна... ■

Существует расхожее мнение, что современный подход к музыке отличается от прошлого своей нечестностью и неправдоподобностью. Раньше пели так, как жили, а теперь стараются жить так, как поют. Мода, индустрия, формат... В итоге по телевизору мы видим карикатурный собирательный образ всего самого нелепого и псевдо-модного. В современном шоу-бизнесе как при коммунизме: для того, чтобы какой-либо музыкальный продукт был выставлен на суд общественности, он должен пройти через кучу инстанций и начальников с извращенным вкусом. Поэтому вся самая лучшая и интересная музыка остается андеграундом. Шоу-бизнес прельщает в основном астрономическим количеством денег, крутящихся в нем странными маршрутами: от одного популярного исполнителя к другому. А качество продукта волнует, в лучшем случае, во вторую очередь. Ну, а массовый русский слушатель, как известно, подбирает свою аудио-коллекцию по принципу: что не хуже — то лучше. Да еще играет роль всеядность. Поэтому нет ничего удивительного в том, что название группы, о которой пойдет речь, вам ничего не скажет. Потому что для ее участников важнее качество своей музыки, а не возможность ее адаптации к неприхотливому уху потребителя.

Знакомьтесь, группа "Biting Elbows" (по-английски — "Кусая локти", по-русски просто "Локти"). Это достаточно молодой коллектив, но уже завоевавший если не популярность, то глубокое уважение истинных почитателей и ska-punk, и punk-rock.

На мой взгляд, отличительная черта группы от других ска-панк команд в том, что они интегрировали в свое достаточно классическое звучание электронную музыку в живом исполнении. А также то, что весь репертуар песен написан и исполняется исключительно на английском языке. Ребята делают по-настоящему "родной", классический панк-рок американского образца. Играют они с октября 2001 года.

Я встретила с группой (в неполном составе) в небольшом кабачке в центре Москвы. Илья — вокал, автор текстов, бас-гитара; Юра — гитара; Илья — барабаны. Ди-джей Женя, к сожалению, подъехать не смог.

— Когда и как образовалась группа? Как вы познакомились?

Юра: — Я вам сейчас расскажу краткую историю, как это все дело происходило. Изначально группа состояла из пяти человек: это я, Юра-гитарист, Илья — на басы. Нет! Тогда он только пел. На басы играл негр — Топе. А на гитаре канадец — Mathew. Вначале ушел Топе.

Илья-вокалист: — Вместе с басом!

Юра: — Потом слинял канадец, и мы остались троим. Так как не хотелось брать еще одного человека, который имел бы какое-то отношение к сочинению музыки, бас-гитара оказалась у Ильи, и до сих пор она у него в руках. По сегодняшний день.

Илья-барабанщик: — Сижу я как-то на работе и вдруг появляется чувак: “Эй,

здорово, ты, типа, барабанишь?” “Типа барабаню”. “Ну, пошли к нам барабанить!” Я: “А вы кто такие?” Ответ: “Ну, мы типа банда!” Я: “О, круто, ну, пошли”.

Илья-вокалист: — С Юрой мы уже семь лет как знакомы. В одной школе учились, в одном классе. Создали группу, а потом все уехали и пришлось набирать новую. К этому времени познакомился с канадцем и стали играть вместе, а тут и Юра объявился и заявил, что будет с нами работать. И мы с удовольствием согласились. Ведь всегда лучше с друзьями сотрудничать.

А Илью-барабанщика мы с Юрой нашли в Интернете, частное объявление дали на порно-сайте. Шутка. Он нам сразу понравился, и мы подумали; “Почему бы и нет, а если

герои Нового Времени или на старой волне...

он еще и барабанить умеет, то вообще отлично”.

Юра: — Я добавлю про Женьку, нашего ди-джея. Еще когда у нас был канадец-гитарист, он как-то пошел в салон подстричься, и я отправился с ним, чтобы объяснить парикмахеру, какую прическу ему надо сделать, потому что он по-русски не говорил. Женек там работал стилистом, вначале подстриг канадца, потом меня. Пока стриг, мы с ним разговорились. Женя сказал, что он ди-джей, и я пригласил его к себе на день рождения домой, где у нас проходил первый концерт. Для такого случая украли в школе барабаны... Женя пришел, мы сыграли. А потом, через какое-то время он стал постоянным членом нашей группы.

— Сколько вам лет?

Илья-вокалист: — Нам от 19 до 27.

— Почему вы поете на английском? Почему вы выбрали именно этот язык?

Юра: — Никто английский, на самом деле, не выбирал, просто на русском ничего достойного написать пока не получается. Вернее, получается либо слишком серьезно, либо просто тупо!

Илья-барабанщик: — У нас есть несколько песен на русском, звучат они довольно хорошо. А так, в принципе, исполнять панк на английском как-то более удобнее. И звук оригинальнее. Главное, чтобы и музыка была интересной, и тексты. У многих тексты совершенно никакие.

— Где вы так выучили английский, что можете даже на нем писать стихи?

Илья-вокалист: — Я жил в Англии, правда, давно, когда еще маленьким был... Но язык усвоил. Остальные сами выучили. Ведь у нас в группе работали англоязычные Топе и канадец.

— Бывают какие-нибудь разногласия между вами?

Илья-барабанщик: — Ссор не было. Так, просто маленькие драки. Мутузили друг друга ногами-руками, но после мирились и двигались дальше.

— Ты что, серьезно?

Илья-барабанщик: — Нет, конечно, шучу. А разногласия случаются. Как же без

них. Вот Илья приносит что-то, а нам не нравится, мы и не играем. Он обидится, а затем придумываем что-то. Это нормально. Без ссор творческого процесса не может быть.

Илья-вокалист: — Конфликты возникают из-за отдельных песен. Потому что кому она нравится — хочет играть, а кому не нравится, то и не играет. Из-за этого, в результате, забудено уже несколько клевых песен.

— А песни в основном про что?

Илья-вокалист: — Да про все! У нас нет одного какого-то точного направления.

— С 2001 года уже достаточно времени прошло. Меняетесь ли вы?

Илья-вокалист: — Меняемся! Меняется уровень самой игры, лирика становится более серьезной. Например, была у нас песня “Вышибала”. Текст там прикольный, веселый, но уже сегодня не актуальный, потому что проблем с вышибалами у нас давно нет.

— Кем вы видите себя в будущем?

Юра: — Я очень хочу, чтобы моя жизнь всегда была связана с музыкой. По крайней мере, сейчас я осваиваю профессию звуко-режиссера...

Илья-вокалист: — Думаю, сколько наша группа просуществовет, настолько я и останусь с ней. А загадывать о будущем сейчас невозможно. Как сложится так тому и быть...

— Юра, я знаю, что ты монтировал видео-журнал о скейтборде, и ваша музыка была саундтреком к нему?

Юра: — Да, монтировал одну из рубрик... Но ничего, кроме матерных слов, про этот журнал сказать не могу. Очень много времени зря потратил. Полный маразм!

— Какую музыку вы сами слушаете?

Юра: — Если говорить про меня, то от классической музыки, народной, до кельтских. Что угодно, если это качественно сделано, если музыкально, мелодично, гармонично... Мой музыкальный интерес не ограничивается только панком, ска-музыкой или вообще музыкой в каком-то одном определенном жанре.

Илья-вокалист: — А мне больше всего нравится панк. Он дает колоссальный энергетический заряд, который мне нужен.

Илья-барабанщик: — Я люблю разнообразие, но, в основном, слушаю панк...

— А кроме музыки... Вы все по жизни чем-то увлекаетесь?

Юра: — Чтобы преуспевать, надо достичь в музыке определенного уровня, нужно очень много времени отдавать ей. Этим я на сегодняшний день и занимаюсь. Времени на другое просто не остается...

Илья-вокалист: — У меня две любви — кино и музыка. Все.

Илья-барabanщик: — Я занимаюсь веб-дизайном. Это не только хобби, но и моя работа, которая приносит основной доход. И кроме этого еще пишу электронную музыку и пытаюсь как-то проявить себя в кино. Пытаюсь писать сценарии.

Юра: — А Женя — стрижет! Он стилист. — Что сейчас происходит в группе?

Юра: — В скором времени приступаем к работе над нашим первым альбомом. Сейчас у нас только две записи демо, ничего особенного... Но двенадцать песен уже записано, отзывы довольно положительные. А альбом, думаю, получится отличным.

— О чем мечтаете?

Илья-вокалист: — Добиться успеха, поднять группу на самый высокий уровень.

— Какъв ваш слушатель?

Илья-вокалист: — Человек, умеющий думать. Самодостаточный и не идущий на поводу у других. Собственно, и музыка у нас не как у всех...

Юра: — Играем мы всегда откровенно, энергично и всем это нравится.

— У вас больше поклонников или поклонниц?

Юра: — У нас больше друзей...

— Где вам больше всего понравилось выступать?

Илья-вокалист: — В "Свалке". Там хороший звукорежиссер, прекрасная акустика и всегда весело. Зритель может спокойно расслабиться — потанцевать, покурить...

— На больших фестивалях играли?

Илья-вокалист: — На фестивале "Этим Летом" в 2002 году... Причем приехали туда в час дня, нам сказали: "В два ваш выход". В итоге мы начали играть в час ночи, прождали 10 часов. Все промокли под дождем.

Илья-вокалист: — Мы часто выступаем в "Матрице", "Relax", "Бармалее", в лучшем

клубе Москвы "Логово", где иногда показывают порнуху на стенах. А мне понравилось в подольском ДК. Приятно, когда металлисты, скины и всякие там панки находятся в одном зале. Там, в Подольском ДК, зрители были настроены очень доброжелательно и концерт прошел без эксцессов...

— Где проходят ваши репетиции?

Илья-вокалист: — В основном на Ленинском проспекте на "Студии Т", неплохое, кстати, место. "Студия" — такая маленькая, уютная...

— Поклонницы не достают?

Илья-вокалист: — Увы, увы, не достают. Многие, правда, подходят, говорят, что, типа, прикольно, молодцы, еще придем. А так, чтобы одежду рвать... Нет, не было. Но ждем, надежды не теряем.

Юра: — А мы вообще оптимисты. И надеемся не только на внимание поклонниц к нашему творчеству. А еще на то, что придет время, и мы покорим музыкальный Олимп.

Беседовала **Катя Петренко.**

СОВСЕМ НЕМНОГО ДОВЕ

Сергей ЧЕКМАЕВ

Есть поговорка “везет, как утопленнику”. Смешно вроде, но если с тобой нечто подобное происходит, мигом пропадает всякое желание веселиться. Как сейчас. Надо очень сильно постараться, чтобы сломать ногу на третий день каникул, во время долгожданного переезда на новую квартиру!

Почти два месяца Настена моталась по многочисленным московским родственникам, приглядывая по газетам и фонарным столбам приемлемый вариант. Наконец, нашла: цена сходная, до метро не очень далеко — пять остановок, дом, правда, новый, телефона нет, да и целиком заселить его пока не успели, потому и мелких недоделок — с вагон. Ковролин на полу пошел волнами, кран на кухне закрыть под силу лишь культуристу, а график работы лифта известен только ему самому. Ну и что? Жить можно, а большего пока и не надо. К третьему курсу можно будет себе и что-нибудь поприличнее позволить.

Полная самых радужных планов, Настена с чемоданом в руке и тяжелой сумкой через плечо как на крыльях летела от остановки к подъезду. Надо будет обязательно закатить девчонкам с курса праздник — отметить новоселье, посидеть, расслабиться. Заучились ведь совсем с этой сессией, даже в Новый год веселились с оглядкой: шутник-декан назначил зачет по “античке” на второе января.

Переменчивая московская погода как раз выкинула очередной фортель: после трех дней оттепели ртуть в градуснике неожиданно скатилась на минус десять. Город моментально превратился в гигантский каток. Дорожная служба старалась по мере сил, но здесь, у нового дома, понятное дело, никто и не подумал потратить хотя бы щепотку песка. Зачем, мол, все равно жильцов раз-два и обчелся. Настена балансировала на льду, словно канатоходец в цирке, но все-таки не убереглась.

Она только и успела почувствовать, как кто-то резко выдернул опору из-под ног, земля крутанулась, и от неожиданной острой боли в лодыжке Настена вскрикнула. Попыталась подняться — не получилось, только нога разболелась еще сильнее.

Настена кое-как дотянулась до откатившейся к бордюру сумки, нащупала в боковом кармане мобильник. Деньги на нем закончились еще вчера, она как раз собиралась прикупить карточку по дороге, да вот совсем из головы вылетело. Хорошо хоть “скорую” можно бесплатно вызвать! Дрожжащими пальцами Настена набрала “03”:

— “Скорая” слушает.

Стараясь придать голосу твердость, Настена объяснила ситуацию и продиктовала адрес.

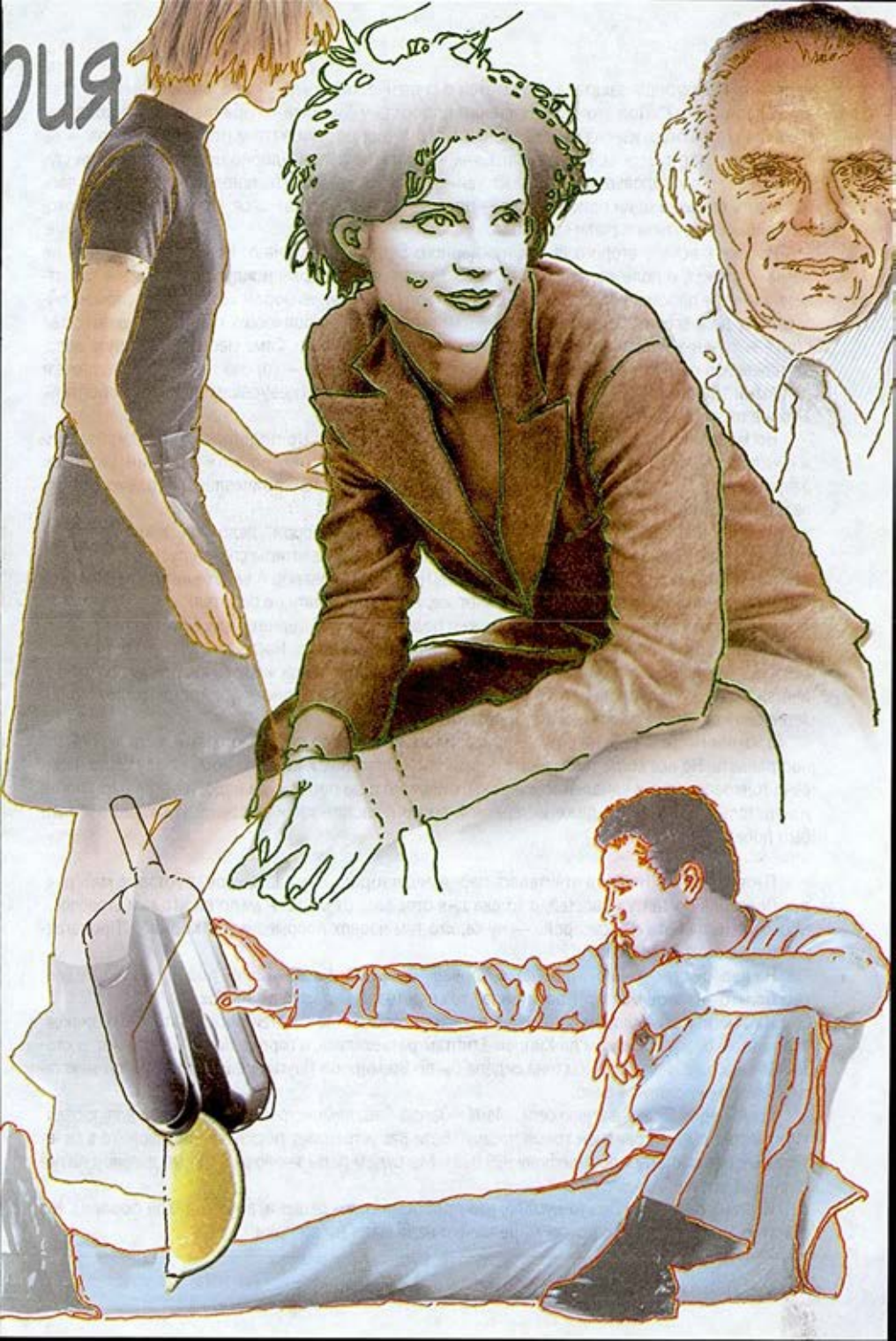
— ...Если можно, побыстрее. Очень болит.

— Много вызовов сегодня. — Строгая операторша несколько смягчилась. — Все машины в разъезде. Ты уж потерпи, девочка.

“Скорая” приехала минут через сорок, Настена уже успела как следует закоченеть. Усталые парни, завидев состояние пострадавшей, мигом подобрались, доволокли ее до квартиры на крепких плечах, неустанно балагуря, наложили гипс. Да так, что Настена почти и не заметила. Практикант-стажер даже приготовил чай и напоил замерзшую пациентку из шерботой кружки.

— ...а в больницу забрать никак не можем, извини, Насть. У тебя страховки медицинской нет, ты ж не московская, и регистрация просрочена... Даже если привезем — сто процентов не примут. Пошлют в платную. Оно тебе надо?

Поначалу было чем заняться — квартиру прибрать, штукатурку с окон протереть, да и по работе кое-что висело: Настена числилась внештатным репортером в одном глянцево

нальчике. Редакторша заказала пару статей о студенческой среде: "кто о чем мечтает?" и "как этого добивается?" Под это дело Настена выпросила у Кирилла с параллельного потока маленький компьютер, извела всех девчонок в группе вопросами, зато материала набрала — на пять статей хватит. Весь вечер набивала, так что пальцы устали, удобно пристроив ногу на стуле, а комп — в изголовье дивана. Даже увлекло как-то. Раньше Настене никогда не удавалось закончить статью в один присест, а тут — подишь ты! — не оторвешься. Остановилась с неохотой, лишь когда глаза начали слипаться.

Но уже к вечеру второго дня вынужденного безделья Настена от скуки чуть на стенку не лезла. А может, и полезла, если бы не нога. Статьи давно готовы и ждут своего часа в таинственном нутре плоской коробочки с надписью "Sony Clie". Телевизором хозяева квартиры не обзавелись, да и всей мебели-то — по пальцам пересчитать: героических пропорций диван, два стола, высоченный шкаф-трюмо, да десяток колченогих стульев. Сама Настена, понятное дело, на телевизор разориться не могла, а радио все время слушать — голова заболит, пусть даже и любимый "Динамит ФМ". Работал бы телефон, можно было бы девчонкам звякнуть, поболтать, а то и в гости заманить, чтоб не так скучно было.

Но металлический голос роботессы сводит на нет любые подобные попытки: "задолженность вашего лицевого счета...". Понятно, что денег нет, но хотя бы один звончек разрешили в кредит! Катюхе, например. Она бы и карточку привезла. Да только робота разве объяснишь?

В принципе, кое-как ходить Настена могла. Парни из "скорой" дело свое знали крепко, и гипс держал — лучше не бывает. Но на ее этаже соседние квартиры стояли пустыми, по крайней мере, сколько Настена ни звонила, ни разу никто не отозвался. А вверх-вниз по лестнице со сломанной ногой прыгать — увольте! Лифт же, как назло, опять не работал.

Кирилл хвастался, будто бы комп можно подключить к Интернету, даже гнездо показывал, а в кожаном футлярчике свернулся до поры специальный шнур. Настена знала, что где-то в доме есть розетка Всемирной Паутины. Кивнула понимающе, когда хозяева квартиры про достоинства своей жилплощади распирались, да и забыла, — ей и в голову прийти не могло, что розетка сможет чем-то помочь. А вот пригодилась же.

В жизни Настене еще ни разу не приходилось иметь дело с компьютерами, подключать их, настраивать. Но все когда-то бывает в первый раз. Описание к Кирилкиному компу было написано толково, шнур, к удивлению Настены, с первого раза попал куда надо, и после пары часов изнурительной, но где-то даже интересной возни с настройками, искомый Интернет все-таки был побежден.

Первым делом Настена отчиталась перед редактором, отослав в журнал готовые материалы. Полазила по сайту новостей, а то два дня оторвана от мира — мало ли что там стряслось. Музыкальные чарты просмотрела — ну-ка, кто там наверх прорывается? "Корни", "Пропаганда" или, может быть, "Звери"?

На первой строчке, понятное дело, торчал "Эминем", а вот "Корни" подобались уже совсем близко — пятое место, "Пропаганда" тоже дышала лидерам в затылок.

На институтский форум заглянула, оставила сообщение с кучей восклицательных знаков. Жаль только, все по домам да Кипрам-Египтам разъехались, в городе почти никого нет, и отозваться некому. Наверное, Настена сидела бы во Всемирной Паутине еще долго, но тут некстати вылезло неприятное окно:

"Внимание! Пользователю сети SolarNet-Запад. Ваш демонстрационный доступ для проверки качества связи ограничен тремя часами. Если Вас устраивает подключение, звоните в центральный офис SolarNet по телефону 999-0331. Мы будем рады заключить с Вами договор на постоянной основе".

Настена опешила. Она-то думала, что проблема скуки решена, а тут — такой сюрприз. Ну, понятно, что бесплатного в этом мире ничего не бывает, но все-таки...

Сайт новостей все еще подмигивал с экрана шокирующими баннерами: "Хочешь войти во ВЛАСТЬ?", "Последний день президента!" — внизу маленькими буквами: "Перед уходом в краткосрочный отпуск", и жуткий, кричаще-красными буквами: "Откровения мертвой кинозвезды". Среди всех этих ужасов совершенно незаметным квадратиком притулилось объявление московского виртуального Клуба Знакомств "Нечаянные встречи".

Потом Настена долго пыталась вспомнить: как же так получилось, что она нажала на этот баннер? Случайно? Или хотела закрыть окно SolarNet'a и промахнулась? А может... Нет, не вспомнить.

Сайт "Нечаянных встреч" порадовал ее неброским, но удивительно приятным дизайном. В нем все оказалось просто и понятно. Настена полистала объявления за последнюю неделю — а их оказалось немало, — посмотрела фотографии. Она, конечно, слышала от подруг, что во Всемирной Паутине подобных местечек — немеренное количество, и на них действительно можно найти что-то, но сама Настена оказалась на сайте знакомств впервые. Интересно же. Вот только перестал бы, наконец, щелкать в голове этот проклятый счетчик, отмеряющий оставшееся до конца трехчасового лимита время!

Большинство объявлений оказались никакими. Действительно, никакими. Незапоминающимися. Имя, возраст, интересы, "позвони мне". Иногда — фотография с голубоглазым блондином, неизменно улыбающимся в полный рот великолепных голливудских зубов. Но почему-то блондины оказывались настолько похожими, что невольно закрадывалась мысль: "а не скопирован ли сей красавчик с какого-нибудь фэшн-сайта мужской одежды?"

Так что в мужской части народонаселения Настена быстро разочаровалась. Что за скрытность, в самом деле? Познакомишься с таким, договоришься о встрече, придешь в надежде на ди Каприо или, по крайней мере, Джорджа Клуни, а он окажется лысеющим пузаном лет под пятьдесят, у которого единственное достоинство лежит во внутреннем кармане безвкусного клубного пиджака.

Заглянула Настена и на женскую половину "Нечаянных встреч". Фыркнула, пробормотала вполголоса:

— Хорошо, не видит никто, а то бы слушок по группе прокатился: розовая, розовая! Прохода бы не дали.

Девчачьи объявления оказались не намного интересней. Половина претенденток на знакомство искали "состоятельных мужчин, способных выполнять маленькие девичьи капризы", а если по природной скромности и не признавались в своих запросах прямо, все равно среди качеств предполагаемого партнера всегда на первом месте стояла "щедрость".

У Настены даже шея заболела — головой качать каждый раз. Однако среди общей массы попадались объявления пооригинальней. Одна девушка соглашалась встретиться только в том случае, если избранник предварительно удовлетворит ее в виртуальном сексе. Что есть еще и такой, Настена и не подозревала, но звучало интригующе. Другая, "Уставшая от одиночества", накатала целое эссе — настоящий крик души. Настена даже сохранила текст на компьютере, чтобы потом перечитать на досуге. Не удержалась, попеняла невидимой собеседнице:

— Да, подруга, зря ты тут распинаясь на два экрана — не поймут они ничего. Спишут на женскую логику, как обычно, плечами пожмут да перещелкнут на следующую объяву.

Следующая оказалась что надо. Настена даже вздрогнула. В глаза бросилась заглавная строчка, жирным шрифтом: "Ты — самоуверенный мерзавец, подонок, бабуин и сволочь? Любишь играть чужими чувствами? Ты открыл нужную страницу. Поиграем? Пиши".

Настена неодобрительно хмыкнула: мужики, конечно, не сахар, но нельзя уж так прямо... Какой-нибудь самоуверенный ловелас действительно захочет себе и всем доказать: "Смотрите, какую тигрицу я приручил!" Если у него получится — сама не рада будешь, а нет, так подобные типы, стоит оскорбить их самолюбие, способны потом всю жизнь гадить по мелочам. Знаем, проходили.

Вот тут-то Настену и посетила крамольная мыслишка: а что если свое объявление оставить? Проклятый гипс снимут еще только через две недели, будет пока какое-никакое развлечение. А там — кто знает... С Артемом у них так ничего и не получилось, сейчас она, что называется, — “свободна”... тьфу, слово какое гадостное! Как такси или столик в студенческом кафе.

Только вот как общаться-то с будущими кавалерами? Телефона нет, мобильник — в дауне, от Интернета, дай Бог, если минут сорок осталось... Не попереписываешься особенно. А встретиться с такой ногой... гм... плохая идея.

Наконец, Настена решилась. Ткнула в кнопку “оставить сообщение”, вбила в поля нехитрой анкеты свой почтовый адрес, кое-какие данные и, почти не задумываясь, напечатала в поле “послание”:

“Приветик! Спасибо всем, кто это читает! Очень рада познакомиться! Сразу оговорюсь, что в долгой переписке особого смысла не вижу, потому что все равно ведь только при встрече выяснится, смогут ли наши отношения продолжаться или нет... Поэтому я не против сразу познакомиться в реале и понять, подходим ли мы друг другу. Согласен? Только у меня небольшая проблема. Дело в том, что я учусь в институте, а живу в наемной квартире, городского телефона там нет, а на мобильном закончились деньги (почему-то на мобильном они кончаются особенно быстро). Давай поступим так. Пришли мне свой номер телефона и код карточки МТС, я ее активирую, позвоню тебе, и мы сможем договориться о встрече. Извини, пожалуйста, что я сразу с просьбами... Целую! Чмок! Жду ответа. Настена”.

Конечно, если бы у нее было побольше времени, Настена обязательно перечитала бы свое “объявление” повнимательней. И, конечно, поняла, как похоже это все на сетевую аферу, попытку наскрести в Сети достаточно доверчивых простаков, чтобы “оплатить” мобильник. Но... время, время! “Демонстрационный доступ ограничен тремя часами” — а ведь хочется еще и ответы почитать. Не может же так получиться, что ее объявление никто не заметит! Ведь, правда?

Поэтому Настена быстренько дописала адрес своей электронной почты, указала мышкой на окошко “Записать” и отключилась от Интернета.

Наутро, еще толком не проснувшись, Настена первым делом решила заглянуть в почтовый ящик. Запустила программу, выбрала адрес и... от неожиданности чуть не скатилась с дивана. Двадцать три письма! Интересно, что они там написали...

Лучше б компьютер сломался! Или Интернет, например, кончился — те самые сорок минут. Или... ну, не знаю... электричество отключили. Все лучше было бы. Ошалевшая Настена все поняла уже после первых пяти писем, но какая-то неведомая сила заставляла читать дальше:

“...Все это сильно смахивает на мошенничество. Статья такая есть в уголовном кодексе. Советую почитать. А то ведь не только телефон могут отключить...”

“...Короче, чтобы все было по-честному: ты мне говоришь свой номер, я завтра кладу тебе на него деньги. И могу позвонить тебе сам. А то я тебе куплю карточку, скажу код, а потом — ищи тебя...”

“...Ты, конечно, извини, но откуда я могу знать, что ты не просто активируешь карточку, а потом даже и не подумаешь со мной встречаться. Поскольку я не люблю, когда меня кидают, то предлагаю сначала встретиться, а уж потом я буду на тебя деньги тратить. По-моему, это будет честно. Я ведь тебя не знаю, а поэтому не могу быть уверенным до конца — честна ты со мной или нет...”

“... какое-то кидалово на карты оплаты у тебя получается. Такие люди, как ты, любят разводит лохов подобным вот макарон. Но я не из них, посему могу только пожелать научиться зарабатывать каким-нибудь честным путем. Удачи...”

Некоторые отвечали коротко, двумя-тремя словами. Но емко: своего рода адрес, по которому следовало отправиться автору “наглай” объявы. После третьего подобного письма Настена не удержалась и разрыдалась.

Неужели так тяжело поверить, что она действительно оказалась в сложной ситуации? Почему во всем люди видят только плохое?! Везде им чудится подвох!

Успокоившись, Настена стерла все письма, так и не дочитав до конца. Потом удалила свое объявление с "Нечаянных встреч", с ненавистью вырвала шнур подключения из розетки и дала себе честное-пречестное слово НИКОГДА больше не появляться на сайтах знакомств.

Однако клятву пришлось нарушить. Причем буквально через пару месяцев. Гипс давно сняли, нога почти зажила, так, немножко побаливала. Каникулы кончились, пошла учеба, работа... Настену увлек привычный водоворот, она даже стала забывать историю с объявлением.

О провалившемся "эксперименте" Настена никому не рассказывала. Разве что обмолвилась парой слов со своей начальницей Никой, редактором журнала. В общих чертах. Но та неожиданно заинтересовалась:

— Ну-ка, ну-ка! И что дальше?

Настена коротко, не вдаваясь в подробности, описала смысл ответов.

— А что? — задумчиво проговорила Ника. — Неплохой, в принципе, материал может получиться. Какие, мол, сейчас люди пошли недоверчивые. Везде обман видят, не верят ни во что... Сможешь написать?

— Я так разозлилась тогда, что все "ответы" стерла. Откуда теперь материал набирать? Выдумать, разве что?

— Зачем? — удивилась Ника. — Зайди на тот же сайт или другой какой-нибудь, да и повторь объявление.

Настена поежилась.

— Что, крепко тебя приложили? Да уж, вижу. А ты не думай. Сейчас ты — журналист, который проводит социологическое исследование. И какие-то там выкрики отдельных идиотов тебя не должны волновать. У тебя — работа.

— Хорошо, я попробую, — неуверенно проговорила Настена.

— Пробовать не надо, — произнесла Ника назидательно. — Надо делать.

Если бы не затянувшиеся переговоры с банком, Кирилл ушел бы домой рано — пятница, наплыв клиентов спал, а с рутинной и менеджеры разберутся. Но пришлось задержаться, то и дело украдкой поглядывая на часы. Вечером Дениска, как всегда, собирал всех в бане, хорошо бы еще успеть заскочить домой минуток на двадцать, переодеться, стряхнуть поднадоевшую за неделю рабочую суету.

Наконец, договорились обо всем, пожали руки, разошлись довольные друг другом. Кирилл проводил гостей до двери, закрыл ноутбук, собрал в папку бумаги. Жаль, чай остыл, пока шли переговоры, ну да ладно. Можно и дома попить. Конечно, не то будет, лучше Маечки никто в этом мире заваривать не умеет. Но не вызывать же ее теперь! Пусть уж отдыхает, итак за день набегалась.

Тренькнул вызов, Кирилл посмотрел — линия местная, не город. Что там еще случилось?

— Алло?

— Кирилл Игоревич, извините, вы свободны?

Маечка. Да что она, мысли, что ли, читает?

— Да, Маюш, заходи.

Мягко простучали каблучки, дверь приоткрылась, впустив тоненькую фигурку. Прическа — безупречна, на губах — привычная улыбка, только ноги немного дрожат от бесконечной беготни, и в уголках глаз притаилась усталость.

— Кирилл Игоревич, я знаю, что вы хотели уйти в пять, но к вам очень просится один посетитель.

Майя положила на стол визитку. Кирилл прочитал: "Аксенов Альберт Георгиевич. Центр "Третий глаз". Психокорректор". Заметив недоуменно взлетевшие вверх брови начальника, Майя продолжила:

— Это наш клиент, мы организовывали тур в Испанию, ему все очень понравилось, и он хочет вас лично поблагодарить. Очень настойчивый господин.

Кирилл чуть заметно поморщился, но кивнул. Не стоит обижать отказом: довольный клиент — потенциальная реклама. Скольким своим друзьям он порекомендует "Миротур"? Двум? Пяти? Десятку? Имеет смысл проявить любезность. Да и много ли времени займет такая беседа? "Спасибо-Пожалуйста-Надеюсь и впредь. — Всегда будем рады..."

— Зови, Маюш. И попроси кого-нибудь из девочек чайку нам сделать. Гостевого.

— Да я и сама...

— Сиди уж! Сама. А то я не вижу, как у тебя ноги подкашиваются!

Психокорректор оказался среднего возраста сухоньким дядечкой. Седые виски, безупречный пробор, тоже с проседью, ничем не выделяющееся лицо, кроме, разве что, удивительно пронизательных и умных глаз.

Пока ждали чай, пока Ирочка разливала тягучее зеленое варево, разговор действительно крутился вокруг недавнего тура. Альберт Георгиевич цветисто благодарил, Кирилл с жаром отнекивался: "ну что вы, не за что..." и приглашал пользоваться услугами "Миротура" минимум всю оставшуюся жизнь. Психокорректор с благодарностью принял пачку цветастых проспектов, кивнул на тонкий намек по поводу "возможных скидок как постоянному клиенту" и закатил глаза от непоказного наслаждения, распробовав чай.

— Скажите, Альберт Георгиевич. — Разговор пошел уже на второй круг, и Кирилл решил сменить тему. Не сидеть же молча, улыбаясь друг другу, как китайские болванчики! — Что это за профессия такая — психокорректор? Никогда раньше не слышал. Если это не какая-то тайна...

— Нет, что вы! Никаких тайн. В нашем центре людям помогают решать проблемы, невидимые глазу. Снимают порчу, проклятие, сглаз, кодируют на удачу, подправляют карму... — Заметив скептическую ухмылку Кирилла, Альберт Георгиевич кивнул: — Именно, карму. Вы зря улыбаетесь. Тем, кто верит в подобные вещи, помогает почти всегда. А вот тем, кто нет... Вам, например. Вам, Кирилл, могу помочь только я, психокорректор. Без всякой магии, заговоров и пассов руками. Взять — и изменить. Свои проблемы человек почти всегда способен решить сам. Моя задача показать ему, что он МОЖЕТ. Вернуть супруга, удачу в бизнесе, развязаться с девицеством и выйти замуж...

— И как же?

— Нет, вы не думайте, что это получается за один сеанс. Некоторые люди настолько задвлены своими проблемами, что им требуется не меньше десяти сеансов для того, чтобы поверить в свои силы. А это — месяц работы.

Кирилл недоверчиво покачал головой:

— Это какая-то психоаналитика получается!

— Э-э, нет, не путайте. Психоаналитик кладет клиента на кушетку, включает расслабляющую музыку, а потом заставляет рассказать ему все проблемы, включая полузабытые детские страхи и подростковые комплексы. Дальше предлагает пациенту самому попытаться найти способ борьбы. Оформляет это все как заключение, и — вуа-ля! — сеанс прошел успешно. Вот чек, касса — внизу, направо. Помните сказку о каше из топора? Дайте мне котел, воды и топор — и будет вам каша! Только добавим для вкуса крупу, сало, лук и соль.

А ко мне приходят вконец отчаявшиеся люди, озлобленные на весь мир, ни во что не верящие. Или, наоборот, все из себя такие железобетонные скептики, уверенные, что чудес на свете не бывает, а вся эта магия — лишь шарлатанство и удел слабаков. Мне приходится их пере-

убеждать, показывая на реальных примерах, что психокоррекция — реальная и невероятно мощная штука.

— Каким же образом?

— Знаете, Кирилл, когда абсолютно не знакомый вам человек начинает с легкостью раскрывать самые сокровенные тайны вашей души или пересказывать события недавнего прошлого...

— Что, все сразу готовы поверить в магию?

— В магию — как раз нет. Не те клиенты, я уже говорил. Сначала в крик: “Вы за мной следили!” Приходится доказывать, приводить новые примеры. Тогда начинают верить. Только не в телепатию и “запись в Книге Судеб”, а в психокоррекцию.

— Вы меня заинтриговали. А вы сами-то в это верите?

— Я? Как бы я тогда смог работать? Конечно, верю. А вот вы, похоже, нет.

— Ну, видите ли...

— Не верите, — как-то даже удовлетворенно констатировал Альберт Георгиевич. — Ваше право. Вы не мой клиент. Хотя вам не помешало бы.

— У меня все в порядке.

— Да? — с иронией спросил психокорректор. — Не буду спорить. Вам, конечно, виднее.

— А как это вообще выглядит? — Кирилл постарался увести разговор от этой темы. Черт его знает, что имеется в виду.

— Психокоррекция?

— Ну, вот вы говорили: “раскрывать сокровенные тайны”, “пересказывать события...” Не могли бы вы... что-нибудь такое на мне попробовать.

Альберт Георгиевич прищурился, внимательно посмотрел на Кирилла.

— Вы этого хотите?

— Если не трудно.

— Что ж... Так сразу могу сказать только три вещи. С известной долей вероятности, конечно. Вы пользуетесь успехом у женщин, вас любят и боготворят. Но сейчас вы — один. Недавно вы расстались со своей подругой, расстались друзьями и без сожаления, но и без скандала, так что шрамов на сердце не прибавилось.

Вздвогнув, Кирилл уставился на странного посетителя.

— С чего вы взяли?

Альберт Георгиевич отхлебнул из чашки и чуть улыбнулся:

— Неплохой чай. Объяснить?

— Конечно. Заинтриговали вы меня своей магией. Почему вы вдруг решили, — Кирилл упорно избегал встречаться с собеседником взглядом, — что я пользуюсь успехом у женщин?

— Простите меня, Кирилл, но вы кокетничаете. Достаточно на вас просто посмотреть. Да и девочки в приемной... за своего дорогого начальника готовы в огонь и в воду. Уверен, они все поголовно в вас влюблены. Одна Майя чего стоит! Она готова была костями лечь, но не дать назойливому клиенту, то есть, мне, отнять хотя бы секунду вашего драгоценного времени.

Кирилл смутился.

— Ну, хорошо, а недавнее расставание?

— Угадал?

— В общем, да, но как?

— Это просто. Смотрите. Вот и вот, — он указывал кивком, — запонки и булавка для галстука. Типично женский подарок к мужскому празднику. 23 февраля, например. Они так и продаются — в комплекте, чтобы не затруднять покупательницу поисками. Сами себе вы вряд ли такое купили бы. Они не новые, подарены достаточно давно, но вы их носите привычно и даже, я бы сказал, небрежно. Значит, дама, презентовавшая их, больше не может следить за вашей внешностью. Женщина никогда бы не выпустила вас на улицу в таком виде. Только неискушенному в вопросах моды мужчине достаточно повязать галстук, чтобы считать себя прилично одетым. Женщине важно — КАК он повязан, чем заколот и прочее... Но расстались вы с ней друж-

ями, без взаимных обид и претензий — иначе вы давным-давно зашвырнули бы подарок в дальний ящик стола, хорошо, если не в мусоропровод.

— Понимаю...

— Но это не все. Разговаривая со мной, вы постоянно поглядываете на часы. Торопитесь домой?

— О, извините, я не хотел...

— Нет-нет, не извиняйтесь! Это я должен просить прощения за то, что отнимаю у вас время. Но торопитесь вы не к женщине и уж тем более — не к деловому партнеру. Скорее всего, на встрече с друзьями, иначе бы давно позвонили по телефону и предупредили, что задерживаетесь. Да и нет при вас ничего, — Альберт Георгиевич обвел рукой кабинет, — цветов, шампанского, какого-нибудь милого подарка с бантиком. А ведь я застал вас в момент сборов, вы уже готовы были уйти.

— А почему — подруга? Почему не жена? Может, я недавно развелся?

Психокорректор улыбнулся:

— Это просто. Кольцо. На вашем пальце нет и следа от обручального кольца.

Кирилл рассмеялся.

— Вот в чем дело! Старая добрая дедукция! А я уж черт знает что подумал... Телепатия там, парапсихология...

Альберт Георгиевич аккуратно поставил на стол пустую чашку и кивнул Кириллу:

— Чай у вас прекрасный, Кирилл, часами бы пил. Но не смею больше отнимать ваше время. Я и так чересчур невежлив и назойлив.

— Ну что вы...

— Нет-нет, не спорьте, дедукция, — психокорректор опять улыбнулся, — подсказывает мне, что еще немного, и вы уже будете опаздывать.

Кирилл глянул на часы и дернулся — действительно, уже почти шесть! Дениска, небось, весь телефон оборвал!

На прощание Альберт Георгиевич крепко пожал Кириллу руку.

— Еще раз спасибо, Кирилл. Я очень доволен моим отдыхом и теперь буду обращаться только к вам, тем более обещаны скидки. И на прощание позвольте один совет. Возможно, уже сегодня вечером от вас потребуется немного доверия. Так вот: не противьтесь. Что бы ни подсказывал здравый смысл — поверьте и сделайте то, о чем вас просят. Жалеть не будете, обещаю.

Последние слова психокорректора не выходили у Кирилла из головы, пока он ехал домой. Что имел в виду таинственный Альберт Георгиевич? За весь разговор он трижды и, надо признать, весьма искусно менял отношение собеседника к своей профессии, так что теперь Кирилл совсем ничего не понимал.

Дома он еще раз звякнул Дениске, подтвердил, что "да-да, я, конечно, буду, просто малость подзадержусь. Начинайте там без меня".

Честно говоря, ехать не хотелось. словно что-то удерживало его дома, какое-то важное дело. Кирилл включил комп, проверил почту — были не очень важные письма от деловых партнеров, рекламные проспекты, прайс-листы и совсем уж непонятно какими путями залетевшее к нему в ящик приглашение на семинар бухгалтеров. И, конечно, спам, бич Интернета — навязчивая реклама. Сегодня Кириллу предлагали купить компакт-диск с базой номеров краденых авто, посетить курсы английского языка, иммигрировать в Канаду, заказать деревообрабатывающие станки... гм, а это что?

Среди всей этой шелухи совершенно неожиданно обнаружилась скромная рекламная рассылка сайта знакомств "Нечаянные встречи". Кирилл пожал плечами — а почему бы и нет? Прав был сегодня Альберт Георгиевич — с Асей расстались по-человечески, но жизнь-то на этом не кончилась.

И Кирилл решительно выбрал нужную ссылку.

Объявлений на сайте было много. Сначала Кирилл даже растерялся, но потом втянулся, листая анкеты, — длинноволосые сменяли короткостриженных, нимфетки — уверенных в себе “вамп”, вышеченные модели — миниатюрных куколок.

Одно объявление привлекло его внимание. Девушка довольно неуклюже маскировала интернет-аферу под крик о помощи. Кирилл хмыкнул, перечитал еще раз.

А если нет? Если все — правда? И у нее действительно нет денег на сотовый? Что, так уж от тебя, Кирилл Игоревич, убудет, если потратишься на карточку?

“...от вас потребуется немного доверия...” А ведь верно! Доверие действительно не помешает. Хотя бы иногда.

Настена набирала указанный в письме номер дрожащими руками. Что же сказать? Человек тебе поверил, по-настоящему поверил, один из всех, а ты ему сейчас — “извините, это было социологическое исследование”? И как потом будешь на себя в зеркало смотреть?

— Слушаю. — Приятный и на удивление красивый баритон.

— Кирилл?

— Да. Кто вы, прекрасная незнакомка?

— Это Настя, ты мне писал по объявлению, помнишь?

— А-а, да-да, Настя без телефона, но с желанием встретиться...

— Понимаешь, Кирилл, — севшим от волнения голосом начала объяснять Настена, — я тебя обманула. Извини. Мне совсем не нужна была карточка. Просто... ну, понимаешь, так вышло...

Сбиваясь и путаясь в словах, она пыталась ему что-то объяснить, извиниться, понимая, что с каждой фразой топит себя все глубже. Да Кирилл сейчас просто повесит трубку, зачем ему слушать весь этот детский лепет!

— До такого моя фантазия не дошла, — признался Кирилл. — Посчитал, что в худшем случае — подарю кому-то десятку.

— Ты знал, что это может быть неправда, и все равно купил мне карточку? — удивилась Настена.

— Ну да. Знаешь, я подумал — а вдруг? Вдруг девушке и правда нужен телефон, а родители денег не дают — типа, наказали... Вот она и придумала себе способ, не очень, правда, честный... Вариантов много. От доброго дела еще никому плохо не было. Если же девушка действительно раскручивала народ на карточки — ну что ж, был бы приз за оригинальность.

Настена почти не слышала его слов. Эх, где же ты был два месяца назад?

— На Кипре. Мы открывали новый маршрут... — начал было отвечать Кирилл. Оказываясь, Настена неожиданно для себя самой говорила вслух. — Но при чем здесь это?

— Понимаешь, вся эта история началась, когда я сломала ногу...

Кирилл слушал с сочувствием.

— ...и я совсем не хотела пользоваться этой карточкой, честно! Я ничего на счет не положила — можешь проверить, она действующая. Я в первый раз обожглась и даже представить себе не могла, что найдется кто-то, способный поверить. — Заметив, что Кирилл молчит, Настена грустно спросила: — Разочарован, да?

— Значит, говоришь, нога прошла? — ответил он вопросом на вопрос.

Сбитая с толку Настена в первые мгновения даже не нашлась, что сказать.

— Д-да... Немножко болит, совсем немножко, я почти не чувствую. А что?

— Да я вот думаю, — неожиданно весело начал Кирилл, — сможешь ты до места, где пройдет наш первый романтический вечер, сама добраться, или мне все-таки за тобой ехать? В первый раз, вроде, не принято, но должен же я, как истинный джентльмен, заботу проявить?

Её лицо в кадре, её имя на слуху, её знают, любят и ненавидят. Людей, равнодушных к её персоне, я, пожалуй, не встречала. Для тех, кому сейчас двадцать или чуть больше, Тутта Ларсен стала символом нового телевидения, новой музыки, нового мышления. Вот уже на протяжении пяти лет, благодаря Тутте и, конечно же, MTV, трудно отличить двадцатилетних русских от их европейских сверстников. У этих молодых другие лица, другая энергетика. Они образованны, аполитичны, красивы и полны уверенности, что весь мир принадлежит только им. Тутта — одна из немногих, кто говорит с ними на одном языке.

— Пять лет назад, когда в России появилось MTV, многие сомневались, что оно приживется. Однако прижилось, пустило корни... Как ты думаешь, почему это произошло?

— Да MTV и не могло не прижиться. А сомнения по этому поводу возникли чисто экономического характера, но никак не идеологического. Ведь MTV стартовало в 1998 году, сразу после августовского дефолта. Тем не менее, молодежь в нашей стране много лет ждала его появления. И тот факт, что MTV успешно существует в России, лично у меня не вызывает никакого удивления, я поразилась другому — как оно прижилось в Индии, но ведь все-таки прижилось. Россия же всегда активно взаимодействовала с Западом во все времена. И мне не нравится точка зрения, что, дескать, Россия отделена от остального мира. Да, действительно, наша страна своеобразная, но живем-то мы на европейском континенте, взаимодействуем с культурой соседних государств. Потому и нужно стремиться к эмоциональному, культурному и музыкальному обмену, а не говорить: "мы не понимаем их, они не понимают нас!" Чуть все это.

— В самом начале MTV воспринималось как нечто революционное... Теперь же стало слишком стереотипным (полуобнаженные тела, "пятые точки", фактурные бицепсы исполнителей). Может, мы просто выросли из формата такого музыкального телевидения...

— Мне кажется, что сейчас MTV во всем мире выглядит иначе, чем пять лет назад, и уж точно иначе, чем в начале девяностых. Тогда это казалось действительно революцией. Первые места в чартах занимали "Nirvana", "Pearl Jam" и "Cypress Hill". Но со временем шоу-бизнес сильно изменился, превратившись в фабричный процесс, в некое, пусть и качественное, но все же конвейерное производство. А раньше были, скажем так, модели ручной сборки. Это с одной стороны, с другой — в России происходит и положительный процесс — наши звезды стали серьезно равняться на Запад, выпускать качественный "продукт", научились снимать красивые клипы. "Тату", Алсу, "ППК" — это люди, которые интегрировались в западную культуру. Возможно, благодаря глобальному "ополсению", но, скорее всего, из-за повышения качества "продукта". Да,

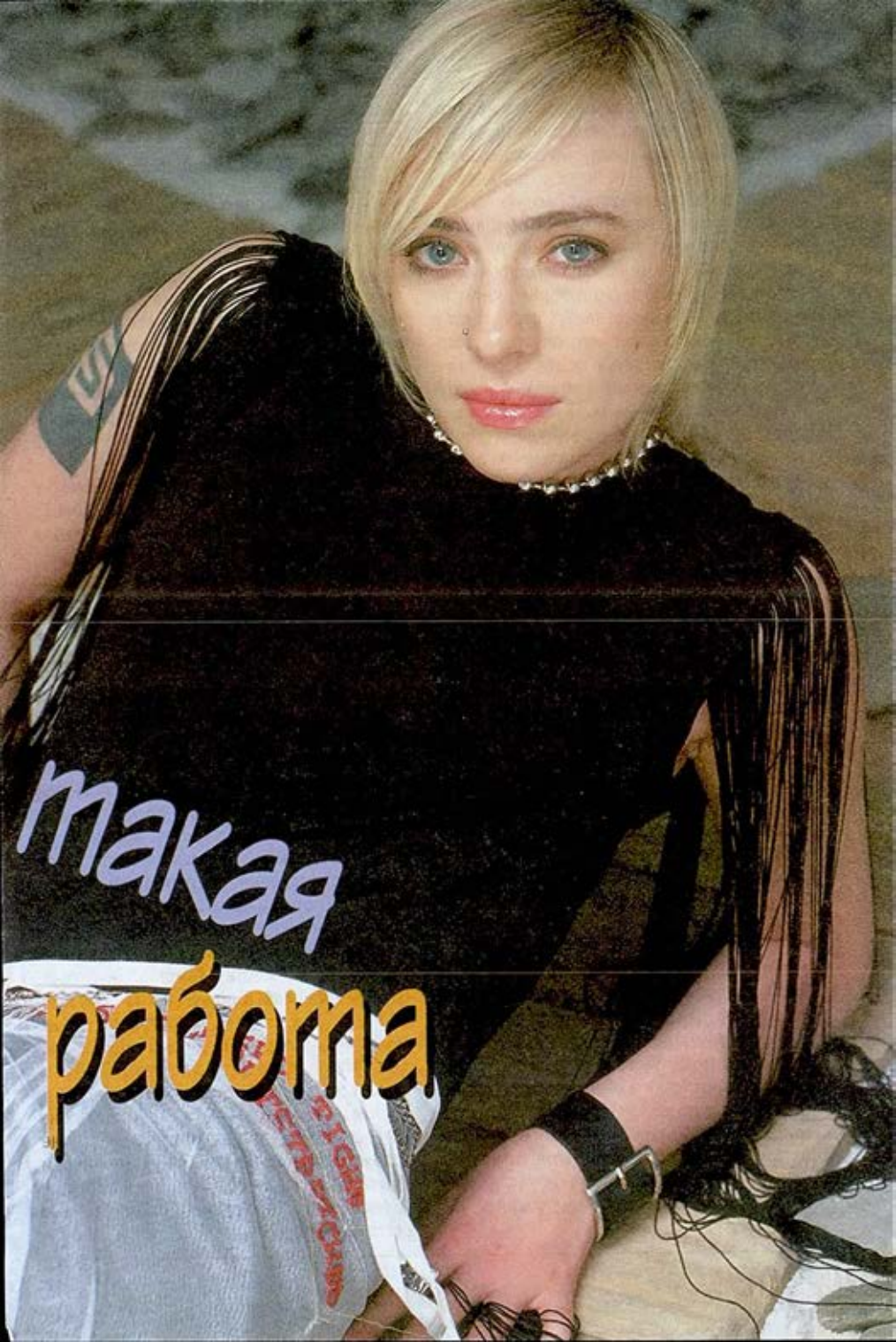
мы все повзрослели, я, например, уже не могу в

просто

таких количествах смотреть музыку с одним куплетом и одним припевом, которая "на ухо садится".

— В одном интервью ты говорила: "Я не согласна с тем, что любовь бывает только раз в жизни. Для меня любовь вообще труд. Тяжелый. Обоюдный. Я не верю в любовь с первого взгляда. Любовь — это точно не роскошь". Как считаешь, MTV, в частности, программы "В пролете", "Факультет", помогают молодым разобраться в своих чувствах, понять, что такое любовь?

— Ой! Да кто же определит, что такое любовь! Уж точно не MTV. Оно делает легкие и неглубокие передачи, и, конечно, не о любви. Телевидение, даже самое умное и хорошее, не может научить человека любить. Этим должны заниматься родители, с которыми живешь, школа, в которую хо-

такая
работа

дишь. Телевидение — всего лишь средство массовой информации, задача его на сегодняшний день, к сожалению, не обучать, а просто развлекать. Оно, безусловно, влияет на мозги зрителя, но не надо напяливать на MTV образовательную функцию. Мы можем говорить о наркотиках, СПИДе, высказывать свою точку зрения, кому-то даже помочь, но не берем на себя смелость растить поколение. Просто говорим с ним на одном языке. Надо отдавать себе отчет в том, что если Marilyn Manson поёт страшным голосом страшные песни, после чего ребенок расстреливает своих одноклассников, это не проблема Marilyn Mansona, а проблема родителей и учителей, которые не смогли воспитать нормального, психически здорового члена общества. При чем здесь MTV?

— На первом представлении программы "Разум и чувство" ты сказала, что тебе, как ведущей ток-шоу, всего годик. С какими трудностями столкнулась, когда начала вести передачу?

— Я столкнулась с проблемой взаимодействия с очень большим количеством людей по довольно серьезному поводу. Было сложно в такой огромной студии концентрировать внимание и сосредотачивать всю энергетику на себе. До этого я общалась максимум с пятью людьми — исполнителями, группами, с которыми велся конкретный разговор. Здесь же мы мало представляли себе, в какой форме должна строиться беседа, да еще с размытой концепцией программы. Так сложилось, что запускались в пожарном варианте, толком не успели даже набрать команду и понять, что хотим от проекта. Делать ток-шоу в процессе учились все: я, операторы, продюсер, режиссер, при этом никто даже не имел представления о том, что снимаем. Поняли, к сожалению, только в самом конце, когда программу стали закрывать. Тогда я впервые взяла на себя функцию ведущей публицической программы. Было интересно говорить с людьми на животрепещущие темы, хотя это необычайно сложно сделать всего за час, да еще сохранять динамику, чтобы не усыпить зрителя в зале.

— Однажды перед съемками "Разум и чувство" ты посетовала, что в самых первых выпусках программы очень много времени отводилось на общение с VIP-героем. А затем это общение сократили. Почему?

— Оказалось, что не все VIP-герои интересны, обсуждая жизнь, а не музыку и себя любимых, особенно, когда с ними общаешься как с обычными людьми, а не как со звездами. Во-первых, многие не смогли интересно говорить на заданную тему, соответственно, не стали авторитетными для участников программы, пришедших с проблемой в кадр. Во-вторых, выяснилось, что с простыми людьми общаться гораздо интереснее, плодотворнее и богаче, чем со звездой.

В итоге VIP-персона на программе не столько делилась своим опытом, сколько комментировала происходящее, выступала в качестве арбитра, служила сочной иллюстрацией, которая совершенно не влияла на ход передачи.

— Были ли темы, обсуждение которых приводило к неожиданной для тебя самой развязке?

— Конечно. Практически каждый раз события разворачивались неожиданно. Как только герои начинали общаться, на поверхность всплывали удивительные истории, реакции. Человек, казавшийся милым интеллигентным тихоней, вдруг начинал хабалить, а залихватский нагловатый парень, который харахорился и хлопал девок в гримерке по заднице, перед камерой тусовался, потел и мычал. Забавный случай произошел в программе на тему "Хамство". Хам в итоге оказался милым, мягким и пушистым, а "жертва хамства" — оъявленной хабалкой. В другую программу пришел молодой человек, сетовавший, что не может избавиться от подружки. Но выяснилось, что он вовсе не планировал с ней расставаться, просто хотел видеть рядом в другом качестве: девушка стремилась создать семью, а юноша пока видел в ней только girlfriend. Люди перед камерой раскрываются по-разному, а когда в программе несколько героев, наблюдать за ними всегда интересно.

— Случалось ли, что позиция, занимаемая одним из героев, меняла твою точку зрения на проблему?

— Да. Интересная произошла история с геями. Я была уверена, что геями рождаются, но мальчики, пришедшие в студию в качестве героев, стали утверждать, что ими становятся, и у каждого мужчины есть право "свободного выбора". Меня поразило такое отношение к данной проблеме, поскольку я все-таки считаю, что человек генетически предрасположен к выбору ориентации, и если она приобретена путем "свободного выбора" — это неправильно и порочно. Но если мужчина действительно таким рожден, тогда можно его не осуждать и не лезть в личную жизнь. Все мы под Богом ходим. Ребята же перевернули проблему с ног на голову, утверждая: "Вот мы захотели и стали!" Меня покорила подобная точка зрения, я осталась при своем мнении. У меня есть друзья геи, не замечала, чтобы они метались из стороны в сторону, используя право "свободного выбора". Кстати, после программы пришло много возмущенных писем на этот счет.

— Расскажи о проекте "Поцелуй навывлет", которым ты занимаешься сейчас.

— К "Поцелую навывлет" я была готова, накопив за прошедший год большую профессиональную базу. Сейчас делаю программу с полной отдачей и огромным желанием. Во-первых, никогда до этого не вела ничего подобного, интересно пробовать себя в новом качестве. Во-вторых, игра похожа на прямой эфир — забавная, живая. Участники действительно не видят друг друга до съемок, их реакции неподдельные, непосредственные. Программа не пошлая, очень добрая, позитивная. Еще повезло, что я работаю с профессиональной командой творческого объединения "Фокс", режиссером Олегом Хабулиным, выпускавшим в свое время "Первое свидание" на СТС и множество других проектов, у них есть чему поучиться. Это люди с "большого телевидения", которые работают по законам метровых каналов, в богатой студии на "Центрнаучфильме", с кучей ка-

мер, великолепными декорациями, замечательным светом, роскошной гримборной.

— В Интернете я случайно набрела на сайт, где обсуждалась твоя персона. Страничка делилась на две части: справа сообщения тех, кто тебя любит и хвалит, слева — кто не любит. Аргументы негативно настроенных, в основном, сводились к следующему: "Живет себе, на экране светится, по миру катается, бабки огромные получает, спрашивается, за что человеку все это?" Можно ли объяснить раз и навсегда, что у тебя очень тяжелая работа?

— Моя мама постоянно серфит Интернет, выискивая про меня всякие подробности. Самый смешной аргумент ненависти в мой адрес — что я лифчик не ношу... А вообще, ничего не дается просто так и без труда. Халва наказуема. Со стороны, действительно, создается впечатление, что наша работа легкая и забавная, а вот сколько в неё вложено труда, не знает никто. Думаю, что только недалекие и завистливые люди могут мою профессию воспринимать как вечный праздник. У каждой медали есть обратная сторона.

— Есть вещи, которых ты не можешь себе позволить, например, проехать в метро?

— Я езжу в метро, но не могу спокойно сходить в свой любимый магазин "Diesel" в Охотном ряду, поскольку придется пройти через строй, когда все тычет пальцем и орут: "Ларсен, Ларсен!", а то ещё и кидаются. Хотя, это мелочь и ерунда — тёмные очки и плеер в уши, идешь, ничего не видишь и не замечаешь вокруг. Обидно другое — никто не воспринимает мою работу всерьез. Кстати, ещё одна с виду легкая профессия — дикторы на ОРТ. Казалось бы, что может быть проще: пришел в студию, отчитал последние известия, и гуляй себе. На самом деле, люди по восемь часов сидят, отбирают новости, составляют тексты, несколько раз отчитывают, поскольку огого-го какие термины и фамилии придутся выговаривать с первого раза, потом их гримируют, и только затем идет работа в эфире. Основной труд остается за кадром. И если никому в голову не приходит, на-

сколько тяжело все дается, значит, мы хорошо делаем свою работу.

— У тебя тяжелая работа. Как снимаешь стресс, как отдыхаешь?

— Если я не «убилась» на работе, то встречаюсь с друзьями. Мы ужинаем, пьем вино или идем в кино. С театром я не очень дружу, во время досуга он не входит в число моих приоритетов. В выходные могу куда-нибудь сходить потанцевать, но это бывает достаточно редко. На самом деле, я люблю сидеть дома, вязать, смотреть телевизор, звать кого-нибудь в гости, накормить... У меня столько друзей, что пока со всеми перевстречаешься, свободного времени не остается.

— Когда-то в числе своих недостатков ты называла мнительность, неуверенность в себе, говорила, что «там, где надо идти напролом, ты делаешь книксен». Сейчас что-нибудь изменилось?

— По-прежнему делаю книксен, напролом до сих пор идти не получается, по трупам тем более, но брать на себя ответственность потихонечку учусь, многое могу пробить и сделать сама. Хамоватому таксисту уже могу ответить взаимностью. Но научиться постоять за себя — главная из задач, которая мне никак не дается. А также научиться жить комфортно наедине с собственной личностью, поскольку мне постоянно необходимо, чтобы вокруг были люди. На самом деле, в первую очередь, человеку нужно гармонично ощущать себя наедине с собой, тогда и окружающим будет с ним хорошо.

— Как вылечить комплекс неполноценности? Ясно, что единого рецепта нет, но всё же?

— Сначала надо сильно захотеть от него избавиться. Комплекс неполноценности — удел ленивых людей, которым гораздо проще сказать: «Да, я хуже всех, поэтому я вообще ничего не буду с собой делать, всё равно ничего не получится». У меня, как и у всех, есть комплексы, но они подстёгивают меня к действиям, являются стимулом для движения вперед. Сидеть и страдать — совершенно бесполезное занятие.

— В интервью журналу «Yes» ты говорила, что для тебя мужская красота — поня-

тие весьма относительное. Какие качества привлекают тебя в сильной половине человечества?

— Юмор и надежность. Когда рядом с человеком спокойно и надежно — это, наверное, самое сексуальное чувство на свете.

— За долгие годы работы на телевидении перед тобой прошли сотни персонажей мужского пола. Красота + талант + личность — несуществующее сочетание?

— Боюсь обидеть наших звезд... Безусловно, встречаются сочетания этих качеств в одном человеке, но там, как правило, столько сложностей с характером! Я не хотела бы связать свою жизнь с мужчиной из шоу-бизнеса. С ним забавно дружить, периодически встречаться, общаться, даже съездить вместе отдохнуть, но строить с таким человеком семью практически невозможно. У него другие задачи, он запрограммирован на другое.

— Тутта, у тебя есть время мечтать?

— Конечно. По-моему, если у человека на это нет времени, тогда ему и жить-то незачем. Люди создаются из своих мечтаний. У Экзюпери в «Маленьком принце» есть с виду серьезный персонаж, который на самом деле оказывается грибом-шампиньоном. Я знаю пару ребят, которые из-за своей деловой активности превратились в шампиньоны, начисто утратив романтическую жилку, способность мечтать о большом и красивом, а не только о бабле и расширении своего предприятия.

— Раньше ты говорила, что боишься заболеть звездной болезнью. А теперь?

— Думаю, мне это уже не грозит. Я перешагнула грань, где такое возможно. Для меня известность — побочный продукт моей работы, а вовсе не самоцель. Не могу сказать, что мне не нравится быть популярной, в этом есть свои плюсы и минусы, но мне кажется, что звездной болезнью заболевают именно тогда, когда стремятся к славе, работают только, чтобы достичь известности. И человек начинает думать, что его популярность — «продукт» его самого, что он крут, и у него есть основания считать себя лучше и выше других. Хотя знаю

тебя только потому, что мелькаешь на экране, твое лицо в кадре, его узнают на улицах. Просто такая работа — телеведущий, шоу-мен. У тебя не восемь рук, не четыре глаза, объем мозга и размер IQ не выше, чем у большинства населения планеты. Вот, если бы изобрел лекарство от рака или получил Нобелевскую премию за космические изыскания — другое дело, можно положить тебе руку и сказать: "Спасибо, ты приносишь пользу человечеству!" В моем случае странно болеть звездной болезнью, повторюсь, что в метро езжу спокойно, я не такая уж звезда, просто узнаваемое лицо, симпатичное и неглупое. Но я не совершила пока никаких великих открытий, не принесла никакой сверхпользы, чтобы считать себя действительно важным человеком.

— Как ты считаешь, яростное внедрение дам в мужской мир — закономерное явление эволюции или признак нынешнего поколения слабого пола?

— В одной из программ "Разум и чувство" была затронута тема эмансипации, в которой мы пришли к выводу, что ни нам, ни мужчинам сложившаяся тенденция не нравится, но остановить её невозможно. Видимо, это требование времени. Я, например, не могу не быть сильной, иначе вся моя жизнь разрушится. С удовольствием бы стала слабой и нежной, расслабилась в чьих-нибудь надежных и крепких руках, но мне такие мужчины не встречались. Вот проблема современной женщины! Исторически так складывается в нашем жестком обществе, что ей слишком много приходится решать самой. Если ей хочется что-то из себя представлять в социальном, экономическом плане, приходится слишком много трудиться, из-за чего она теряет в себе женщину. На сегодняшний день традиционное понятие — "да убоятся жена мужа своего, как он убоятся Бога", увы, не сбывается. Ситуация, в которой мужчина глава семьи, хозяин — чисто физически сегодня не может существовать, у представителей обоих полов равные возможности и права, к сожалению. Муж не в состоянии быть главой семьи по объективным причинам: из-за от-

сутствия денег или шаткого социального положения, а у женщины, наоборот, общественных благ может быть в избытке, но нет рядом того единственного, надежного. Современные мужчины даже не понимают, что нам не нужны их деньги, мы сами можем заработать, нам не нужны квартиры, мы их сами себе купим, обживем, обустроим, нам нужна только ласка и внимание, которые не купишь ни за какие деньги. Хочется чувствовать себя рядом с мужчинами хрупкими, слабыми и нужными, а у них эквивалент мужественности выражается в количестве зарабатываемых денег, поэтому так сложно общаться. Это грустно.

— Умеешь ли прощать людей? Существует для тебя такое понятие, как предательство?

— Умею и стараюсь прощать всё и всех, но никогда не останусь с человеком, который меня предал.

— Последний вопрос о литературе. Что читаешь на досуге?

— Нежно отношусь к Козлю, прочитала несколько его книг, впрочем, все они друг на друга похожи. Он клёвый, потому что доступным и простым языком передает вещи, которые непростым языком написаны в Библии. Библию тяжело читать современным людям, поскольку это слишком медленная и сложная книга, а Козлю озвучил современным слогом истины, которые уже сотни лет исповедуются праведными людьми, за что ему спасибо. Сейчас мне ближе бум на Гарри Поттера, это действительно революция в литературе. Очень хорошая и качественная книжка. Мне кажется, что по силе это произведение равно "Винни Пуху" Милна, его будут читать дети следующих поколений ещё не одну сотню лет. Классика с очень серьезными конструкциями добра и зла, настоящий новый детский эпос. Существуют вечные книги и вечные писатели — А. Линдгрен, Т. Янсен, братья Гримм, Ш. Перро. А сейчас читаю Аксенова. А вообще, мой любимый дядя, большой интеллигент, как-то сказал: "Самые интересные книги — это те, в которых создаются новые миры". ■

Беседовала **Принцесса без сердца.**

путевые заметки

Бертрана Вредливого,
Нижона и экстремала

путевые заметки "Москва — Ростов-Дон"

Зимнее, морозное, еще наполненное ночной мглой, шестичасовое утро вдруг пахло летом, светом и радостью. Это проводница открыла дверь вагона на станции города Мичуринска и весь вагон наполнился запахами яблок и призывов: "Купите!" "Недорого!" "Красивые!" "Слаще меда!" "Румяные!" "Зимние!" "Звонкие!" "Большие!" "Райские!" "Лучшие в России!" — ЯБЛОКИ. На перроне возле каждого вагона толпились люди с ведрами, корзинами, мешками, ящичками и предлагали ЯБЛОКИ. Находящийся где-то посередине пути между Москвою и Ростовом городок (городочек, крошечный оазис провинции) Мичуринск, всего пять минут остановки поездка, предлагает России много ярких, красивых и звонких яблок. Как позже я выяснил у проводницы, на перроне Мичуринска их предлагают круглый год, днем и ночью и всегда они выглядят как только что сорванные с ветки — юными и радостными. Оказывается, в нашей стране очень много, полным-полно (чего только стоят одни Северо-Восточные Сады Майкопа), овощей и фруктов. И видимо, я слишком молод и глуп, видимо, еще не дорос до понимания того, почему в Москве даже на рынках так много больших, разнообразно-глянцевых, занудливо-красивых, одинакового бананово-мягкого вкуса, несущих в себе вдохновения и радости яблок из Польши, Испании, Венгрии и даже Германии. Наверное, эти страны гораздо ближе к столице России, Москве, чем никому не известной Мичуринск, я уже не говорю о "диком" Майкопе с его Северо-Восточными Садами... Так думал я, стоя в тамбуре вагона с пакетом только что купленных в Мичуринске яблок. Поезд медленно тронулся с места и поплыл в сторону юга и Дона.

— Ты яблоки-то посмотри, — посоветовала мне проводница, закрывая двери вагона на ключ. — А то сверху хорошие могут лежать, а внизу плохонькие...

Сидя у окна за столиком, я перебрал яблоки и вздохнул. Среди трех килограммов оказалось только пять красивых, просто шикарных яблок, а остальные не то чтобы совсем плохие, а так, фигня, одним словом.

■ Считается, что после двадцати пяти лет пропадает тяга к диким путешествиям, непредсказуемым приключениям, неожиданным встречам и бессонным ночам. Но если это так, то 25-летие — начало маразматического мировоззрения и конец жизни. Лично я всегда готов к бессонным ночам, тем более, что каждая бессонница имеет свои чарующие формы и завлекательные подробности. Кроме того, я люблю необоснованные путешествия, и чтобы обязательно (как понедельник, вторник и т.д. в неделе) случались непредсказуемые приключения, в которых полным-полно неожиданных встреч, сюжетов и "бессонниц". Поэтому в 2004 году я хочу "въехать" на страницы "Молодого бульвара" в пригородных электричках и поездах дальнего следования, весьма отдаленных, хотя и связанных артериальными венами, от Москвы...

Я бы не стал настаивать, что путешествие по России в плацкартном вагоне обыкновенного пассажирского поезда комфортнее, чем путешествие по Европе на собственном автомобиле. Но Европе даже и не снился такой комфорт общения, с каким я столкнулся в поезде дальнего следования "Москва—Ростов-Дону".

Впрочем, у купившей два ящика яблок проводницы они все были одно к одному, великолепные. Оно и понятно, рынок. Постоянный клиент ценнее для продавца, чем мимо проезжающий молодой лох.

Станция "Лихая"

Мой приятель, студент третьего курса консерватории, по фамилии Анчуткин, родом из Ростова-на-Дону, как-то провел эксперимент и, пересаживаясь из одной электрички в другую, "зайцем" за двое суток добрался из Москвы до станции Лихая Ростовской области и там, купив билет, на последней электричке поехал в родной город прямым путем. Я могу добавить к эксперименту виолончелиста Ивана Анчуткина свои собственные теоретические и практические изыскания.

Сеть пригородных электричек МПС России, словно капиллярная сеть внутри кровеносной системы человека, покрывает всю Россию. Я и мои друзья, два гения из Суриковского училища, за трое суток добрались "зайцем" из Санкт-Петербурга до станции Кропоткинская Краснодарского края на электричках, потратив, в основном на пирожки и пиво, две тысячи рублей. Опытные мастера этого вида спорта, гимн которых — песня: "В электричке из Москвы, я еду, я еду...", по слухам, уже сумели добраться пригородными поездами до самого Хабаровска. Снимаю шляпу перед этим подвигом. Пеший переход из Хабаровска в Москву гораздо комфортнее. А если дело произошло зимой, то здесь не шляпу надо снимать, а памятки этим придуркам, экстремальным путешественникам, ставить... Вот с такими воспоминаниями о своем приятеле Анчуткине я подъезжал в поезде "Москва—Ростов-Дон" к станции "Лихая", ожидая от этого места какой-то особой сюжетности.

На перроне выстроилась целая шеренга торговцев вяленой рыбой. Лещи, тарань, чехонь, в общем, обычный набор донской стороны. Но в "Лихой" это как-то бросалось в глаза. Вокруг никакой живописности: ветрено, сыро, неухожено и ничего, что напоминало бы Новый год. Я даже не вышел на перрон. Смотрел в окно на пухлощеку девушку, которая махала мне связкой тарани с таким видом, как будто у нас с нею были общие дела и дети. Даже

стало не по себе, словно я действительно скрываюсь от уплаты алиментов. И тут, вырвавшись из перулоков "Лихой" на вокзальный перрон, появился "сюжет". Парень лет двадцати в расстегнутой кожаной куртке, шапке изнутри, белом, неровно висящем на шее шарфе и фиолетово-серебристых кроссовках, растолкав шеренгу торговцев "воблы для пива", подскокил к вагону и стал в панике озираться, разыскивая кого-то. Неожиданно он уткнулся взглядом в меня, и радостно заулыбавшись, бросился к двери вагона. Не знаю, что он сказал проводнице, но уже через полминуты парень стоял возле меня и радостно сообщал:

— Братка, у меня жена двойню родила, дай водки, а то в горле все пересохло.

Я растерянно показал ему на бутылку с напитком "Байкал", стоявшую на столике.

— Что это?

Парень с негодованием посмотрел на меня, затем молча, медленно и торжественно выпил почти полную бутылку напитка до дна, со стуком поставил ее на столик, вытер рот белым шарфом и, опустив голову, направился к выходу. Я видел в окно, как он медленно и грустно покинул перрон и ушел, откуда и пришел... Все-таки во время путешествий всегда нужно иметь бутылку водки под рукой. Или не иметь?

Ростов-на-Дону

О Ростове-на-Дону столько написано, что я о нем писать не собираюсь. Тем более, что видел город мимолетно, проходя метров четырехста между вокзалами — главным и пригородным. За то время, что я шел от вокзала к вокзалу, мне четырежды предложили сыграть в беспроигрышную лотерею, дважды купить кожаную куртку, пять раз предлагали ростовское — "Выпьешь, на всю жизнь запомнишь" — пиво в бутылках, поступило предложение (одной) на блиц-секс от неряшливо-подростковой барышни с подбитым глазом, три раза проверили документы и один вытерли о мою куртку масляные, после пирожков, руки два классически-хулиганского вида подростка. Пока соображал, как отреагировать на этот недружественный выпад, они исчезли. Пригородный вокзал встретил меня постоянно звучащим предупреждением из громкогоговорителя на столбе: "Уважаемые граждане,

гости Ростова и ростовчане, не играйте в игры и не покупайте ничего с рук у незнакомых людей на перроне. Вы рискуете остаться без денег и обзавестись абсолютно бесполезной вещью". Минутная пауза и вновь: "Уважаемые граждане..." Прямо под громкоговорятелем у столба стоял сельского вида джентльмен и объяснял милиционерам:

— Он был целый, я его прикидывал на себя. Отдал деньги, три тысячи. Они ушли, я развернул, а это не тот, что я прикидывал.

Бедолага продала ровно половину овчинного полушубка. О, Ростов!.. Говорят, что сейчас на Ростовских вокзалах все изменилось. Но, что значит для вокзалов Ростова значение слова ИЗМЕНИЛОСЬ. Неужто стали полушубки продавать готовыми к эксплуатации?..

В Ростовской области полным-полно донских казаков со столицей в Новочеркасске, армян, с культурным центром и старинным храмом в селе Морской Чулек, корейцев, компактно проживающих в станице Ольгинская, русских и всех остальных, представленных в России, национальностей. В первые дорепрессивно-репрессивные годы Советской власти в графе национальность казакам так и писали: "Донской (Кубанский и т.д.) казак". Фиг поймешь! Калмыкам из Дикой сотни тоже писали в паспорте "Казак", и русским — "Казак" и вообще, я слышал, что барду Александру Розенбауму тоже присвоили "почетного есаула" за цикл казачьих песен. Одним словом, думал я, садясь в электричку "Ростов—Таганрог", тут на юге России и Украины все казаки.

Таганрог, рассуждал я в электричке "Таганрог—Ростов", это город с трех сторон окруженный Азовским морем. На электричке из Таганрога можно уехать только обратно в Ростов или к украинской таможене донецкого направления. Все остальное морской путь.

"Таганрог—Ростов"

(Время отправления электропоезда 9.30)

В 9.10 минут утра я и моя "бессонница" Людочка, студентка журфака РГУ (Ростовский госуниверситет), сели в посленовогодний (первое утро нового, 2004-го, года) вагон электрички. На перроне осталось минус три, внутри чуть теплее. За двадцать минут до отправления, кроме нас, в вагоне никого не было и мы

скрашивали свое одиночество горячим грогом по-русски — "Изабеллой" из термоса. Вскоре появились четыре полковника, два подполковника, один майор и один капитан авиации. Судя по портфелям и папкам — штабные. Военные расселись по вагону и тотчас же все, как один, закрыли глаза и задремали. Затем вошли и рассредоточились по скамейкам два бомжеватого вида парня, три молодые девушки, сомнамбулического вида молодой человек в кашемировом пальто и небольшой подушкой под мышкой. Он сразу же лег на свободное место и, положив подушку под голову, мгновенно уснул. Последними в вагон ввалились патрульные милиционеры. Они тащили под руки вдрызг пьяного и толстого коллегу в старлейском звании. Замыкал шествие еще один милиционер, в одной руке он нес шапку и портфель старлея, а другой подталкивал в спину угрюмо-флегматичного мужика без головного убора, с фингалом под глазом. Положив коллегу на лавочку возле входа, милиционеры посадили напротив него мужика.

— Довезешь до Синявки. Ты точно знаешь, где он живет? — спросил тот, который нес шапку и портфель.

— Да у нас в станице все знают, кто, где живет. А это Васка участковый, я его как цуцка лупил в молодости, — сообщил мужик с фингалом.

— Ну тогда держи, — патрульный одел мужику на голову шапку с милицейской кокардой и сунул портфель в руки. — Вытащишь его на остановке и положишь на лавочке внутри станции. Зайди к его жене и скажи, пусть идет и забирает. Через два дня на мое дежурство приедешь, я тебе паспорт отдам. Понял?

— Да, понял, а штраф будет?

— Если довезешь его домой нормально, то не будет.

Патрульные покинули электричку. Она словно ждала этого, дернулась и тронулась. "Следующая остановка Михайловка, — присипел и прокашлял репродуктор и тут же исправил свою ошибку: "Хотя, нет. В Михайловке, Бессергеновке, Вареновке остановок не будет. В Приморке, может, и тормозом, а может, и нет. Кому надо сойти в Приморке, подходи к машинистам в первый вагон"... ■

Продолжение следует.

800 ПУЛЬ приключенческая комедия Мексика, 2 часа.

Режиссер Алекс де ла Иглесия ("Пердита Дуранго", "Операция "Мутант").

В ролях: Санчо Грасиа ("Преступление отца Амаро"), Кармен Маура ("Валентин", "Матадор", "Закон желаний").

"Paradise" "Pyramid home video", ПУ № 221158303

Вам не придется скучать, следя за перипетиями сюжета фильма, снятого в стиле легендарных "спагетти-вестернов". Экцентрическая комедия с непрекращающимися погонями, перестрелками и драками в салуне, захватывающими дуэлями доблестных ковбоев и коварных злодеев снята очень стильно и придется как нельзя кстати, когда в выходные вы присядете с друзьями с пивком у телевизора. Недаром же фильм удостоен приза "Гойи" "За лучшие спецэффекты", вам останется лишь вдоль наслаждаться "злключениями" маленького проказника Карлоса, сбежавшего от мамы за экстремальными приключениями на Дикий Запад.

ОГРАБЛЕНИЕ ПО-ФРАНЦУЗСКИ криминальная комедия

США-Канада-Великобритания, 1 час 38 мин. Автор сценария и режиссер Брэд Мирман: В ролях: Жерар Депардьё, Харви Кэйтель, Джонни Холлидей, Стефан Фрейсс, Шон Лоуренс.

"ПАРАДИЗ"/"СОЮЗ-ВИДЕО", ПУ № 121006703

Этот фильм дарит нам возможность еще раз насладиться игрой Депардьё, Кэйтеля, Холлидея и других признанных мэтров экрана.

Банда парижских грабителей решила немного поразмяться в Америке.

Почему бы и нет? Мечта об идеальном ограблении будоражит их авантурные умы.

А особняк богатого ювелира в Чикаго кажется такой заманчивой и вполне досягаемой добычей. Пересечь океан — дело не самое трудное. А как быть с теми приключениями, которые, как оказалось, уже поджидали наших героев на той стороне океана...

С ЛЮБОВЬЮ, ЛИЛЯ

мелодрама

Россия, 1 час 38 мин.

Режиссер и соавтор сценария Лариса Садикова.

В ролях: Марина Зубанова, Мурад Ибрагимбеков, Виктор Уральский, Валентина Березуцкая.

"СОЮЗ-ВИДЕО", ПУ № 11112902

Милая, незатейливая история придется по сердцу тем, кто любит мелодрамы и сказки про нашу жизнь. В маленьком провинциальном городке живет немолодая Лиля, несмотря на возраст, она продолжает ждать своего принца.

Время от времени сердобольная тетка, работающая в гостинице, знакомит ее с заезжими кавалерами. Командировки заканчиваются, и те уезжают, а бедная Лиля вдогонку шлет им послания, неизменно заканчивающиеся припиской: "С любовью, Лиля".

Только нет на них ответа... Кто же знал, что все это время счастье терпеливо ходило рядом?

ПИАНИСТ драма

Франция-Великобритания, 2 часа 28 мин.

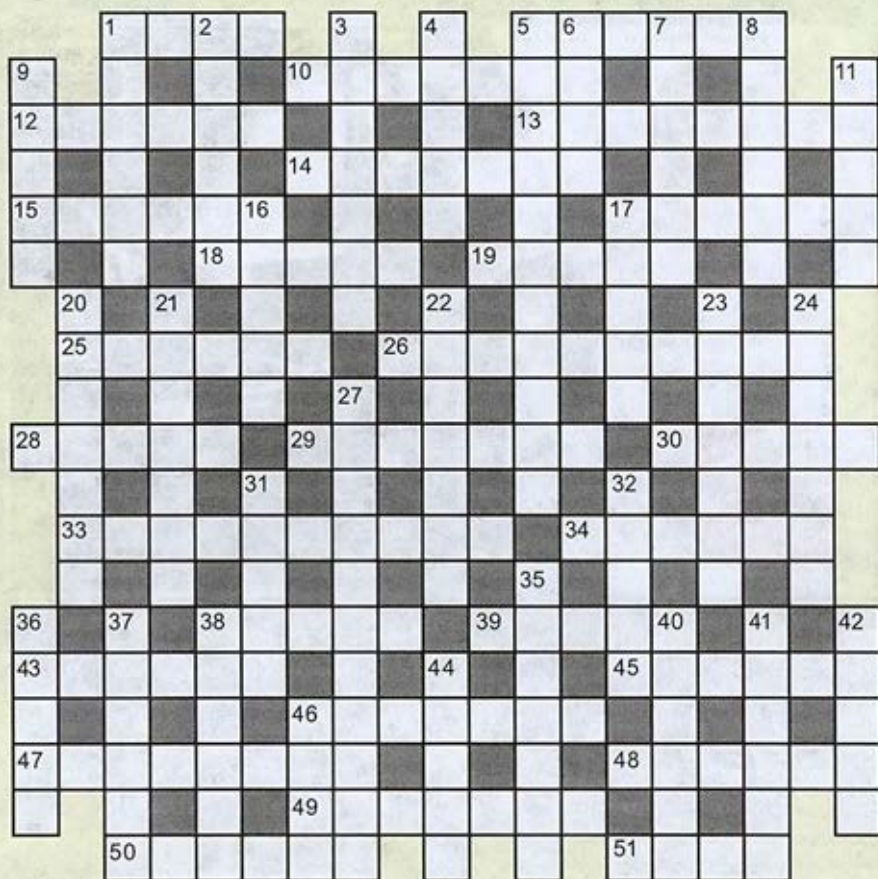
Режиссер и продюсер Роман Поланский ("Девятые врата", "Горькая луна").

В ролях: Эдриен Броуди ("История с ожерельем"), Эмилия Фокс, Томас Кретчманн.

"СОЮЗ-ВИДЕО", ПУ № 121007403

Награды этого фильма говорят сами за себя — 3 премии "Оскар", "Золотая пальмовая ветвь" Каннского фестиваля, 2 приза Британской академии, 7 призов Французской киноакадемии... Роман Поланский взялся за непростую тему. Независимо от того, сколько фильмов о войне было снято, в каждом произведении она предстает словно бы заново, увиденная глазами его автора. Судьба еврейского народа, пожалуй, самая кровавая страница в истории Второй мировой войны. Картина представляет собой как бы взгляд из прошлого, ведь снята по мемуарам известного польского пианиста Владислава Шпильмана и охватывает шесть лет его жизни — с момента оккупации страны немцами в 1939 году и до прихода советских войск...

Видеогид Наталья Тендора

КРОССВОРД

По горизонтали. 1. Беспокойное содержимое стакана. 5. Нить, заставляющая блеснуть даже не очень блестящую женскую фигуру. 10. Русский зоолог, автор первой систематизированной книги о птицах нашей страны. 12. Название у альпинистов всего металлического снаряжения. 13. Дама, внештатно вступившая в близость с компетентными органами. 14. "Героиня" сообщения П. Чайковского музыкальному издателю П. Юргенсону: "Я открыл в Париже новый оркестровый инструмент с божественно чудным звуком". 15. Дорогая простокваша. 17. Поведение чихающего на общественную мораль. 18. Погода в бабье лето. 19. Народное название нарыва, чирея. 25. Австрийский поэт. Был заморожен картой Нила, чей абрис напоминал ему лабиринт. 26. Римский оратор, выдвигавший семь обязательных условий для полноты суждения: кто, что сделал, где, как, когда, для чего, каким способом. 28. Пианистка, чью игру высоко ценил Б. Пастернак. 29. Ответ дальней гро-

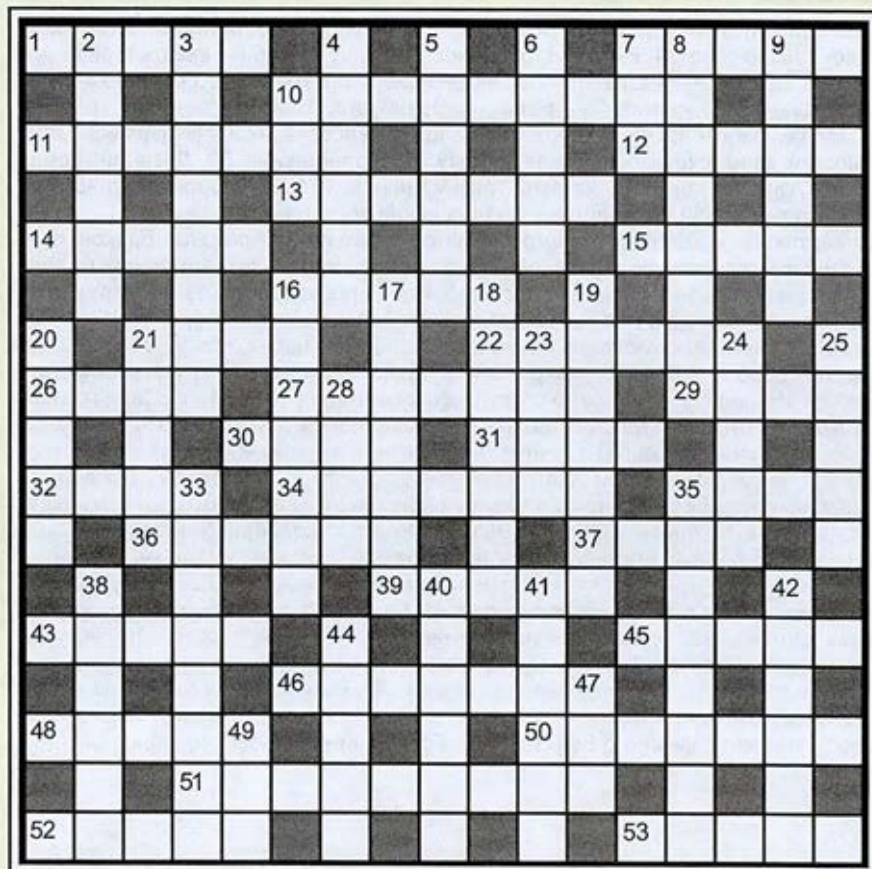
зы. 30. Мафиозный шупальценосец, с которым в сериале боролся Каттани. 33. Человек сам по себе. 34. Рыба быстрой и чистой воды, способная съесть свое потомство. 38. Цветок, чье название в переводе значит "прекрасная". 39. "Необычайные похождения ... Хуренито" — роман И. Эренбурга. 43. Косметическое средство. 45. Мадам в кимоно. 46. "Ожерелье" на друге человека. 47. Флаг царя. 48. Монастырский двор, окруженный галереей. 49. Преподношение. 50. Древний город в Малой Азии, по которому названа "письменная кожа". 51. Заборный атрибут, через который порой проходит то, что ни в какие ворота не лезет.

По вертикали. 1. Ценная рыба, ревущая от бессилия на произвол браконьеров. 2. Заначка главома. 3. Прежнее "драгоценное" название карманной мелочи. 4. Азиат в бельбaxe — пояском платке. 5. Самое популярное в Улан-Баторе дерево. 6. Войлочный дом под таким деревом на окраине Улан-Батора. 7. Древнегреческий математик, сказавший, по легенде, одному из царей, что "в геометрии нет царской дороги". 8. Актер, сыгравший Бубу Касторского в "Неуловимых мстителях". 9. Ирландец, автор самого трудного для чтения романа. 11. Тарабарщина Бурлюка и других футуристов, выдаваемая за шедевры. 16. Человек, чье имя можно забыть, лишь забыв собственное. 17. Название венецианского дуката в остальной Италии. 20. Чин георгиевского кавалера в повести Л. Толстого "Хаджи-Мурат". 21. Судьба, удел. 22. Человек, который в оправдание за свой поступок должен бы хрюкать, а не говорить. 23. Окно в ЭВМ. 24. Недуг, обходящий безмозглых. 27. Поэт, чья жена Надежда писала о "послереволюции": "Разве думали мы, отменяя в России всякую законность, что мы отменяем ее и для себя". 31. Лекарственное растение, известное в народе как благодатка, благодать, кровавник, лихорадочная трава, мокрец. 32. Черпаковый подъемник. 35. Художник, "испанский Рафаэль". 36. Медвежье место. 37. Оттиск художественного изображения, выполненный при участии автора. 38. Птица на гербе Эквадора. 40. Возвышенная равнина с плодородными лесными почвами. 41. Месяц с праздником Рождества. 42. "Перина" для подхватившего "звездную болезнь". 44. Советский певец-бас. 46. Толпа оголтелых.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 12

По горизонтали. 7. Какаду. 10. Офицер. 11. Фермуар. 12. "Юнкера". 15. Нарзан. 18. Око. 19. Ласка. 20. Гир. 21. Шарада. 22. Эрхард. 23. Басня. 26. Хандра. 27. Матрас. 28. Злоба. 29. Брынза. 31. Елхово. 33. Рубец. 36. Натура. 38. Вихляй. 40. Иго. 41. Пельш. 42. Кок. 43. Соланж. 46. Фарада. 48. Бредина. 49. Мордва. 50. Каштан.

По вертикали. 1. Манн. 2. Пасека. 3. Чуфа. 4. Цорн. 5. Дитрих. 6. Щепа. 8. Триада. 9. Пушкин. 13. Корка. 14. Рододендрон. 16. Агротехника. 17. Зраза. 23. Базар. 24. Столб. 25. Ямаец. 30. Рутил. 32. Вилка. 34. Умелец. 35. Ельник. 37. Уганда. 39. "Хорошо!" 44. Овощ. 45. Жбан. 46. Факт. 47. Драп.

ЭРУДИТ

По горизонтали. 1. Произведения для рассказчика или сказителя. 7. Худой акселерат на языке народа. 10. Ученый, знаток кошек. 11. Судебная должность, в которую "не полз" А. Пушкин ("Товарищам"). 12. Живущая в земле американская ящерица только с двумя передними ножками. 13. Гоголевский герой, в "Письмах к тетеньке" М. Салтыкова-Щедрина крадущий на рауте у гостей то табакерку, то носовой платок. 14. Царь самоцветов в древней Индии. 15. Перпендикуляр к авеню в США. 16. Изобретение Б. Паскаля, бывшее особо популярным в архипелаге ГУЛАГ. 21. Великий Змей Вечности, ложе бога Вишну. 22. Поруганием ... на Руси называли порку, сечение (каждый из двух объектов в выражении). 26. Четверть гектара в Древней Греции. 27. Первый рейхсканцлер Германии. 29. Гора с каменной осыпью у эвенков. 30. Грызун Латинской Америки, приручаемый до собачьей верности человеку. 31. Величина без величины. 32. Одна из шести болезней сердца в миропони-

мании индийцев. 34. Лирический жанр трубадуров, в России освоенный В. Ивановым. 35. Гроссмейстер, отобравший у А. Алехина шахматную корону, но через два года вернувший ее ему. 36. Мастер, подаривший М. Лермонтову кинжал, описанный поэтом в одноименном стихотворении. 37. Масло, каким мазаны одинаково негодные люди. 39. Польский город в озерном краю восточнее Вислы. 43. Металларистократ, недоступный ни кислотам, ни щелочам. 45. "Трещина между мирами" (К. Кастанеда). 46. Привезенное из Африки растение, с эпохи Возрождения известное у садоводов как петушиный гребень. 48. Церковный сосуд, необходимый для литургии. 50. В стихотворении "Родрик" А. Пушкина "кругом свистали стрелы, не касаяся его, мимо ... летали, шлема меч не рассекал". 51. Ацтекский бог, по которому названа столица Мексики. 52. Колодезный журавль на Востоке, созданный тысячелетия тому назад. 53. Знаменитый царь Итаки на языке римлян.

По вертикали. 2. Главный носитель и разноситель в древности устойчивого языка. 3. Немецкий философ, прославившийся "Философией символических форм". 4. Самая незаметная и тусклая звезда Плеяд. 5. Каждый из старшин цеха суконщиков на картине Рембрандта 1662 года. 6. Степной хищник, убивающий сусликов гораздо больше, чем может съесть. 7. Прохиндей. 8. "Пирамидальный" народ. 9. Камень, из которого сделана стела с законами Хаммурапи. 10. Единица громкости. 16. Актер, завораживающий голосом кота Матроскина. 17. Лучшие валенки. 18. Кинорежиссер по имени Динара Кулдашевна. 19. Цель строительства первого небоскреба в Чикаго. 20. Французский государственный деятель и философ, считавший, что прогресс мысли проявлялся даже в самую "мрачную и варварскую эпоху" средних веков. 21. Старинная русская монета, а также название в XIX веке копейки на Украине. 23. Кресло, на которое, прежде чем сесть, надо еще взойти. 24. Штат, где родились семь президентов США. 25. Единственный герой Гомера, занимающийся торговлей. 28. Греческий летун, запечатленный на одной из стенных картин в Помпеях. 33. Бразильский писатель, "Ночью" услышавший "Музыку издалека", после чего он обрел "Место под солнцем" и узнал, что "Дальше — молчание". 35. Частная тюрьма для рабов в Древнем Риме. 38. Глава иезуитов, говоривший, что "обезьяна — враг Христа, подражающая человеку". 40. Древнегреческий скульптор, которому приписывают статую "Аполлон Бельведерский". 41. Ироническое самоназвание зеков ГУЛАГа во времена ежовщины. 42. Совет воинов столицы и приближенных царя в Хеттском царстве, который мог приговорить властителя к смерти. 44. Женщины Европы, знающие, что "черствый" хлеб — только что испеченный. 47. Зеленая краска на железных крышах. 49. Опасный для кораблей "подводник". ■

ОТВЕТЫ НА ЭРУДИТ, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 12

По горизонтали. 3. Лютнист. 9. Репин. 10. Лилия. 11. Минченков. 12. Грациан. 13. Нибур. 17. Венгерка. 18. ...бренность... 20. Жемчуг. 24. Щепак. 26. Ацетолит. 27. Циклоида. 28. Торий. 29. Ишимец. 34. Енгибаров. 35. Сарпинка. 38. ...обгон. 40. Яичница. 41. Эдельвейс. 42. Урема. 43. Иоанн. 44. Грандам.

По вертикали. 1. Феррара. 2. Гиацинт. 4. Юдин. 5. Ночь. 6. Санеев. 7. Зивие. 8. ...мишук... 10. Лонгфелло. 11. Магот. 14. Брючник. 15. Райграс. 16. ...отрезок. 19. Пациент. 21. Калипсо. 22. Демиург. 23. "Роделинда". 24. Щит. 25. Кий. 30. Чибис. 31. Карнеол. 32. Гоццано. 33. ...школяр. 36. Аберт. 37. Поэма. 39. Хван. 40. Яйла.

Дорогие читатели!

Мы подвели итоги конкурса "После дождичка в четверг",
Рады сообщить Вам, что победителями стали двести читателей,
20 процентов каталожной стоимости полугодовой подписки.

Искренне благодарим Вас за участие в юбилейном конкурсе, за Вашу

Победители конкурса:

Бельшева Г.А., Костромской р-он, п/о Сухоногово; **Арцыбасова Л.Д.**, Ростов-на-Дону; **Субботина А.А.**, Орел; **Батырова Б.А.**, Махачкала; **Загурский И.Н.**, Орел; **Баталина Л.Н.**, Москва; **Стародумова И.Н.**, Пермь; **Шевченко Э.А.**, Новокузнецк; **Лялина Г.В.**, Московская обл., Одинцово; **Малькевич Т.Е.**, Приморский край, Артем; **Быстров Э.Ф.**, Ставропольский край, Светлоград; **Пашенко И.Л.**, Москва; **Молчанов Ю.А.**, Воронеж; **Зарицкая О.В.**, Москва; **Чащина Т.М.**, Курган; **Камышанская А.П.**, Волгоград; **Жилина Н.П.**, Москва; **Малдов Л.Я.**, Москва; **Жваликовский К.Д.**, Москва; **Рубцова О.Н.**, Москва; **Евсина А.А.**, Москва; **Жарина О.П.**, Москва; **Верхова О.В.**, Краснодар; **Коловертнова Р.В.**, Санкт-Петербург; **Былкин Т.Д.**, Казань; **Венькова Л.С.**, С.-Петербург; **Затеева М.И.**, Москва; **Лискутова Л.С.**, Пензенская обл., с. Лопатино; **Исаева А.А.**, С.-Петербург; **Цветкова О.А.**, Московская обл., п. Селятино; **Веденнева Н.Н.**, Краснодарский край, Геленджик; **Булгакова Н.И.**, Курская обл., Обоянь; **Ченцова С.Н.**, Башкортостан, Белебей; **Комедиярова Е.Н.**, Краснодарский край, Курганнинск; **Окуличева О.Л.**, Мурманская обл., Кандалакша; **Рыжникова Л.Г.**, Москва; **Швецова Н.Г.**, Москва; **Липатова Е.В.**, Москва; **Платоненкова Н.Н.**, Томск; **Корчагина В.Т.**, Москва; **Солоницин В.В.**, Пермь; **Колобова Г.С.**, Москва; **Комарова Е.В.**, Москва; **Сукова Т.М.**, Москва; **Исак И.В.**, Москва; **Селиванова Н.Д.**, Челябинская обл., Магнитогорск; **Ахмерова Г.Г.**, Уфа; **Сосницкий В.С.**, Оренбургская обл., Ясный; **Котова Г.С.**, Москва; **Сабанова О.М.**, Москва; **Рогова В.И.**, Москва; **Соколов А.И.**, Москва; **Зайцева Н.Л.**, Москва; **Копылова И.Р.**, Московская обл., Сергиев-Посад; **Жигаева В.А.**, Москва; **Ипатова О.А.**, Москва; **Нестерова Н.М.**, Москва; **Мясников В.Г.**, Москва; **Абросимова С.Б.**, Томская обл., Северск; **Давыдов Ю.Г.**, Московская обл., Истра; **Тарасова И.С.**, Красноярск; **Терентьева Г.А.**, С.-Петербург; **Шмалько Л.С.**, С.-Петербург; **Царапкин В.А.**, Тюмень; **Калимбетова С.Ю.**, Калининград; **Михневич И.М.**, Москва; **Соловьев О.В.**, Йошкар-Ола; **Селькова А.П.**, Пермь; **Шестакова А.А.**, Приморский край; Уссурийск; **Чемезова Л.И.**, Томск; **Махрин В.И.**, Томск; **Семкина Т.А.**, Краснодар; **Семенюк В.Н.**, Краснодар; **Скряча Е.Я.**, Вологда; **Левашова Е.П.**, Ленинградская обл., п. Советский; **Пантелеева Е.Ю.**, Ленинградская обл.; **Едигарева Е.Р.**, Мурманск; **Осипова И.Б.**, Мурманск; **Лаврентьева С.А.**, Москва; **Алешина О.А.**, Московская обл., Долгопрудный; **Кузина Е.К.**, Москва; **Михневич И.М.**, Москва; **Капустин И.Г.**, Пермь; **Елисеева А.О.**, Эссенуки; **Митина А.И.**, Уренгой; **Чоботарев Д.В.**, Дмитров; **Матюхин Е.В.**, Сыктывкар; **Морозов Е.Г.**, Самара; **Никольский Е.Е.**, С.-Петербург; **Матвиенко И.С.**, Чебоксары; **Иванова А.А.**, Москва; **Ильин А.В.**, Ижевск; **Бортников Д.Г.**, Сарapul; **Щербаков В.И.**, Ставрополь; **Московский В.Н.**, Ленинск; **Орлицкая Н.Л.**, Ли-

посвященного 80-летию журнала "Смена".
которые получают памятный подарок и денежную премию в размере

многолетнюю верность нашему изданию, за Ваши поздравления и пожелания.

пец; **Настасьина Е.М.**, С-Петербург; **Наумова К.Б.**, Лобня; **Воробьев С.А.**, Липецк; **Губина О.Н.**, Воронеж; **Седых Л.А.**, Воронеж; **Болобанов Ю.П.**, Тверь; **Павлов П.В.**, Краснодар; **Савенков О.Г.**, Саранск; **Собакин Б.М.**, Липецкая обл.; **Козельков В.В.**, Андижан; **Костылева В.С.**, Видное; **Пестряков С.Ф.**, Саранск; **Свиридов С.А.**, Екатеринбург; **Хохряков А.И.**, Нижний Тагил; **Белова Л.А.**, Московская обл.; **Шамарин К.Р.**, Владимир; **Брейтер О.Э.**, Москва; **Байкова В.Б.**, Псков; **Хачатурян Н.В.**, Воркута; **Болдина Л.Л.**, Петропавловск-Камчатский; **Степанов Ф.Т.**, Кисловодск; **Калиниченко С.С.**, Николаев; **Истрина Н.М.**, Воскресенск; **Сидельников И.В.**, Нальчик; **Анненков И.Г.**, Новосибирск; **Грязнова О.В.**, Волоколамск; **Гудкова А.П.**, Хабаровск; **Хренникова Н.А.**, Астрахань; **Виноградов Л.В.**, Кисловодск; **Смоляков И.И.**, Саратов; **Шмякова Ю.В.**, Волгоград; **Аверин В.Е.**, Рязань; **Марушкин А.П.**, Мурманск; **Мураидов А.А.**, Мичуринск; **Остапенко П.Б.**, Набережные Челны; **Ступин Л.Д.**, Тольятти; **Коган Э.Б.**, Брест; **Шашкова Т.А.**, Нижний Новгород; **Мороз В.Я.**, Волгоград; **Мерзляки К.И.**, Челябинск; **Уварова Л.Е.**, Челябинск; **Копалева Г.И.**, Комсомольск-на-Амуре; **Родионова Е.Ю.**, Биробиджан; **Болдина А.Б.**, Чита; **Макаров И.В.**, Москва; **Струков С.С.**, Люберцы; **Брагина П.О.**, Павловск; **Дмитрусов В.Л.**, Витебск; **Смирницкий В.М.**, Минеральные воды; **Водянов В.М.**, Архангельск; **Козырева Р.С.**, Кандалакша; **Умрихин А.А.**, Люберцы; **Веселова М.В.**, Бронницы; **Зыбина Л.В.**, Череповец; **Марченко О.Г.**, Вологда; **Маркелов Н.И.**, Нижневартовск; **Тарханов Н.Н.**, Омск; **Стряпуха В.Л.**, Пермь; **Федорова Д.П.**, Дмитров; **Островский А.В.**, Оренбург; **Корман И.М.**, Нижний Новгород; **Кривошеин О.С.**, Брянск; **Варгин Е.Ю.**, Уренгой; **Куликов Ю.И.**, Петрозаводск; **Петренко Я.Б.**, Армавир; **Цалкин Ю.М.**, Оренбург; **Ратников С.А.**, Звенигород; **Сметанина А.А.**, Новороссийск; **Смирнов В.Б.**, Москва; **Смирнов М.Д.**, Саранск; **Данильчук В.И.**, Ставропольский край; **Чичерин А.В.**, Минеральные воды; **Шипачев В.Ю.**, Мичуринск; **Бабина А.К.**, Кемерово; **Бабаев Н.Н.**, Рыбинск; **Боков А.С.**, Ярославль; **Аристов В.Н.**, Калуга; **Бирюкова А.В.**, Дубна; **Грозная Д.И.**, Иваново; **Басов Н.Ю.**, Ступино; **Немцов В.Ф.**, Анапа; **Дарькина Е.С.**, Бодайбо; **Соловов С.С.**, Нижневартовск; **Ильинский О.П.**, Оренбург; **Еремин Б.В.**, Старый Оскол; **Истомина Г.В.**, Архангельск; **Новожилова И.Д.**, Звенигород; **Беспалова В.И.**, Сургут; **Абдулов М.Ю.**, Ижевск; **Родионова И.И.**, Краснодар; **Исаева А.В.**, Владивосток; **Кириллов А.А.**, Наро-Фоминск; **Цыганок А.А.**, Москва; **Бодров П.В.**, Суздаль; **Стрельников А.В.**, Кашира; **Марьяна М.В.**, Кострома; **Иванова О.Р.**, Хабаровский край; **Градов Д.В.**, Иркутск; **Гринько Е.В.**, Оренбург; **Васиков Д.В.**, Киров; **Царев Ф.И.**, Калининград; **Селезнев Г.Г.**, Шуя; **Беляева Г.В.**, Курган; **Морковкин И.В.**, Бердянск.

Книги ИОНА КОЛФЕРА появились на российском книжном рынке относительно недавно, но уже успели завоевать симпатии читателей.

Первое, на что обратили внимание как критики, так и дети — то, что главный герой Колфера — Артемис Фаул — не привычный положительный персонаж, а злодей. Наследник преступной империи, помимо огромного состояния, парень обладает изощренным умом, который позволяет постоянно пополнять счета семейства. Злодеяния, которые он замышляет и осуществляет, потрясают своим размахом и дерзостью.

“Артемис Фаул” — первая из трех книг, посвященная этому вундеркинду. Собственно, это описание его дебютного преступления. И какого!

В свои 12 лет Фаул-младший решил пойти против волшебного народца и отобрать золото у эльфов, лепреконов и гоблинов, обитающих, как известно, под землей. Помогал Артемису его слуга-телохранитель Дворецки. Этот тандем работал безотказно: парень разрабатывал гениальный план, а огромный накачанный Дворецки воплощал его в жизнь. Однако заставить волшебный народец расстаться со своим золотом — задача не из легких. Фаулу-младшему и его слуге противостояли лучшие силы Подземной Полиции: в том числе и единственная женщина Легина — Элфи Малой, майор Крут и гениальный изобретатель — кентавр Жеребкин.

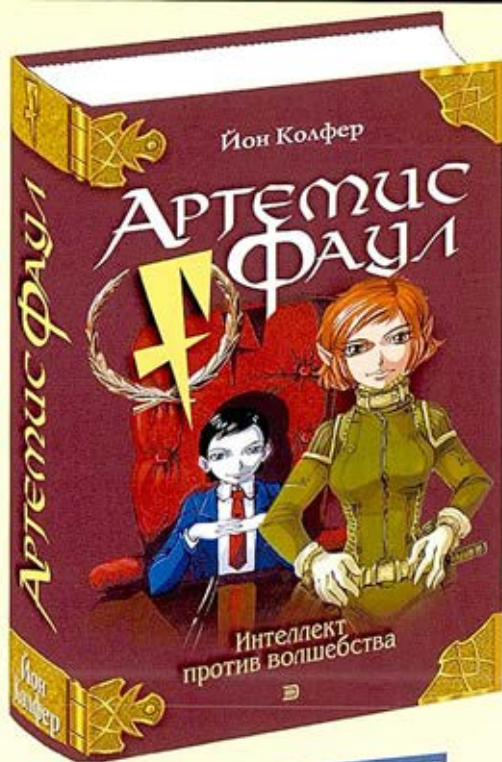
Вторая книга описывает события, произошедшие всего лишь спустя год после первой встречи Артемиса с волшебным народцем. Однако за это время юный злодей успел совершить массу противозаконных действий: в частности, написал компьютерную программу, с помощью которой он взломал охранную систему одного из швейцарских банков, перевел на свой счет несколько миллионов долларов. Кроме того, мастерски подделал более дюжины полотен самых известных импрессионистов. Впрочем, среди его достижений были и более безобидные: 13-летний парень с легкостью победил в онлайн-овом турнире по шахматам чемпиона Европы и одержал победу в конкурсе на лучший архитектурный проект нового оперного театра в Дублине.

Во второй книге трилогии — “Миссия в Арктику” — речь идет о русской мафии, известной своей жестокостью и беспощадностью.

Отец Артемиса несколько лет назад пропал без вести. Однако Фаулу-младшему внезапно приходит по электронной почте письмо, в котором сказано, что его родитель захвачен в плен русскими бандитами и находится в Мурманске.

Герой прекрасно понимает, что даже с помощью верного Дворецки одному ему не справиться со столь сильным противником. И он решает воспользоваться волшебной силой эльфов и лепреконов. Фаулу повезло: именно в этот момент волшебному народцу жизненно необходима поддержка Артемиса. И бывшие враги, скрепя сердце, вынуждены пойти на соглашение...

ИОН КОЛФЕР

ИОН КОЛФЕР

© 2005 K-Systems. Все права защищены. Фото: А. С. Смирнов. Фото: А. С. Смирнов. Фото: А. С. Смирнов. Фото: А. С. Смирнов. Фото: А. С. Смирнов.

КОМПЬЮТЕРЫ БИЗНЕС-КЛАССА

Красивое решение любых задач!

Компьютер K-Systems Irbis на базе процессора Intel® Pentium® 4 с технологией Hyper Threading.

Розничные продажи:
ЭЛЬДОРАДО (095) 5-000-000, МИР (095) 780-0000,
М.ВИДЕО (095) 777-777-5

Москва (095) 495-1167, 948-3650
С.-Петербург (812) 327-6556
www.k-systems.ru